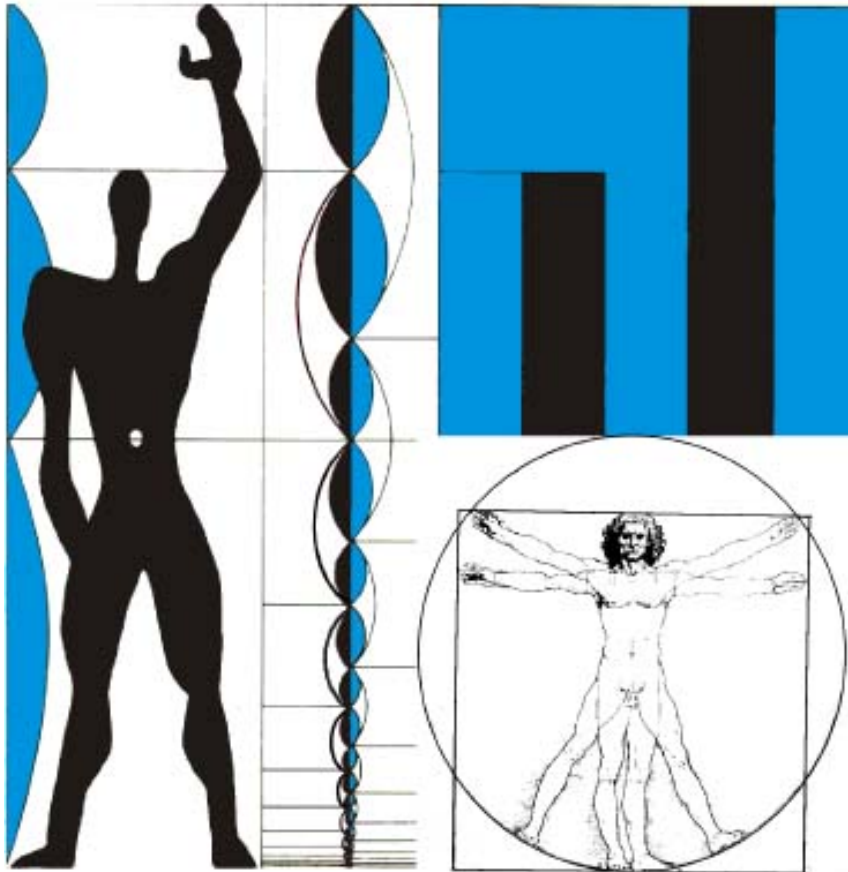


А. И. Уёмов

СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ



Перед Вами новая книга Авенира Ивановича Уёмова, крупнейшего философа, логика, методолога науки, автора 372 научных работ, доктора философских наук, профессора, академика академии истории и философии науки, промышленности, образования и искусства (Калифорния, США), создателя и председателя Одесского философского общества.

Авенир Иванович Уёмов, 1928 года рождения, закончил философский факультет Московского

государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1949 году и там же аспирантуру при кафедре логики в 1952 году. Тогда же защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Аналогия в современной технике». В 1964 году защитил докторскую диссертацию «Вещи, свойства и отношения и теория выводов по аналогии». Работал в Ивановском педагогическом институте (1952-1964) и в Одесском государственном университете (1964-1973) заведующим кафедрой философии. В 1973-1996 годах заведовал отделом теории управления и системного анализа в Одесском отделении института экономики АН Украины (ныне — Институт проблем рынка и экономико-экологических исследований НАН Украины). Сейчас — ведущий профессор кафедры философии естественных факультетов философского отделения Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова.

Содержание

Содержание.....	2
Введение	3
Глава I. Чем занимается философия?	3
§1. Определение философии.....	3
§2. Отношение философии к науке и религии.....	4
§3. Философия и мировоззрение.....	7
§4. Философия как квазинаука.....	7
§5. Философия и политика.....	8
§6. Проблема классовой и национальной философии.....	9
§7. Проблема оценки философии. Значимость системного подхода.....	10
Глава II. Философские категории системного подхода	12
§1. Вещи, свойства и отношения.....	12
§2. Определенное, неопределенное и произвольное.....	18
Глава III. Генезис общей теории систем	21
Глава IV. Элементы параметрической общей теории систем	28
§1. Определение понятия системы.....	28
§2. Системные дескрипторы. Двойственность и дополнительность. Принцип универсальности системного описания. Классификация характеров по системным дескрипторам.....	30
§3. Системные параметры.....	32
Глава V. Порядок и хаос	34
§1. Порядок и хаос в мифологии.....	34
§2. Порядок и хаос в рамках физики и кибернетики.....	34
§3. Порядок и беспорядок в свете параметрической общей теории систем.....	38
Глава VI. Материя, идея, сознание. Основные вопросы философии	41
§1. Материя и форма.....	41

§2. Сознание.....	45
§3. Материя.....	47
§4. Отношение сознания к материи.....	49
Глава VII. Теоретико-системные аспекты проблемы смысла жизни	54
Глава VIII. Добро и зло	58
Глава IX. О счастье	63
§1. Определение понятия счастья.....	63
§2. Эпикур и эпикурейцы.....	64
§3. Химическая и физико-информационная теории счастья.....	66
§4. Теоретико-системная теория счастья.....	68
Заключение	75
Сноски.....	76

Введение

Я был счастлив, когда начал читать те лекции, на основе которых написана эта книга. Причину моего радостного возбуждения нетрудно понять. Моя философская жизнь началась при Сталине и Берии и продолжалась при генсеках, каждый из которых был самым крупным философом нашей страны, мнение которого было непререкаемым. Это было очень тяжелое время. Правда, среди людей моего поколения распространена ностальгическая тоска о прошедших годах, когда колбаса и водка были дешевыми, а при Сталине даже и цены снижались. Эти люди мне напоминают тех крыс в известном опыте, которые спокойно кушали сыр, несмотря на то, что они видели, как их товарки корчились под ударами электрического тока. Цены можно было снижать за счет труда миллионов рабов в ГУЛАГе и десятков миллионов крепостных в колхозах и совхозах. Поэтому брошенный кусок колбасы с господского стола не мог радовать тех, кто достигал нравственного уровня тех крыс, которые отказывались от сыра, глядя на страдающих близких.

Времена были тяжелые не только из-за ГУЛАГа с его колючей проволокой. Для философа не менее отвратительна та проволока, которая опутывала его мысли. Боялись не только говорить, но и думать. Конечно, у разных философов этот страх проявлялся по-разному. Некоторые все же думали и думали по-своему, чаще всего, полагая, что их мысли не противоречат мыслям классиков марксизма, а развивают их. Но любое разномыслие подтачивало систему, ибо создавало сложность там, где требуется целостность. Здесь я использую системные параметры, о которых более подробно будет идти речь впоследствии.

Сейчас - в нашей стране - золотое время для развития философии. Такой свободы философствования здесь никогда, пожалуй, не было. Старому догматизму нанесен такой удар, от которого он вряд ли воспрянет. Новый догматизм еще не укрепился. Нужно ловить момент, когда вопрос о том, как нужно рассуждать, решают сами философы, а не некие, стоящие над ними, руководящие инстанции.

Глава I. Чем занимается философия?

§1. Определение философии

В отличие от курсов физики и математики, в которых предмету этих наук, обычно, уделяется в лучшем случае лишь несколько фраз, философы, как правило, вопросу о специфике философии и философского знания уделяют достаточно много внимания. Обычная точка зрения, излагаемая в обязательных для слушания курсах диалектического материализма, заключается в том, что философия – это наука о всеобщем. В отличие от отдельных наук, изучающих те или иные части или стороны бытия, философия изучает бытие вообще, в частности, «наиболее общие законы развития природы, общества и мышления». Другие говорят, что это наука о мировоззрении, об отношении между сознанием и материей и т. д. Подобно тому, как то или иное положение является физическим или математическим совершенно независимо от того, когда оно высказано, философский характер знания не зависит от условий места и времени. И вот это, казалось бы, очевидное утверждение, мне представляется неверным. Нет никакой вечной специфики философского знания. Для того, чтобы ответить на вопрос, является ли то или иное утверждение философским, нужно знать, где и когда возникло это знание. Иными словами, одно и то же знание может быть философским в одну эпоху и может не быть философским в другую эпоху. Возьмем классический пример: «все состоит из атомов». Это было философским знанием, скажем, до 19 столетия. Сейчас это не философское, а физическое знание. Об утверждении «движение не исчезает» можно сказать то же самое. Существует много примеров такого типа. Они говорят о том, что знание меняет свой характер в зависимости от прогресса науки и философии. Сказанное не означает, что не может быть дано определение философии и, соответственно, философскому знанию. Однако это определение должно иметь иной характер, чем определения конкретных наук. В нем не нужно указывать на тот или иной конкретный объект, который с течением времени изучается со все большей глубиной и основательностью. Определение философии должно быть не конкретно-содержательным, а функциональным. В таком определении указываются не конкретные объекты, а функции

философии в изучении любых объектов. Классическое определение такого рода – это определение Аристотеля: «философия (мудрость) есть некоторая наука о началах»¹. Значит это – начальная стадия любого исследования. На этой стадии исследование еще не стало наукой. Поэтому философия как таковая не наука. Но это первая, важнейшая стадия развития любой науки, можно сказать, генератор науки.

Задача ученого – превратить философию в науку, которая, в свою очередь, станет основой для возникновения новой философии, которая сама должна будет превратиться в науку. Важно то, что без философии ни одна наука не может сдвинуться с места. Ученый, отвергающий роль философии в развитии науки, похож на Ходжу Насреддина, который в известной притче отвергал роль Солнца, поскольку оно светит днем, когда и без того светло, и подчеркивал роль Луны, которая светит ночью.

Мы примем аристотелевское определение философии как учения о началах-принципах. Это будет означать, что философия занимается наиболее фундаментальными проблемами. Что значит фундаментальными? Это значит, что от решения этих проблем зависит очень многое, от решения этих проблем зависит решение других проблем из области науки, религии, вообще деятельности человека. Не решив философские проблемы, мы не можем решать другие. Даже когда нам кажется, что мы не занимаемся философией, на самом деле мы ею занимаемся. Мы для себя решим эти проблемы, может, быстро, необдуманно решим, но решим. Философия, будучи учением о принципах, отлична от науки и религии, искусства и других форм общественного сознания.

§2. Отношение философии к науке и религии

В чем это отличие проявляется? Начнем с науки. Наука может обосновывать свои положения до такой степени, что делает их общезначимыми, даже общеобязательными. Скажем, математика доказывает, что пятью пять – двадцать пять. Есть таблица умножения, и, хотите вы или не хотите, вы вынуждены будете с этим согласиться, если вы хотите войти в европейскую культуру. Если вы не хотите войти, то можете, конечно, не соглашаться. Тогда скажут, что вы – дурак или сумасшедший. Значит, наука отличается принудительностью, она заставляет принять свои утверждения. Философия не отличается принудительностью. Она предоставляет свободу. Можно сказать о философии, что это царство свободы. Вы свободно выбираете те или

иные философские утверждения, и никто не может вам сказать, что вы ошибаетесь, что вы не правы, что ваша позиция никуда не годится. Это ваша позиция. Вы можете отвергать любое философское утверждение, в частности, в том, что я говорил, вы можете все отвергнуть. Утверждения о характере философии тоже являются философскими. И вы можете сказать, что все это ахинея, а на самом деле философия – это наука об отношении мышления к бытию. И я не могу вас опровергнуть. Я могу сказать, что ваша позиция отличается от моей, но не могу доказать, что она ложна.

Чем отличается философия от религии (включая псевдорелигию типа марксизма, маоизма и т. д.)? Отличие от религии в том, что философия, хотя она и не может достигнуть принуждения в принятии своих утверждений, в общем-то, стремится к аргументации. Если вы скажете, что философия изучает, скажем, отношение мышления к бытию, все же я могу спросить: «А почему вы так думаете? Как вы можете это обосновать?» И вы попытаетесь обосновать, как и я пытаюсь обосновывать свою позицию. То есть философия, хотя она не принуждает к принятию своих утверждений, но, тем не менее, к этому стремится. И принуждение имеет чисто ненасильственный характер. Это очень существенно. В отличие от этого, религия и псевдорелигия применяет тот или иной способ насилия. Насилие не обязательно грубое, насилие может быть психологическим. Скажем, если вы отвергаете какие-то утверждения, то вы уходите из общины. Звучит душещипательная музыка, песни: «Вот ты нас покинул, но мы надеемся, что ты вернешься». Это тоже определенное психологическое принуждение. Либо прямое принуждение – сила: ГУЛАГ, костер. Не принимаешь некоторого утверждения – пожалуйста, путевка в лагерь или, что еще хуже, на костер. Вот этим отличается религиозная и псевдорелигиозная идеология.

Философия может выродиться (слово «выродиться» не очень подходящее), возвыситься до науки или выродиться в какую-то форму псевдорелигии. В науку она может превратиться тогда, когда аппарат обоснования развивается до такой степени, что он достигает интеллектуальной принудительности, такой, как в науке. И тогда она становится наукой, тогда возникают науки из лона философии. Мы говорим – отпочковываются. Действительно это так.

Например, физика во времена Аристотеля была частью философии, хотя это была не первая философия. Но затем физика получила определенные средства обоснования своих утверждений более глубокие, чем остальная философия, как-то: наблюдение, эксперимент.

Со времен Галилея можно уже говорить, что физика отпочковалась от философии. Здесь можно спорить: Галилей залезал на Пизанскую башню и бросал оттуда ядра, или же он применял математический аппарат. Есть две точки зрения. Но в любом варианте новая физика включала способ принуждения. Дальше от философии отпочковалась биология, метеорология, совсем недавно – психология.

Другой вариант. В философии приобретает значение не столько обоснование утверждений, сколько сами утверждения. Нужно, чтобы люди их разделяли. И тогда она вырождается в квазирелигиозную идеологию. Типичный пример – эволюция марксизма: вначале это-чисто философская концепция, а дальше она начала применять принуждение, причем неинтеллектуального характера. Дело не только в Сталине, и даже не в Ленине. Возьмем Плеханова Георгия Валентиновича. Когда он прочитал сочинение Т. Масарика, направленное против марксизма, то не стал опровергать его, как профессор опровергал бы профессора. Он иронизирует над ним: нужно разоблачить классового врага, выяснить, наш – не наш человек. Вот этот аргумент, который чрезвычайно опасен: он ведет к квазирелигии. Марксизм на современном этапе превратился в квазирелигию.

Философия может превратиться и в настоящую религию. Так, буддизм первоначально – чисто философская система, а затем – чисто религиозная; даосизм – учение Лао-цзы. Это философская система во времена самого Лао-цзы, затем возникла религия под названием даосизма. Но это, в общем-то, грубая схема, возможны промежуточные случаи. И религиозные системы имеют различное отношение к проблеме аргументации. Скажем, у протестантов стремление к аргументации значительно ярче выражено, чем у католиков, у католиков ярче, чем у православных.

Прогресс в философии может рассматриваться, с моей точки зрения, по нескольким направлениям. С одной стороны, обнаруживаются новые глубокие проблемы, о которых мы просто не задумываемся, а философия «вытаскивает» их. В настоящее время это проблема человека, его судьбы, предназначения в этом мире. Конечно, эта проблема давно существовала, но в настоящее время она становится наиболее актуальной. Проблема сохранения окружающей среды, проблема соотношения человека и среды. Эта проблема раньше, по сути дела, не поднималась, а сейчас она стала наиболее актуальной, и в основе решения этой проблемы лежит та или иная философская предпосылка. С другой стороны, развитие философии связано с

тенденцией превращения ее в науку, но не всей философии в целом (конечно, это невозможно), а, по крайней мере, части ее. Мы можем проследить эту тенденцию на всей истории философии. Возьмем, например, Б. Спинозу. Его «Этика» изложена геометрическим способом. Почему геометрическим? Это – историческое недоразумение. Дело в том, что именно геометрия, в силу своей большей простоты первой, получила аксиоматическую форму своего выражения (геометрия Евклида). Значит, Спиноза имел в виду не геометрию как таковую, а аксиоматический способ изложения этики. Геометрия – наука, и этика, которая по сути дела понимается как философия вообще, тоже будет наукой. Дальше. И. Кант «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки» – таково полное название изложения его фундаментального труда «Критики чистого разума». Это еще одна форма выражения. Значит, метафизика, которая может возникнуть в качестве науки. Что для этого нужно? Нужно очистить ее от всевозможных наслоений, которые есть в разуме, нужно дать критику чистого разума, отсеяв все то, что не является чистой наукой. Это другой путь.

Третий путь. По нему пошли позитивисты. Они сказали: нужно всю метафизику отбросить, оставить чистые факты, и тогда философия может быть понята как обобщение данных науки. Особая философия вне науки будет не нужна. Противоположны по своему характеру антисциентистские тенденции, которые очень распространены в настоящее время. Их сторонники считают, что наука – нечто плохое, и мы, поэтому, не должны заниматься наукой, не будем применять способы аргументации, которые есть в науке. Тогда какие же? Таким образом, такого рода философия превращается опять-таки в псевдорелигию, типа некоторых восточных культов, адепты которых изрекают различного рода бессмысленные словосочетания и получают при этом колоссальное удовольствие.

Значит, философия постоянно распадается, превращаясь в науку и псевдорелигию и, вместе с тем, возрождается вновь, чтобы вновь распадаться. Я лично стою на сциентистских позициях и полагаю, что это очень важное и нужное дело – превращение философии в науку, когда она перестает быть только философией. Но это не будет концом философии. Превратившись в науку, она приведет к возникновению новых философских проблем – новой философии, которая также будет стремиться превратиться в науку.

Мне задали такие вопросы:

«Если Философия не наука, тогда зачем она изучается в вузе, ведь в вузе изучаются науки! Не кажется ли Вам, что отрицание философом научности своей дисциплины – это что-то вроде харакири?»

Строгих методов доказательств нет во многих науках (история, искусствоведение и т. д.)».

«Как можно изучать философию, ведь она не наука, а изучать можно строго установленное (науку)?»

Мне представляется, что задающие эти вопросы исходят из ложной предпосылки: изучаться может и должна только наука. Но разве свод законов и всевозможных постановлений вышестоящих органов – это наука? Тем не менее, юристы эти законы и постановления изучают самым тщательным образом. И в педагогике, и в медицине, и в горном деле, и в технике мы во многих случаях найдем не науку, а, скорее всего, обмен опытом, совокупность полезных советов. Никто не скажет, что все это не нужно изучать, и, тем более, что это нельзя изучать.

Тот факт, что философия не является наукой, отнюдь не умаляет ее. Если бы она была наукой, то в политехническом институте учили бы еще одну, а тут их и без того много. Зачем дополнительная наука? Инженеры скажут: сначала нужно выучить свои науки, а потом – другие. Философия не наука, но генератор наук. Это то, с помощью чего наука создается. Женщина может родить тяжеловеса, не будучи сама тяжеловесом. И то, что она не тяжеловес, не унижает ее, и это не харакири ее как женщины.

Что касается истории, искусствоведения и других наук, в которых нет строгих методов доказательства, то здесь весь вопрос в том, что именно доказываемся. Например, в истории совершенно строго доказываемся, что в 1709 г. под Полтавой было большое сражение и что победил царь Петр. В искусствоведении есть строгие методы доказательства того, что, например, картина написана не вчера, а два века назад. Можно попытаться обмануть искусствоведов, но рано или поздно обман раскроется. И вы не имеете права на особую точку зрения, не можете считать свою подделку картиной Тициана и полагать, как бы этого ни хотелось, что под Полтавой победил гетман Мазепа и его союзник король Карл.

И в истории, и в искусствоведении, и в других науках такого типа существует масса общепризнанных положений. Здесь нет ничего похожего на то, что считается «скандалом в философии». Согласно немецкому философскому словарю, «скандалом в философии называют то обстоятельство, что философия, несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла еще, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных»².

Далее цитируется К. Ясперс, который говорит: «То, что из непреложных оснований признается каждым, становится тем самым научным познанием и не является больше философией, а относится к конкретным областям знания»³.

Термин «скандал» не очень удачен вследствие своих, чисто отрицательных, ассоциаций. На самом деле, этот «скандал» имеет и весьма положительное значение. Не принуждая всех к принятию одной, единственно истинной точки зрения, философия разрабатывает все более богатый спектр таких точек зрения. И каждая из них может открыть новые горизонты познания, новые пути приспособления к окружающему нас миру.

Превращение философии в науку, о котором шла речь выше, не является единственным способом воздействия философии на науку. Чаще всего философия определяет развитие науки, не превращаясь сама в науку. Я имею в виду тот факт, что философия выступает в качестве методологии науки. Что это означает?

Аристотель высказал идею аксиоматического построения научного знания. Сама по себе эта идея еще не наука. Ее нельзя доказать логически. Ее нельзя подтвердить или опровергнуть экспериментально. Но ее можно воплотить в конкретно-научном построении, что и было сделано в геометрии Евклида.

Френсис Бэкон предложил эмпирические методы исследования причинных связей.

Опять-таки, они не могут быть доказаны. Попытки дедуктивного обоснования индукции неоднократно делались, но успех им не сопутствовал, и в настоящее время признано, что это и не могло быть иначе. Что же касается эмпирического обоснования методов эмпирического исследования, то здесь возникает порочный круг, поскольку правомерность такого обоснования предполагает правомерность этих же методов.

Можно продолжить список методов, которые разрабатываются в рамках философии для науки. Их совокупность обычно называется методологией науки и является важнейшей составной частью философии. В несколько ином смысле термин «методология» употребляется также для обозначения не самих методов, а учения об этих методах.

Методология науки, несмотря на то, что она сама по себе не наука, является предпосылкой науки, без которой не сможет сделать ни одного шага.

От методологии науки отличают, если хотят быть очень точными, еще логику науки и просто логику. В отличие от методологии, логика является наукой. Она опирается на тот или иной метод, например, аксиоматический. В рамках этого метода логические положения доказываются. Однако это не означает, что логика, так же, как такие науки как физика и даже психология, выходит за рамки философии. Она является неотделимым составным элементом философии, потому что является началом, началом любого знания, как научного, так и выходящего за рамки науки. Таким образом, несмотря на то, что философия в целом не является наукой, она включает в себя, как уже отмечалось выше, по крайней мере, одну науку – науку логики, которая является сущностью философии. Сущностью философии она является потому, что ни одно серьезное обсуждение философской проблемы не обходится без анализа ее логической стороны.

Различие методологии науки и логики науки не всегда можно провести достаточно строго. Поэтому сборники и конференции обычно посвящают логике и методологии науки. Сюда иногда присоединяют также термин «философия науки», имея в виду, что не все философские вопросы, из которых так или иначе исходит наука, относятся к методологии в более узком смысле этого слова. Например, к таким философским вопросам относятся проблемы онтологии и гносеологии. Отсюда – название международных конференций по логике, методологии и философии науки.

§3. Философия и мировоззрение

Во времена Сталина изложенное выше понимание философии считалось бы еретическим. Сталин определяет философию как мировоззрение: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии»⁴. Буквально так никто сейчас не говорит. Однако понимание философии как мировоззрения во многих работах сохранилось. Что же такое мировоззрение? В философском словаре 1991 г. под редакцией И. Т. Фролова дается такое определение: «Мировоззрение – система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение к действительности, общее понимание мира, так и жизненные позиции, программы деятельности людей»⁵.

Из этого определения мы видим, что философия может участвовать в выработке мировоззрения, но это не обязательно. Каждый человек

имеет какое-то мировоззрение, ибо нельзя обойтись без взглядов и убеждений, но можно не задумываться над ними, не замечать противоречия между ними, с чем мы встречаемся на каждом шагу. В таком случае мировоззрение не имеет философского характера. Поэтому нельзя определять философию через мировоззрение. Но, поскольку философия это исходный пункт исследования всего сущего, она может быть применена к исследованию любого мировоззрения, в том числе и не философского.

Такое исследование осуществляется с помощью совокупности определенных методов, т.е. методологии. Поэтому методология и мировоззрение в рамках философии не должны противопоставляться друг другу. Те аспекты мировоззрения, которые могут быть названы философскими, предполагают использование философской методологии для решения мировоззренческих проблем. В противном случае мы можем иметь обывательское, мифологическое, религиозное и т. д. мировоззрение, но не философское.

§4. Философия как квазинаука

Возвращаясь к рассмотренному выше вопросу о превращении философии в науку, следует подчеркнуть, что обычно этот процесс является длительным. Прежде чем стать наукой в точном смысле этого слова, философия функционирует в качестве квази – или псевдонауки. Она может даже остановиться на этой стадии развития.

Возьмем, например, философскую антропологию – учение о человеке. Сейчас в рамках философии очень много говорят о человеке. Стало хорошим тоном говорить о человеке, хотя в старых программах по философии, человека как особого предмета изучения не было. Что же может сказать философ о человеке? Достаточно много – Гельвеций в свое время написал толстую книгу, которая так и называлась: «О человеке». Ее подверг достаточно резкой критике другой выдающийся представитель французского материализма XVIII века – Дени Дидро. На меня – тогда студента первого курса Политехнического института во Владивостоке – книга Гельвеция произвела потрясающее впечатление. Я ею так увлекся, что, в конце концов, сам стал философом. Что же больше всего привлекло меня в ней? Совсем не то новое, что я узнал. Прочитав книги по паровым котлам и машинам, я узнал бы гораздо больше. Но что я мог бы возразить авторам этих книг, равно как авторам книг по математике, физике, сопротивлению материалов и другим

наукам? Ничего. Я должен был бы много учиться, потом работать и только после этого, быть может, мне удалось бы сделать скромное замечание. А в споры о человеке я включался сразу же, на равных. Я мог, похлопывая по плечу и Гельвеция, и Дидро, высказывать свою точку зрения по любому вопросу, который они разбирали. И это – восхитительное ощущение. Я счастлив, что мог пережить его!

Мне представляется, что многие философы, занимающиеся так называемой философской антропологией, делают это ради тех же ощущений, которые я пережил. Им кажется, что они становятся равными великим философам. Но это свидетельствует лишь о том, что философская антропология еще не стала наукой. А есть ли наука о человеке? Существует много конкретных наук о человеке – анатомия человека, физиология человека, психология и т. д. Но науки о человеке вообще, т. е. антропологии в буквальном смысле этого слова, нет. Иногда она требуется. И тогда в качестве этой науки используют философскую антропологию. Но это пока лишь квазинаука. На мой взгляд, нет принципиальных препятствий к тому, чтобы в будущем она стала наукой. Но для этого необходимо создание соответствующего механизма принуждения, который должен заставить каждого принять положения этой науки, как, скажем, заставляют принять положения физики. Но, увы! Восхитительное ощущение свободы мнений, таким образом, исчезнет.

§5. Философия и политика

Последний вопрос, на котором следует остановиться, говоря о предмете философии, это вопрос об отношении к политике. «Политика» – от слова «полис» – город-государство. Политик – человек, который живет делами города, общества. Согласно Аристотелю, человек – это зоонполитикон, животное политическое. Получается, что человек, не занимающийся политикой, это и не человек вовсе.

У нас распространен другой взгляд, воплощенный в изречении «политика – дело грязное». С этой точки зрения можно быть человеком, даже хорошим человеком и не занимаясь политикой. Я хотел бы заострить вопрос следующим образом. Можно ли быть человеком, даже хорошим человеком не занимаясь трудом, а пользуясь трудом других? Присвоение результатов чужого труда – это паразитизм. Политика – это тоже труд, зачастую не только тяжелый, но и очень опасный. Человек, занимающийся политикой, зачастую жертвует собой ради блага

общества. Не занимающийся политикой охотно пользуется добытыми кем-то благами, не желая ничего делать ради их упрочения. Разве это не присвоение результатов чужого труда?

К сожалению, результат политической борьбы – это не всегда благо общества. Этот результат может быть благом отдельной группы или даже кучки людей. В таком случае мы говорим о поражении политиков, которые боролись ради блага общества. И основную долю вины в этом поражении несут те, кто отсиживается в кустах, не занимаясь политикой. Если бы демонстрацию в защиту учредительного собрания в 1918 г. активно поддержали все те, кому это собрание было нужно, в России, возможно, не было бы страшных десятилетий большевистской диктатуры. Я не хочу сказать, что политика не может быть грязным делом, если это – грязная жизнь.

В каком же отношении политика находится к философии? У Аристотеля были работы, одна из которых называлась «Физика», а другая – «Политика». Физика превратилась с течением времени в строгую науку. Политика, к сожалению, в науку не превратилась. Вопрос о причинах этого очень интересен, но он не относится к нашей сегодняшней теме.

Если бы политика была строгой наукой – такой, как физика, то политическая борьба вряд ли была бы возможна. Но, не имея науки, мы, занимаясь политикой, все же должны исходить хотя бы из определенного разумного осмысления действительности, то есть из философии. Если нет науки политики, есть философия политики, или политическая философия. Специфика философии в том, что в ее рамках возможны различные, даже противоположные позиции. Это соответствует многообразию позиций в политике. Философская борьба может переходить в политическую борьбу, равно как и наоборот, политическая борьба – в философскую.

В те периоды, когда политическая борьба, вследствие тех или иных причин, затухает, снижается интерес к философии. Но в переломные моменты истории, когда лихорадочно ищутся ответы на вопросы «что делать?», «куда идти?», роль философии резко возрастает. Как совершенно справедливо отмечает Ф. Энгельс, политическим революциям предшествуют революции философские. Французские философы XVIII века зачастую печатали свои сочинения по ту сторону границы и были близки к тому, чтобы попасть в Бастилию⁶. Это, конечно, потому, что их философия была тесно связана с политикой. Американские философы, такие как Б. Франклин и Т. Джефферсон сами,

участвуя в американской революции, активно занимались политикой. И делали это хорошо.

В нашей стране политической революции 1991 г. предшествовала своего рода философская революция, освободившая в значительной мере философию от марксистско-ленинского догматизма. И это способствовало успеху политической революции. Интересно отметить, что в число первых 7 сопредседателей одесской руховской организации входило 4 профессиональных философа.

§6. Проблема классовый и национальной философии

Означает ли сказанное выше правильность марксистского тезиса о классовый природе любой философии? Верно ли, что каждый философ выражает интересы определенного класса? Далее, верно ли, что материализм представляет собой идеологию прогрессивных, а идеализм – реакционных классов?

Эта схема, которой обязаны были придерживаться все преподаватели философии, не выдерживает критики уже при рассмотрении античной философии. В соответствии с марксистской схемой, основными классами здесь признавались рабовладельцы и рабы, которые должны были бороться друг с другом. А эта борьба должна была отображаться в философии в виде борьбы идеализма и материализма. Борьба идеализма и материализма действительно имела место, но она никак не была связана с борьбой рабов и рабовладельцев. Из этого положения выходили, ссылаясь на занятость рабов, которые вследствие этого не могли иметь своей философии. Но крепостные были не менее заняты, и, самое главное, больше всего были заняты пролетарии на заводах при 12 – 14 часовом рабочем дне. Почему же оказалась возможной философия пролетариата?

Как ни странно, рабы все-таки могли слушать лекции по философии, скажем, у Эпикура. Наслушавшись философа-стоика, раб Эпиктет сам стал знаменитым философом. Но его философия – стоицизм, в сущности, не отличалась от философии императора Марка Аврелия, хотя социальное положение этих философов было прямо противоположным.

Пытаясь выйти из этих затруднений, классовый антагонизм перенесли внутрь одного и того же класса – рабовладельцев. Это – антагонизм между аристократами и демократами, т.е. между политическими партиями. Если считать демократов прогрессивными, а аристократов реакционными, то получается, что идеализм – это мировоззрение

аристократов, а материализм – демократов. Реальная ситуация никак не соответствует этой схеме. Отдельные примеры, конечно, есть. Платон – сторонник аристократии. И он – идеалист. Его антагонист – Демокрит – был демократом и материалистом. А вот линии, между которыми шла основная борьба, были иными. Против линии Платона выступала, прежде всего, линия Аристотеля, который, как утверждают, колебался между материализмом и идеализмом. Что касается продолжателей Демокрита – эпикурейцев, то они боролись, главным образом, со стоиками, которые были такими же материалистами, как и они сами.

Христианство – это философия и религия низов. Но ближе всего к философии христианства был неоплатонизм – сугубо идеалистическая философия.

Не меньше несуразностей возникает, если мы займемся средневековой философией, философией Нового времени или же современной философией. Нет необходимости на них останавливаться.

Сам Маркс в известной мере понимал трудности в применении своей схемы. Энгельс, как известно, был капиталистом, Маркс – тоже не из рабочих. Почему же они выражали интересы рабочего класса? Маркс писал, что для того, чтобы выражать интересы лавочников, самому не обязательно быть лавочником. Соответственно, они с Энгельсом выражали интересы рабочих не потому, что сами рабочие, а потому, что поняли всемирно-историческую роль пролетариата. Однако, ни Марксу, ни его последователям не удалось показать, каким образом интересы пролетариата отображаются в решении фундаментальных философских проблем и, в частности, в методологии науки. Попытки слишком прямой трактовки зависимости идеологии от экономики его отталкивали, и он в этой связи заявлял даже, что он не марксист. Но если как не надо понимать классовую природу философии было понятно, как надо ее понимать никто толком так и не разъяснил и, тем более, не показал на фактах.

Классы – не единственно возможные социальные общности. В истории общества не меньшую роль, чем классы, играют нации. Быть может, марксистскую схему стоит сохранить, но классы заменить нациями? В таком случае нужно будет говорить не о классовый, а о национальной природе философии и различать не буржуазную и пролетарскую философию, а немецкую, английскую, русскую, украинскую, еврейскую и т. д.? Нельзя отрицать влияние национального элемента на форму выражения философских утверждений, поскольку эта форма тесно связана с натуральным языком. Однако существо философских проблем не зависит от национальной специфики. Оно

одинаково для всех наций, так же как и для всех классов, и для иных социальных общностей. Деление философии по нациям имеет значение лишь для удобства обозрения, также как и деление по векам. Конечно, в Индии была не такая философия, как в Европе, но и в саду Эпикура она была не такая, как в роще Академа, где преподавал Платон, хотя это был один и тот же город – Афины, и от одного места до другого совсем нетрудно было пройти пешком.

Говоря о национальной или региональной специфике философии, мы имеем в виду не специфику философии как таковой, а специфику нации или региона в том вкладе, который делается в развитие в сущности единой для всего Homo sapiens философии.

§7. Проблема оценки философии. Значимость системного подхода

Означает ли сказанное выше о свободе выбора философской позиции полную эквивалентность этих позиций, делающую неправомерным вопрос о том, какая из этих позиций лучше? Мы хотели бы ответить на этот вопрос резко отрицательно. И в этом нет никакой непоследовательности.

Механика говорит о том, что в качестве начала координат мы можем выбрать любую точку. Однако выбор одной из них может быть значительно более удачным, чем выбор других. Птолемей имел право связать это начало с Землей, однако бессмертная заслуга Аристарха Самосского и Коперника в том, что они сделали гораздо более удачный выбор. Именно этот выбор дал возможность увидеть то, что было невозможно определить с иной точки зрения, а именно закономерности движения планет⁷. Существенно и то, что переход к гелиоцентризму дает возможность структурного упрощения планетной системы⁸.

Таким образом, мы можем дать оценку выбору системы отсчета. Он был сделан однозначно в пользу Коперника. Системой Птолемея теперь никто не пользуется, хотя никто не может сказать, что она опровергнута. Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) мы можем поставить вопрос о выборе хорошей философии. Какая же философия может считаться хорошей? Отвечая на этот вопрос, можно выделить две группы критериев. Одна группа – внешние критерии. Здесь речь идет о служебных функциях философии по отношению к другим формам общественного сознания. В Средние века считалось, что Philosophia est ancilla theologiae – философия является служанкой теологии. В Новое

время положение изменилось. Философия в большей мере стала обслуживать потребности науки, чем теологии. В связи с этим можно сказать: Philosophia est ancilla scientiarum – философия есть служанка наук. В период господства сталинизма философия была, главным образом, служанкой политики. Философия может быть также служанкой права, искусства и т. д.

Важно подчеркнуть, что понятие «быть служанкой» не совсем совпадает по содержанию с понятием «находить применение в чем-то». При Сталине философия вряд ли находила реальное применение в проводимой им политике, которая определялась тем, чего захочет его левая нога. Тем не менее, философия была внедрена во все ВУЗы Советского Союза. Почему? Потому что нужно было создать впечатление, что политика, проводимая вождем, опирается на самые фундаментальные законы природы, общества и мышления. На самом деле этого, конечно, не было, т. е. нельзя было выводить политику из преподаваемой философии. Но преподавание философии служило политике.

Поэтому было бы целесообразно для обозначения рассматриваемой внешней функции философии использовать латинский термин анциллярность от «ancilla» – служанка. По-русски это – «служебность».

Учитывая анциллярность философии, вопросу о том, какая философия лучше, можно придать совершенно конкретное содержание в том случае, если определить госпожу. В средние века госпожой была теология. Значит, лучшей философией была та философия, которая могла лучше всего обслуживать теологию. Вначале казалось, что такой философией является платонизм. И когда крестоносцы, захватив вместо Иерусалима Константинополь, привезли оттуда основные, еще не известные на Западе работы Аристотеля, церковь отнеслась к их переводу отрицательно. Парижский собор в 1209 г. приговорил книги Аристотеля к сожжению и постановил, чтобы «впредь никто не осмеливался под страхом отлучения их переписывать, читать или каким-либо образом хранить»⁹.

Величайшей заслугой Фомы Аквинского, за которую он вполне заслужил звание святого, является то, что он доказал, что философия Аристотеля лучше, чем платоновская, т. е. она лучше всех других может обслуживать свою госпожу – теологию.

Другой великий философ средневековья – Роджер Бэкон показал, что философия Аристотеля хороша также и в качестве служанки наук. Церковь этого, однако, не оценила и много лет держала Р. Бэкона в заточении.

Иную характеристику можно дать философии Гегеля. В качестве служанки наук это плохая философия, несмотря на наличие в ней рационального зерна. Фраза «тем хуже для фактов», сказанная Гегелем по поводу открытия Цереры, не является случайностью. Не случайны и другие «антинаучные» выступления Гегеля и его последователей. В этой связи уместно вспомнить о борьбе одного из наиболее значительных советских философов-гегельянцев Эвальда Ильенкова с кибернетикой.

Может быть и так, что в один период времени та или иная философия может быть хорошей служанкой наук, а в другой – становится их противницей. Такова аристотелевская философия. Те науки, о которых можно говорить в условиях средневековья, вполне могли опираться на эту философию. Но в эпоху Возрождения наука стала искать иных служанок. Естественные науки обрели такую служанку в лице механистического материализма. Но этот материализм стал тормозом развития науки в XX веке. Известны примеры и обратного характера, когда обнаруживается практическая полезность философии, ранее не обладавшей таким качеством.

Философская борьба среди русских социал-демократов начала XX века связана с поисками лучшей служанки их политики. Плеханов и Ленин полагали, что диалектический материализм вполне справляется с этой функцией. Богданов, Валентинов и другие считали целесообразным заменить его той или иной разновидностью эмпириокритицизма. В настоящее время возникает противоположная задача – можно ли сохранить диалектический материализм в качестве служанки совершенно иной политики? Иными словами – могут ли коммунисты и демократы опираться на одну и ту же философию? Этот интересный вопрос требует специального рассмотрения.

Все сказанное выше об анциллярности философии может вызвать решительный протест со стороны философов. Не очень-то приятно быть на положении служанки. Однако можно утешиться тем, что говорит Гегель об отношении господина и раба в «Феноменологии духа». Сошлемся на М. Ф. Овсянникова, который выражает эту мысль гораздо проще и яснее, чем сам Гегель: «Диалектика отношения господина и раба сводится к тому, что господин, имеющий власть, превращается в ничто, между тем, как ничтожный раб превращается в действительную историческую силу»¹⁰.

В результате зависимости от раба господин сам может стать рабом своего раба. Такое случилось и с философией. Так, известный русский философ Лев Шестов полагает, что даже в средние века теология всегда была прислужницей философии – ancilla philosophiae¹¹.

Следующая группа критериев относится к внутреннему совершенству философии. Но что это такое – внутреннее совершенство? Как известно, Гегель, стремясь к такому совершенству, пред ставлял свою философию в виде некоторой системы. Как отмечает Ф. Энгельс, «Гегель был вынужден строить систему, а философская система, по установившемуся порядку, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода»¹². Принято было считать, что Энгельс противопоставил системе Гегеля его диалектический метод, говоря о противоречии между методом и системой. При такой трактовке Энгельса метод оказался вне системы. Это не вполне соответствует мысли Энгельса, который пишет буквально следующее: «Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем самым стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое»¹³. «Система» и «догматическое содержание системы» – две вещи разные. Таким образом, метод вполне может быть компонентом системы, причем, быть может, важнейшим компонентом.

Но что такое «система»? Среди множества работ, посвященных соотношению между методом и системой Гегеля, в том числе в фундаментальнейшем труде грузинского философа К. Бакрадзе¹⁴, нам не удалось найти хотя бы попытку ответа на поставленный вопрос. А от этого ответа зависит многое, в том числе и правомерность противопоставления метода и системы.

И дело здесь не только в философии Гегеля. Применительно к любой философии правомерна постановка вопроса о ее системности. Лишь только представив философию как некоторую систему, можно спрашивать дальше: является ли она целостной или же это эклектика.

Таким образом, анализ уже самых элементарных вопросов, связанных с выбором между «хорошей» и «плохой» философией, приводит к необходимости посмотреть на философию именно с системной точки зрения.

Эта точка зрения необходима и тогда, когда мы будем ставить дальнейшие вопросы, которые нам потребуются для того, чтобы найти наилучшую Философию. Исходя из интуитивных соображений, можно сказать, что такая философия должна представлять собой открытую, а также стабильную, стационарную и центрированную систему. Для того, чтобы сказать это, достаточно интуиции. Но для того, чтобы сделанные высказывания приобрели точный смысл, необходимо знание о перечисленных типах систем. Такого знания не было в те годы, когда шли ожесточенные дискуссии о методе и системе в философии. Теперь

оно есть и содержится в общей теории систем, в частности в параметрической общей теории систем, о которой далее будет идти речь.

Мы отметили проблемы внутреннего совершенства философии как такие, которые требуют системного рассмотрения. Это не означает, что теоретико-системный подход неприменим к «внешнему» оправданию философии. Приведенные выше соображения об «анциллярности» философии могут стать значительно более ясными, если мы их выразим с помощью понятий общей теории систем.

Можно сказать, что оценка философии – это не сама философия, а, скорее всего то, что могло бы быть названо философией философии или мета-философией. Однако, теоретико-системный подход может быть рабочим инструментом не только в мета философии, но и при решении тех проблем, которые считаются собственно философскими, и составляют основное содержание философских учений.

Чтобы это показать, необходимо выяснить, что такое общая теория систем и теоретико-системный подход.

В настоящее время существует большая литература по этому вопросу. Много литературы и по тому варианту общей теории систем, который нами разработан и который мы будем преимущественно использовать. Ссылки на нее будут даны в тексте. Мы остановимся лишь на самом необходимом, на том, что имеет наибольшее философское значение.

Глава II. Философские категории системного подхода

§1. Вещи, свойства и отношения

Поставив вопрос об общей теории систем и ее основных понятиях как инструментах философии, мы сразу же сталкиваемся с фундаментальной трудностью. Философия – начало всего. А мы хотим приступить к ней уже с каким-то инструментом. Что же будет началом этого инструмента? Опять-таки – философия. Если так, то философия является своим собственным началом. Получается порочный круг.

Однако в философии мы сплошь и рядом встречаемся с такими кругами. Существуют различные способы разрешения подобных трудностей. В данном случае следует принять во внимание то, что философию можно рассматривать по-разному. В ней можно выделить несистемную основу, с помощью которой определяются системные понятия, и затем вернуться к философии уже на более высоком уровне, применяя ранее полученные результаты. Здесь следует вспомнить гегелевскую спираль, которая во многих случаях хорошо иллюстрирует развитие процессов.

Что же может быть взято в качестве несистемной философской основы, с помощью которой могут быть определены системные понятия? Решая этот вопрос, следует обратиться к Евангелию от Иоанна, который говорит: «В начале было Слово». Точнее, много слов. С помощью слов выражается любая философская концепция. Философия фундаментальна. Значит, и слова, ее выражающие, должны отображать нечто фундаментальное. Они называются философскими категориями. Учение о категориях было создано еще в Древней Греции, ему посвящен знаменитый трактат Аристотеля, который, кстати, был первым известным аристотелевским трактатом в западноевропейском средневековье. Именно обсуждение проблем, связанных с этим трактатом, породило знаменитый спор об универсалиях, длившийся целое тысячелетие.

Аристотель в «Категориях» дает следующий перечень категорий: «Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать» (1в 25 – 27). Следует признать, что этот перечень не производит впечатления стройности. Согласно И.

Канту, у Аристотеля «не было никакого принципа и он подхватывал категории по мере того, как они попадались ему»¹⁵.

Наш аспирант В. Ф. Музыченко, показал, что все же у Аристотеля есть определенная система категорий, хотя эта система достаточно проста и весьма примитивна¹⁶.

Но сейчас проблема системности перечня Аристотеля для нас несущественна. Допустим, что Кант прав и здесь действительно нет никакого принципа. Независимо от его существования, для нас важно то, чтобы в этот перечень входили те категории, которые потребуются для определения системы в качестве производной категории.

В число тех категорий, которые потребуются для определения системы, входят не все категории приведенного списка. Так, категории «где», т. е. пространство, и «когда» – время, не нужны для того, чтобы определить понятие системы в его наиболее общем виде.

Зато будут необходимы те категории, которые Аристотель приводит не только в «Категориях», но и в «Метафизике»: «одно сущее – это сущности, другое – свойства, третье – соотношенное» (1085 в 24).

В современном русском языке этой триаде соответствует триада «вещь, свойство, отношение». Именно эти категории, взятые в единстве друг с другом, являются базисными категориями всей современной науки и, в особенности, – общей теории систем.

В 1963 г. я опубликовал книгу, посвященную философскому анализу этих категорий, которая так и называлась «Вещи, свойства и отношения». С тех пор прошло более 30 лет. Естественно, что за это время взгляды могли в чем-то измениться, некоторые определения – потребовать уточнения.

Поэтому имеет смысл сопоставление идей этой книги с сегодняшними взглядами. Можно сказать, что в основном они не изменились. Кратко сформулируем главное. Что такое вещь? Обычно вещь – это дом, кирпич, кусок мыла. Ну а мыло вообще – это вещь? Да, конечно, но в отличие от куска мыла, мыло вообще не имеет четких пространственных границ. Кусок мыла всегда имеет определенный объем в пространстве. Его можно во что-то положить. Это затруднительно сделать с мылом вообще. Кусок мыла или кирпич представляют собой особый тип вещей, в физике называемых телами. Одно тело отделяется от другого пространственными границами. В общем случае границы между вещами имеют иной, качественный характер. Так, сравнивая разные лекарства друг с другом, мы интересуемся, прежде всего, их качествами, их способностями излечивать ту или иную болезнь. Что касается пространственных границ, то они могут относиться не к лекарствам, а

лишь к тем или иным порциям лекарства, которые можно рассматривать как некоторые тела.

В общем случае под вещью можно понимать все то, о чем можно что-то сказать. В грамматике существует специальная часть речи для обозначения вещей. Это – существительные. Все существительные обозначают вещи. Но не только они. Вещи могут обозначаться также личными местоимениями: я, ты, он, и т. д. и количественными числительными: один, два, одиннадцать, и даже глаголами: курить – здоровью вредить.

У слова «вещь» имеются синонимы. В современном русском языке это будут «предмет» и «объект». Но что значит «сказать что-то о вещи»? Это значит приписать ей какие-то свойства или установить с нею какое-то отношение. Если мы скажем: снег белый, вода в море соленая, дом шестиэтажный, крокодил – пресмыкающееся, силлогизм правилен, то во всех этих случаях припишем некоторой вещи некоторое свойство. В других предложениях, например: «Я читаю книгу», «Одесса больше Львова», «Петя играет в шахматы с Ваней», «Ромео любит Джульетту», «Петя ловит рыбу удочкой», «Завтра состоится матч между командами» – устанавливается некоторое отношение между вещами.

Что же такое свойство? Можно ли определить это понятие? В книге «Вещи, свойства и отношения» сказано: «Будем исходить из того, что нам дана некоторая совокупность, класс вещей. Тогда свойство определим как то, что обще всем вещам данного класса»¹⁷. И вот здесь мне хотелось бы возразить. В приведенном определении свойство определяется через класс, иными словами, через множество объектов. Таким образом, к тройке категорий: вещь, свойство, отношение – добавляется четвертая категория в качестве базисной, т. е. такой, через которую дается определение категории свойства. Тем самым свойство теряет свой базисный характер.

В математической логике находит широкое применение так называемый принцип экстенциональности, согласно которому свойства вообще отождествляются с соответствующими классами объектов. Например, свойство «человек» отождествляется с классом предметов «Человек». Различение того и другого рассматривается как «ненужное удвоение имен»¹⁸.

Такое отождествление имеет большое значение для построения логики на основе теории множеств. Однако оно резко противоречит нашей интуиции.

Это легче всего пояснить на пустых классах. Скажем, известно, что людей, которые прожили 2000 лет, не существует. А людей, которые

жили 3000 лет, – тем более не существует. А 4, 5, 10 тысяч лет? Ясно, что нет, т. е. всюду пустой класс, класс, не содержащий ни одного элемента. Значит, с точки зрения принципа экстенциональности, все эти свойства эквивалентны, т. е. все равно – жить 2000 лет или 10000 лет. Но, поскольку мы живем мало, то для нас это кажется все равно. Можно думать, что этот парадокс связан с понятием пустого класса, класса, который не содержит ни одного элемента. Но совершенно аналогичные парадоксальные вещи можно получить, когда сравниваются классы не пустые. Например, возьмем класс объектов, имеющих замкнутую поверхность, и класс объектов, имеющих объем. Оба класса одинаковы: это тот же самый класс. Любой элемент, входящий в один класс, входит в другой и наоборот. Но это не одно и то же: иметь замкнутую поверхность или объем? Понятие «замкнутая поверхность» и понятие «объем» совершенно разные, а мы должны их отождествить. А почему? Вернувшись к примеру с человеком, можно высказать сомнение в том, что свойство «быть человеком» будет меняться в строгом соответствии с изменением объема этого понятия, т. е. класса «человек».

Конечно, определение свойства как того, что обще всем вещам данного класса, не вполне соответствует принципу экстенциональности. Здесь свойство отождествляется не с классом в целом, а только с тем, что обще его элементам. Однако и такое отождествление страдает тем же недостатком, что и отождествление свойства с классом. Оно предполагает, что задание класса – более простая процедура, чем задание свойства. Однако попробуем строго определить класс «человек». Мы сразу же столкнемся с непреодолимыми трудностями. Прежде всего, с какого момента животное уже стало человеком? И сколько будет еще существовать человечество? Войдут ли в объем понятия «человек», люди ХХХ века, а ХL-го? Все это нужно знать для того, что бы определить то, что обще всем вещам данного класса. Проще и естественнее в общем случае определять не свойство через класс предметов, а класс предметов через заданное свойство.

Свойство же следует рассматривать в качестве исходной, базисной категории, а поэтому, быть может, не определять его вовсе, подобно тому, как в теории множеств остается без определения базисная категория множества. Рассмотрим такую возможность. Будем исходить из того, что в приведенном выше списке предложений каждый способен выделить свойство, несмотря на отсутствие определения этого понятия. Любое определение означало бы признание в качестве базисной какой-то иной категории. Возможно, более сложной и трудной для понимания, чем категория свойства.

Овладению категорией свойства способствует аналогия между новыми случаями и теми, относительно которых уже нет каких-либо сомнений. Поможет и грамматическое оформление свойств. В русском языке свойства обычно выражаются прилагательными, например, «снег белый», «вода в море соленая», «утес гранитный», «эта нора лисья». Кроме того, часто свойства выражаются существительными: «это животное – крокодил», «Сократ является философом». Свойства могут быть выражены также порядковыми числительными: «мы живем на втором этаже»; притяжательными и указательными местоимениями: «дом на углу – мой», «дом, в котором жил Пушкин – этот»; причастиями: «его лицо было взволнованным», «окончен мой труд многолетний» и наречиями: «прогулка пешком», «море глухо роптало», «прекрасно сделанный».

Перейдем к рассмотрению отношений. Для их определения в математической логике так же применяется принцип экстенциональности, как и для определения свойств. Так, двухместное отношение понимается как класс упорядоченных пар элементов, трехместное отношение, например «между», есть класс упорядоченных троек, отношение обмена – класс упорядоченных четверок и т.д.¹⁹.

Некоторое ослабление принципа экстенциональности имеет место в том случае, когда отношение не отождествляется с классом двоек, троек, и т.д., а лишь признается однозначная определяемость отношений соответствующими классами предметов. «...Для тождественности двух отношений необходимо и достаточно, чтобы они имели место между элементами одних и тех же упорядоченных пар вещей. Чтобы указать на это обстоятельство, мы могли бы говорить более подробно об отношении в объемном, или экстенциональном, понимании, считая этот термин синонимом отношения»²⁰.

Об экстенциональном понимании отношений можно сказать все то же, что выше было сказано об экстенциональном понимании свойств. Классы пар, троек, и т.д. объектов не легче определить, чем классы единичных объектов. Чтобы выяснить, относится ли та или иная n -ка ($n = 2, 3, 4$ и т.д.) к тому или иному классу n -ок, нужно уже знать, имеет ли место в этой n -ке соответствующее отношение.

Кроме того, как было показано выше, разные свойства могут соответствовать одному и тому же классу. То же самое верно применительно к отношениям. Учитывая этот факт, Алонзо Черч дополняет экстенциональное понимание свойств и отношений интенциональным. Для этого используется понятие концепта. Последнее

связывается с понятием смысла. «...Каждый концепт некоторой вещи есть или, по крайней мере, может быть смыслом некоторого ее имени в некотором (быть может только мыслимом) языке» (там же, с.19); «мы отождествляем свойство с концептом класса... Аналогично этому отношение в интенциональном понимании это концепт отношения, т. е. концепт отношения в экстенциональном понимании» (там же, с.35).

В традиционной логике существует правило, согласно которому определяющее не должно включать в себя понятия более неясные, чем определяемое. Иначе определение будет содержать ошибку, называемую по латыни «*obscurum per obscurius*» («темное через еще более темное»). Определение отношения через его концепт может рассматриваться как классический пример такого рода ошибки.

Другой путь определения свойств и отношений в математической логике связан с использованием понятия предиката как особого рода функции. Предикат означает функцию, аргументы которой относятся к вещи, а значение функции будет определено на множестве из двух элементов: «истина» – «ложь». Скажем, мы берем предикат «человек» на некотором элементе, скажем, Сократе. «Сократ есть человек» – истина. Поэтому слово «человек» определяет некоторое свойство. Это функция одноместная. «Сократ жил раньше Фомы Аквинского» – два предмета: Сократ и Фома Аквинский. Это истина, двухместная функция, отношение. Соот ветственно, может быть трехместная, четырехместная и т.д. функции. Для того, чтобы различить свойства и отношения, необходимо различение числа мест в функции: одноместная функция или многоместная. Фактически, здесь опять-таки прослеживается лежащая в основе теоретико-множественная концепция. И главное, второй момент, очень существенный: различие между свойством и отношением сводится к численному, к числу. Один – одноместная функция – свойство; двух- или трехместная функция – это отношение.

И, наконец, еще обстоятельство, которое заставляет критически отнестись к этому определению, – понятие функции. Оно рассматривается как базисное. Это уже четвертое понятие: вещь, потом истина и ложь, потом множество, потом функция! А дальше уже свойство и отношение.

Б. Рассел говорит по поводу этого: нельзя определять отношение через функцию, потому что функция сама – отношение. Функция есть частный случай отношения, ничего больше. Но математики обычно с этим не соглашались. Они говорят, что функция – это базисное понятие, основное понятие, на котором потом могут строиться свойства и отношения.

Мы же считаем свойства и отношения базисными понятиями. А это означает возможный отказ от определения понятия отношения, как выше мы отказались от определения понятия свойства. Будем полагать, что приведенный выше перечень отношений понятен без определения.

Определение может быть заменено примерами. Увеличим число таких примеров в связи с грамматическими формами выражения отношений. Специальная часть речи для выражения отношений – это глагол. «Я написал письмо» – здесь выражено отношение между мной и письмом. «Мы будем строить дом» – отношение между нами и домом. «Светит месяц в окно» – отношение между месяцем и окном. «Маяковский застрелился» – отношение Маяковского к нему же самому.

Отношение может быть выражено и существительным. Например, «Петя + Маша = любовь», «Герцен и Огарев были друзьями». Часто отношения выражаются сравнительной степенью прилагательного: «дальнейшие опыты были более сложными, чем предыдущие», «левый берег реки круче правого». Могут быть использованы числительные: «отношение населения этих трех городов = 3:2:1»; местоимения: «эта книга твоя»; причастия: «пост роенный нами дом»; «деепричастия: «цепляясь за кусты, мы стали карабкаться» и даже наречия: «там же видно много судов».

Особая роль в выражении отношений принадлежит служебным частям речи. Как отмечают авторы справочника по русскому языку, «предлоги выражают различные отношения:

1) пространственные: работает на заводе, дороги в космос, живет в деревне и др.;

2) временные: заморозки по утрам, отдыхали на каникулах, гимнастика перед уроками, занимается с утра до вечера;

3) причинные: ошибка по невнимательности, пропустил занятия из-за болезни, побледнел от страха»²¹.

Не меньшая роль принадлежит союзам: «Он роцци полюбил густые, уединенье, тишину, и ночь, и звезды, и луну» (А. С. Пушкин), «Как вчера, так и сегодня стоит теплая погода».

И, наконец, отношение может быть выражено отрицательными частицами: «Не казнь страшна!»

Мы видим, что свойства и отношения имеют много общего. Главное в том, что то и другое высказывается о вещах. В чем же различие между приписыванием свойства вещи и установлением отношения в ней?

Выше уже отмечалось, что в математической логике распространено сведение качественного различия между категориями свойства и отношения к количественному, числовому. Свойство – это одноместный

предикат, отношения – двухместные, трехместные, четырехместные и т.д. предикаты. Такой взгляд удобен с точки зрения теоретико-множественной реконструкции логики, но он противоречит языковой интуиции. В натуральном языке мы часто имеем дело с одноместными отношениями, равно как и с многоместными свойствами. Выше приводился пример отношения: «Маяковский застрелился». «Застрелился» – это отношение. Кого к кому? Маяковского к самому себе. Здесь только один объект – Маяковский. Нет двух объектов – двух Маяковских, один из которых убил другого. Другой пример: «Нарцисс влюбился сам в себя.» Опять-таки, нет двух Нарциссов, один из которых полюбил другого.

С другой стороны Ромео и Джульетта – итальянцы. Итальянцы – свойство, которое приписывается двум предметам, Ромео и Джульетте.

Различие между свойством и отношением в другом. Свойство свойственно вещи, и поэтому оно может быть знаком самой этой вещи. Сахар можно назвать белым. Строгого учителя – строгим. Одного французского короля, который был лыс, называли просто «лысым».

Перечисляя различные свойства вещи, мы остаемся в ее рамках. Сахар не только белый, но и сладкий, хрупкий. Говоря это, мы продолжаем думать о сахаре, а не о чем-то другом. Чтобы перейти от сахара к другому предмету, необходимо отношение. Нужно соотнести сахар с другим предметом, например, водой. Сахар растворяется в воде. Здесь мы использовали отношение «растворяется».

«Белый сахар» – это сахар. Указав на свойство предмета, мы не изменили этот предмет. Но отношение «растворяется» производит новый предмет – пару, состоящую из сахара и воды. Нельзя сказать, что эта пара есть сахар, равно как нельзя сказать, что она есть вода.

Когда мы приписываем свойство предмету, то тем самым описываем предмет. Устанавливая отношение одного предмета к другому или другим, мы конструируем новый объект.

Нетрудно видеть, что все отношения имеют некоторое направление. Про них имеет смысл спросить, от чего и к чему они направлены. Так, отношение «растворяется» направлено от сахара к воде. «Черноморец» играет со «Спартаком». Отношение здесь – от «Черноморца» к «Спартаку». Но оно предполагает наличие отношения и в обратном направлении. Обе команды играют друг с другом. Нельзя сказать, что в этом случае направление отношений исчезло. Здесь имеют место одновременно два противоположных направления. Но, если мы скажем, что «Спартак» и «Черноморец» – это футбольные команды, то спрашивать о том, в каком направлении они футбольные команды не

имеет смысла. Значит, здесь речь идет не об отношении, хотя имеется два предмета. «Футбольные команды» здесь – свойства. Думая о «Спартаке» и «Черноморце», мы, приписав им это свойство, не меняем предмет своего внимания.

Итак, мы не дали формальных определений свойствам и отношениям. Однако мы привели примеры и указали на различия между свойствами и отношениями. Как же быть с вещами? Выше мы привели определение: «Вещь – это все то, о чем можно что-то сказать». Такое определение годилось в качестве предварительного. Однако оно предполагает знание того, что означает: «можно что-то сказать». Конечно, мы со школьной скамьи знаем эти слова, поэтому приведенное определение нас не затруднит. Тем не менее, эти слова также должны быть определены, если речь идет о строгом построении науки. Теперь мы можем ответить на вопрос, что значит: «можно что-то сказать». Это означает «приписать какое-то свойство» или «установить некоторое отношение». Значит, вещь может быть определена так: «Вещь – это все то, чему можно приписать какое-то свойство или к чему можно установить какое-то отношение».

При этом мы предполагаем, что человек, знающий, что такое свойство, знает и то, что означает приписывание свойства, знающий, что такое отношение, знает и то, что означает установление отношения.

Приведенное выше определение может быть названо логическим. Существует еще онтологическое определение: «Вещь – это система качеств» («Вещи, свойства и отношения», с.21). Сейчас мы бы не стали употреблять термин «система», поскольку понятие системы, как мы увидим ниже, само определяется через вещь, свойство и отношение. Поэтому приведенное определение содержало бы порочный круг. Б. Рассел использует более широкий термин – совокупность, давая определение вещи как совокупности качеств²².

Различие между качествами и свойствами в контексте данного определения несущественно, и поэтому его можно выразить словами: «Вещь – это совокупность свойств».

Идея вещи как совокупности свойств возникла давно. Она лежит в основе древнеиндийской легенды о сотворении женщины. «В начале времен бог Шватри сотворил мир. Но когда он создал человека, то оказалось, что им были израсходованы все бывшие в его распоряжении строительные материалы, и не осталось у него ни одного прочного элемента, из которого мог бы сотворить женщину. Тогда смущенный Шватри впал в глубокое раздумье. И после того, как он долго думал, он, наконец, поступил следующим образом. Он взял округлость Луны и

волнообразную линию змеи, путаность ползучих растений и дрожание травы, стройность тростника, беспечное веселье солнечного луча и слезы туч, непостоянство ветра, пугливость зайца, щегольство павлина, неподатливость алмаза, мягкость пуха, покрывающего шейку воробья, сладость меда и жестокосердие тигрицы, жар огня и холод снега, болтовню сойки и воркование горлицы, смешал все это вместе и сотворил женщину».

Итак, женщина, согласно легенде – совокупность свойств. Ну а мужчина и прочие вещи в мире? Для них у Шватри нашелся строительный материал? Если так, то творение, по-видимому, все лось к тому, что к этому строительному материалу, в Средние века его называли бы субстанцией, Шватри присоединял некоторые свойства – атрибуты. Субстанция же сама по себе оказывалась лишенной каких-либо свойств, она была бескачественной. Согласно этому взгляду, вещь = бескачественная субстанция + атрибуты. Такая точка зрения была характерна для средневековых схоластов. Именно против нее выступил в XVII веке епископ Беркли. Он поставил вопрос так: что такое предмет, который кажется совершенно твердым? Предмет представляет собой совокупность того, что мы о нем можем сказать. Что мы можем сказать про этот предмет? Он твердый, он коричневый, он имеет, предположим, какой-то вкус, какой-то звук издает и т.д. Если мы отнимем все свойства вещи, может ли вещь остаться? Вещи не будет, она исчезнет. Бескачественные вещи, вещи, лишенные каких-либо свойств, не существуют. Значит, свойства являются также строительным материалом, из которого создана вещь.

Так что, если Беркли прав, то мужчине Шватри пришлось бы создавать по тому же образцу, по которому он создал женщину. Только свойства, по-видимому, были бы избраны другие. Беркли был неправ только в одном – он отождествил свойства с ощущениями. Таким образом, вещи превратились у него в комплекс ощущений. Поэтому Беркли считается субъективным идеалистом.

Материализм же полагает, что свойства могут существовать объективно, как и вещи. Таковы твердость, форма, электропроводность. Но могут существовать и субъективные свойства, например вкус и запах. Они также входят в состав вещей.

В рассмотренном определении вещи слово «совокупность» может быть заменено на «отношение». В самом деле, совокупность свойств – это всегда некоторое отношение между ними, например, отношение сосуществования. Но не всегда свойства просто сосуществуют, как у Шватри. Среди свойств выделяются главные, определяющие (они-то и

называются качествами) и второстепенные. Иерархия свойств – это тоже отношение между ними. Таким образом получим уточненное определение: «Вещь – это отношение свойств».

Мы видим, что в тройке категорий: «вещь», «свойство», «отношение» – лишь «свойство» и «отношение» остались без формальных определений. Но мы можем дать им такие определения, если откажемся от одного из правил определений, а именно, от запрета порочного круга. Это правило запрещает определять то, что входит в состав определяющего (у нас «отношение свойств»), с помощью определяемого (у нас «вещь»). Такой запрет необходим в том случае, когда речь идет об определениях обычных понятий, для которых нетрудно найти более широкие, родовые понятия. Но как быть в тех случаях, когда речь идет об определении категорий, т.е. предельно широких понятий, шире которых уже ничего нельзя отыскать? В таких случаях разумно отказаться от запрета порочного круга и определять все три категории нашей тройки друг через друга.

Рассмотрим в этом плане категорию свойства. Уже Аристотель отметил связь категории качества (свойства) с соотнесенным: «...если бы одно и то же и оказалось и соотнесенным, и качеством, то вовсе не было бы нелепо причислять его к обоим родам» (Категории, гл.8,11,а 38-40). Гегель выразился более определенно. «Вещь обладает свойствами; они суть, во-первых, ее определенные соотношения с другим; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу»²³. Нетрудно видеть, что Гегель дает здесь определение свойства через отношение и вещь: «свойство вещи это есть отношение к другой вещи». Но свойство – это всегда свойство вещи. И не обязательно речь должна идти об отношении к другой вещи. Возможно, отношение вещи к себе самой. Такое отношение имеется в виду, когда рассматривается свойство «самосознание». Таким образом, определение Гегеля можно преобразовать в следующее: «Свойство есть отношение вещей».

Приведем пример. Возьмем свойство «умный». Оно представляет собой отношение одного человека к другим, сравнимым с ним по уму. Когда мы характеризуем какого-то человека, например Е. Гайдара, как «умного», то это не выводит нас за пределы этого человека. Умный Е. Гайдар – это Е. Гайдар. Но когда мы, разъясняя, что значит умный, сравниваем его с другими, то выходим за пределы Е. Гайдара ко множеству людей – Черномырдину, Лужкову, Жириновскому, Зюганову и т.д. Свойство здесь переходит в отношение.

Как же быть с отношениями? Можно ли их определить аналогично тому, как были определены свойства? Возьмем отношение «любит».

Ромео любит Джульетту. Отношение «любит», приписанное Ромео, переносит наше внимание («нашу интенцию», как сказали бы в Средние века) от Ромео к Джульетте. Образуется пара (Ромео, Джульетта.) Каково свойство этой пары? Ее свойством является отношение любви. Свойством Нарцисса также является отношение любви. Только направлено это отношение от Нарцисса к Нарциссу же. Но, если свойством является отношение, то верно и обратное: отношение является свойством.

Именно это обстоятельство берется за определение отношения в логике предикатов, когда отношение отождествляется с n ($n \geq 2$) местным предикатом. Он не выводит за пределы тех вещей, которым предикат приписывается. Пара / Ромео, Джульетта/ с отношением любви в ней является парой / Ромео, Джульетта /. Поэтому предикат является свойством, независимо от числа мест этого предиката. Но, как было показано выше, это свойство выражает отношение опять-таки независимо от числа мест. Слово «любит» выражает отношение независимо от того, кого человек любит – кого-то другого или же самого себя. В обоих случаях мысль отходит от своего предмета, переходя, в одном случае, от Ромео к другому объекту, а в другом – от Нарцисса возвращаясь к нему же. Сказанное означает возможность определения отношений через понятие свойства: «Отношение есть свойство вещей». Однако такое определение, приведенное в «Вещах, свойствах и отношениях» (стр. 172), не является соразмерным. Не каждое свойство вещей непосредственно является отношением. Его, конечно, можно свести к отношению, но тогда мы получим тавтологию: «отношение есть отношение вещей». Тем не менее, приведенное утверждение означает, что отношение всегда может быть рассмотрено как свойство вещей, объединяя как те вещи, которые относятся, так и те, к которым относится данное отношение.

К этому утверждению добавим еще три: «Вещь есть свойство», «Свойство есть вещь», «Отношение есть вещь». Первое из этих утверждений является следствием обоснованного выше определения вещи как совокупности (отношения) свойств. Совокупность свойств может быть рассмотрена как отдельное свойство, и, наоборот, отдельное свойство в результате его анализа может быть представлено как совокупность. Далее, любому свойству могут быть приписаны свои свойства, оно находится в отношении к другим свойствам. Это означает, по определению, что свойства выступают в качестве вещей. То же может быть сказано об отношениях, которые имеют свойства и находятся в отношениях.

В итоге мы доказали, что каждая из категорий «вещь», «свойство», «отношение» может выступать в качестве особого случая любой другой категории. Значит ли это, что различия между этими категориями стираются, что фактически существует только одна категория, тождественная двум другим? Нет, не значит. В каждом контексте каждая из категорий выступает только в одной функции т. е. либо как вещь, либо как свойство, либо как отношение.

Возьмем пример: Сократ является философом. Здесь слово «Сократ» обозначает вещь и только вещь. Допустим, мы видим нечто белое, не зная, что это такое. Аристотель нам говорит: «То белое есть Сократ». Здесь «Сократ» обозначает свойство того, белого. И, наконец, если в Сократе мы видим его свойства: «ум», «мужество», «юмор», «доброжелательность», «добродетель», то Сократ будет представлять собой соотношение этих свойств, т. е. будет отнесен к категории отношения.

В кинофильме «Иван Васильевич меняет профессию» царь, глядя на башни Кремля, восклицает: «Красота!» («Лепота» по старорусски). Здесь красота – свойство, которое царь приписывает увиденному. Один из героев Ф. Достоевского сказал: «Красота спасет мир». Здесь «Красота» выступает в отношении с миром, и, значит, это по определению – вещь.

Когда мы видим надпись на заборе: «Петя + Маша = любовь», то понимаем, что речь идет об отношении между Петей и Машей. В предложении «Любви все возрасты покорны» слово «любовь» обозначает вещь. В кинофильме «А может быть это любовь?» любовь выражает свойство того чувства, которое возникло между мальчиком и девочкой.

Итак, различие между вещью, свойством и отношением не имеет абсолютного характера. Оно контекстуально. То, что в одном контексте является вещью, в другом оказывается свойством или отношением.

§2. Определенное, неопределенное и произвольное

Вещами, свойствами и отношениями не исчерпываются те философские категории, которые нам потребуются для рассмотрения проблем общей теории систем. Для этого необходима еще одна тройка категорий: определенное, неопределенное, произвольное.

Первые две из них имеют длительную историю. Их применял уже Демокрит, с позиций которого весь мир состоит из одних определенностей. Каждый атом движется по строго определенным

траекториям. Невозможно никакое, даже самое малое отклонение от этих траекторий. По Эпикуру же такие отклонения возможны. Таким образом, Эпикур допустил в мир неопределенности.

Но впоследствии, в XVII – XVIII веках, неопределенности вновь были изгнаны из картины мира. Неопределенность была связана лишь с незнанием. Если бы могли знать все, никаких неопределенностей не было бы.

Известный математик и философ Лаплас полагал, что, если бы мы знали все частицы и все скорости, все силы, которые действуют на эти частицы, мы бы определили все будущее. Как иронизирует Энгельс, мы бы могли определить, что сегодня, именно в четыре часа утра, а не в три и не в пять, именно в левое плечо, а не в правое, меня укусит блоха. Все это уже предопределено еще в первичной туманности, это рок, это судьба. Энгельс, в общем-то, издевается над этим, но никаких других аргументов он не приводит. Это, значит, чушь. На самом деле это не так. А как? – не совсем ясно. Так вот, физика в лице квантовой механики стала использовать эти категории не как чисто познавательные, а как категории объективной действительности. Известно знаменитое соотношение Гейзенберга, соотношение неточности, согласно которому – неопределенность в определении импульса, помноженная на неопределенность в измерении координаты, примерно равна $h/2\pi$. Что это означает? Это означает, что если у нас задано точное значение импульса, то координаты будут совершенно неопределенны. И наоборот. Некоторое время казалось, что возможно создать теорию скрытых параметров, которая позволит нам точно определить импульс и координату. Однако, как было показано в известной теореме Неймана, если это будет сделано, то квантовая механика должна быть отброшена, т. е. такой замысел противоречит самой идее квантовой механики. Тогда возобладала та точка зрения, что это объективный факт – неопределенность, и даже для Господа Бога, который знает все, это будет неопределенность. Так устроен мир. Значит, неопределенность имеет объективный смысл. Это одна линия развития понятия неопределенности, которая вызвала наибольший поток публикаций.

Вторая линия связана с натуральным языком, таким как английский или немецкий, в котором выработаны были средства для выражения этих категорий. Это – артикли, определенный для выражения определенности и неопределенный для выражения неопределенности.

В языках, которые их имеют, функции артиклей кажутся настолько существенными, что ими снабжается почти каждое существительное, чтобы читателю или слушателю было ясно, идет ли речь о чем-то

определенном или неопределенном. Вы слышите лай собаки и говорите «Собака лает». Для русского человека сказанного вполне достаточно для того, чтобы фраза была вполне понятна. Но для англичанина этого мало. Он должен знать, какая именно собака лает – определенная, ему известная собака, скажем Тобби или же просто какая-то неопределенная собака. В первом случае он напишет: «The dog is barking». Таким образом английское предложение обязательно содержит некоторую дополнительную информацию, которая может отсутствовать в соответствующей русской фразе. Правда, при большом желании мы можем выразить эту дополнительную информацию и в русском языке. Так переводя фразу «The dog is barking» на русский, мы можем написать «Эта собака лает», а переводя «A dog is barking», напишем «Какая-то собака лает». Но это не обязательно. По-русски будет правильно сказать просто «Собака лает». По-английски же написать без артиклей: «dog is barking» – значит сделать грамматическую ошибку.

Обозначим определенный предмет символом t (первая буква английского определенного артикля the), неопределенному предмету присвоим символ a (английский определенный артикль).

Условившись свойство записывать справа от круглых скобок, в которых записан символ вещи, получим 4 варианта:

- (t) t – определенный предмет обладает определенным свойством,
- (t) a – определенный предмет обладает неопределенным свойством,
- (a) t – неопределенный предмет обладает определенным свойством,
- (a) a – неопределенный предмет обладает неопределенным свойством.

В этих примерах – прямых формул мысль направлена от предмета к свойству. Но она может идти и в обратном направлении – от свойства к предмету. Для того, чтобы выразить этот случай, поместим перед второй круглой скобкой маленькую звездочку. Получим:

- (t^*) t – определенное свойство присуще определенному предмету,
- (t^*) a – неопределенное свойство присуще определенному предмету,
- (a^*) t – определенное свойство присуще неопределенному предмету,
- (a^*) a – неопределенное свойство присуще неопределенному предмету.

Это – инверсные, или обратные, формулы.

Аналогичные 8 строчек получим для отношений, символы которых будем записывать слева от круглых скобок, в которых записан символ вещи, например:

- a (t) – определенный предмет обладает неопределенным отношением,
- a (t^*) – неопределенное отношение присуще определенному предмету.

Все приведенные выше формулы выражают некоторые суждения. Все они нечто утверждают. Формулы не ограничены с обеих сторон скобками. В этом смысле они являются открытыми. Если их ограничить с обеих сторон квадратными скобками, то получим замкнутые формулы. Они будут выражать уже не суждения, а некоторые понятийные конструкции. Здесь глагол заменен причастием. Например: [(t)t] – определенный предмет, обладающий определенным свойством;

[(t*)a] – неопределенное свойство, присущее определенному предмету;

[a(t)] – определенный предмет, обладающий неопределенным отношением;

[a(*t)] – неопределенное отношение, присущее определенному предмету.

Теперь вернемся к собаке, которая уже перестала лаять. Что можно сказать о ней еще? Ну, например, то, что «собака – животное». А как перевести эту фразу на английский? Какой артикль следует применить к собаке? Определенный или неопределенный? Нужно ответить на вопрос: какая собака является животным – определенная или неопределенная, некоторая собака? Оба ответа, по-видимому, бессмысленны, поскольку животным является любая, произвольная собака. Значит, нужен третий артикль, артикль произвольности. Англичанин все-таки напишет: «A dog is an animal», используя неопределенный артикль. А нужно было бы использовать местоимение апу, играющее роль недостающего третьего артикля: «Any dog is an animal». Произвольная собака есть животное.

Обозначим произвольный объект символом А. В данном случае произвольную собаку можно заменить на «все собаки». Но это можно сделать не всегда. Так, в суждении «Все книги библиотеки весят 10 тонн» «все» нельзя заменить на «произвольную», «Каждая книга библиотеки может быть прочитана» «каждую» нельзя заменить на «все».

Категория произвольного так же, как категории определенного и неопределенного, имеет как познавательный, так и онтологический смысл (является категорией бытия). Так, еще Аристотель опровергал существование пустоты тем, что в пустоте тело двигалось бы в произвольном направлении, поскольку все направления в пустоте по своим свойствам одинаковы, что, очевидно, невозможно.

Объекты t, a, А образуют триаду в двух планах. Только в совокупности, взятые вместе, они достаточны для определения того смысла, в котором понимается предмет. Дальнейшие уточнения могут быть уже в рамках этих категорий, например: «только данный предмет»,

«какой угодно, кроме данного» (так, Синяя борода определял комнаты, которые разрешалось открывать его женам) и т.д. С другой стороны, третью категорию – произвольное – можно рассматривать как некоторое единство определенного и неопределенного. Произвольный объект – это некоторый объект. Вместе с тем, если, например, произвольный человек произошел от обезьяноподобного предка, то это значит, что человек как таковой, т.е. определенный объект – биологический вид «Homo sapiens», произошел от обезьяноподобного предка.

Присоединим категорию А к ранее рассмотренным t и a. Будем иметь теперь не 4, а 9 вариантов прямых открытых формул, в которых вещи приписывается свойство.

(A) A; (t)A; (a) A

(A)t; (t)t; (a)t

(A) a; (t)a; (a) a

Соответственно, будет 9 вариантов инверсных открытых формул:

(A*) A; (t*)A; (a*) A

(A*)t; (t*)t; (a*)t

(A*)a ; (t*)a ; (a*)a.

Заметим, что 8 вариантов в каждом из списков могут быть получены путем подстановок вместо А символов t и a в исходные формулы: (A) А и (A*) А.

Аналогичным образом получим 18 вариантов замкнутых формул. Для этого достаточно все приведенные выше формулы заключить в квадратные скобки:

[(A)A]; [(t)A]; [(a)A]

[(A)t]; [(t)t]; [(a)t]

[(A)a]; [(t)a]; [(a)a]

[(A*)A]; [(t*)A]; [(a*)A]

[(A*)t]; [(t*)t]; [(a*)t]

[(A*)a]; [(t*)a]; [(a*)a]

Во всех этих формулах, назовем их атрибутивными, используется пара вещь – свойство. Интерпретируем последнюю формулу нашего списка. Это будет «неопределенное свойство неопределенного объекта».

Используя другую пару: «вещь – отношение», получим другие 36 формул, которые будут названы реляционными.

Прямые открытые реляционные формулы:

A(A); A(t); A(a)

t(A); t(t); t(a)

a(A); a(t); a(a)

Инверсные открытые реляционные формулы:

A(*A); A(*t); A(*a)

t(*A); t(*t); t(*a)

$a(*A)$; $a(*t)$; $a(*a)$

Реляционные замкнутые формулы:

$[A(A)]$; $[A(t)]$; $[A(a)]$

$[t(A)]$; $[t(t)]$; $[t(a)]$

$[a(A)]$; $[a(t)]$; $[a(a)]$

$[A(*A)]$; $[A(*t)]$; $[A(*a)]$

$[t(*A)]$; $[t(*t)]$; $[t(*a)]$

$[a(*A)]$; $[a(*t)]$; $[a(*a)]$

Интерпретируя последнюю формулу нашего списка, получим: «Неопределенное отношение неопределенного объекта».

Теперь отметим следующее. Объект t в разных местах формулы, например, $[(t)t]$ – это один и тот же объект. Однако этого нельзя сказать об объектах a и A . Я видел какого-то тигра, и Вы видели какого-то тигра. Но это не означает, что мы с Вами видели одно и то же животное. Золотая рыбка обещала старику исполнить любое желание. Старик ходил к рыбке несколько раз. Это не значит, что «любое желание» каждый раз было одним и тем же. Оно менялось каждый раз благодаря возрастающим аппетитам старухи.

Но бывает так, что мы хотим показать, что a и A в разных местах формулы обозначают один и тот же объект. В таком случае перед символами a и A запишем одну и ту же букву, например, греческую букву ι (йота). Тогда, например $(\iota A)\iota A$ будет означать, что произвольный предмет A приписывается самому себе в качестве свойства. $[(\iota A)\iota A]$ – это произвольный предмет, которому приписывается он сам в качестве свойства. $\iota a(*\iota a)$ – некоторое отношение приписывается самому себе, $[\iota a(*\iota a)]$ – некоторое отношение, приписываемое самому себе.

Рассмотренные формулы относятся к формализму, названному языком тернарного описания (ЯТО), поскольку синтаксис этого языка опирается на три категории: вещь, свойство, отношение, которые определяют структуру формул. Определенное, неопределенное, произвольное выражают значения отдельных символов этого формализма.

Глава III. Генезис общей теории систем

Может, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, который все больше и больше укрепляется, появление системной методологии является крупнейшим событием всей методологии науки XX века. Его можно сравнить с такими феноменами, как возникновение индуктивной методологии, связанной с именами Ф. Бэкона и Милля, и появлением науки логики в Древнем Мире.

Вначале я хотел бы остановиться на предпосылках возникновения системной методологии и вкратце рассмотреть некоторые моменты истории ее развития.

Если говорить о предпосылках, то, как всегда, их можно найти в Древней Греции. Там есть предпосылки всего, на что обращал внимание еще Ф. Энгельс. Но это предпосылки в том же смысле, в каком мы говорим о предпосылках, скажем, атомной физики. Задолго до Бора, Гейзенберга и других был Демокрит, который уже тогда учил об атоме. Задолго до появления общей теории систем существовал термин «система» – это термин древнегреческий, т. е. из того языка, на котором говорил древнегреческий философ. К древним грекам относится постановка основных проблем, вокруг которых бьется в настоящее время системологическая мысль. Это, прежде всего проблема порядка и хаоса. Вы знаете, что по древнегреческой мифологии порядок возник из хаоса, который имел первозданный характер, и уже ни из чего не возникал. Можно проследить дальнейшее развитие понятия системы у Кондильяка, Гольбаха. Систему в философии Гегеля, которую классики марксизма резко критиковали, отбрасывали. А метод, который противопоставлялся системе, они высоко ценили и использовали. Существует книга В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса». Однако Кузьмин, который выпустил несколько изданий своей книги, отмечает, что, хотя Маркс широко пользовался системными понятиями, рассматривал капитализм как систему и т.д., тем не менее, «никогда специально не занимался методологической разработкой принципа системности» (3-е изд., М., 1986, с.206). Специальной системной методологии не было ни у Маркса, ни у другого мыслителя XIX века. Когда же она появилась? На мой взгляд, она появилась на рубеже XX века, и можно назвать, по крайней мере, четырех человек, которые являются родоначальниками этой методологии. Это французский, швейцарский лингвист Ф. де Соссюр, это юго славский математик М.Петрович, это русский философ, политический деятель, ученый,

экономист А.А. Малиновский, более известный под псевдонимом А.А.Богданов, и, наконец, это уже не начало XX века, а ближе к середине, американский биолог австрийского происхождения Л.Ф.Берталанфи. Итак, мы видим, здесь большой разброс по национальностям и частям света и по специальностям, что очень важно: мы находим лингвиста, математика, политического деятеля – экономиста и биолога. Это свидетельствует о том, что, на самом деле, мы имеем общий научный метод, метод, который используется не в рамках отдельной науки, а метод, который может быть применен, по крайней мере, в целом ряде наук. Если подходить к проблеме возникновения такого важного явления, как системная методология с марксистских позиций, то, естественно, возникает первый вопрос, который обычно преподаватели философии разбирали применительно к самому марксизму – исторические условия возникновения. Вот почему именно – на рубеже XX столетия, в первой половине XX столетия, а не раньше и не позже? Я думаю, что такая марксистская постановка вопроса имеет смысл, хотя значимость ее не следует преувеличивать, потому что большую роль может играть просто случайность. Случайно появился гениальный человек у сербов, у русских, у французов – вот они и разработали. Этот момент сбрасывать со счетов нельзя. Но, тем не менее, имеет место также определенная предпосылка, связанная с развитием производительных сил, грубо говоря. На эту предпосылку обращали внимание советские исследователи. Они говорили так. Именно в начале XX века человек в процессе своей производственной деятельности столкнулся с чрезвычайно сложными системами. Он сталкивался с системами и раньше, но раньше системы были гораздо более простыми. Скажем, Великая китайская стена, хотя она была и очень длинной, но, тем не менее, простой, сложенной из кирпичей, кирпичик в кирпичик. Мне кажется такое объяснение не совсем правильным по той причине, что человек постоянно встречался с системами чрезвычайно сложными. Если не в процессе производственной деятельности, то вне производственной деятельности. Скажем, в воспитательной деятельности он имел дело с чрезвычайно сложной системой, которая называется ребенок. И не было такого периода в развитии человечества, когда бы детей не было. Всегда были дети, и всегда они были весьма сложными системами, и попытка влиять на них извне не каждый раз увенчалась успехом. И в области чисто технической тоже встречались весьма сложные системы. Если не китайская стена, то Парфенон – весьма сложная система, экономика в

целом, также сложная была система. Человек всегда встречался с очень сложными системами, с разными типами систем. Это один момент.

Второй. Общая теория систем имеет дело не только со сложными системами, а с системами любого порядка сложности, произвольными системами. Тогда какое другое может быть объяснение? У меня тоже есть свое объяснение этого феномена, и оно тоже связано с развитием производительных сил. На рубеже XX века производство становится наукоемким. Вот это чрезвычайно существенно. До начала XX века, в период классического капитализма, производство развивалось более или менее независимо от науки. Ньютон мог сочинять свои математические основания натуральной философии, а фактически эти вещи уже применялись, были известны на практике. До Ньютона, до Галилея, до Торричелли ученые использовали такие практические данные и создавали свои теории, уже как бы задним числом, т. е. практика опережала развитие теории. А вот где-то на рубеже XX столетия ситуация стала резко меняться. Для развития производства потребовалась наука. Классический пример – учение об электричестве. Эмпирически, путем проб и ошибок, здесь мало что могли сделать. Могли, конечно, открыть положительное электричество, отрицательное. А для того, чтобы создать динамо-машину и дальше развивать электрификацию, необходима теория электричества. Еще более яркий пример – получение атомной энергии. Требовалась наука, и не только наука такого типа, которую я назвал, к примеру, физика, но и химия, биология, педагогика, медицина, география и т.д. Все науки находили такого рода практическое применение, но применение могло быть успешным лишь тогда, когда эти науки достаточно развиты. Применение примитивной медицины ничего не дает, кроме вреда. То же самое относительно примитивной педагогики или психологии, или лингвистики. Значит, науки должны развиваться. Как они могут развиваться? В каком случае наука достигает совершенства? Вот на этот вопрос отвечают, по сути дела, совершенно одинаково И. Кант в «Метафизических началах естествознания» и К. Маркс в беседе с Лафаргом. Эту идею приписывают одному К. Марксу, хотя он был, по-видимому, достаточно образованным человеком, чтобы не приписывать авторства этой идеи самому себе: «Каждая наука достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой», когда она математизирована. Почему? Я выскажу такое утверждение, с которым, может быть, не все согласятся: математика дает возможность применять те или иные результаты, полученные в опыте, далеко за пределами этого конкретного опыта. Например, вы не знаете гипотенузу, не измеряя данный треугольник, но,

если вам известна теорема Пифагора, то вы можете вычислить, какова длина этой гипотенузы, если вам известны длины катетов. Пока физика не была математизирована, а такой была физика Аристотеля, она могла оказывать очень небольшое воздействие на развитие производительных сил. Когда же она математизировалась (это уже после Фарадея усилиями Максвелла), то сфера применения физики значительно расширилась. То же самое для любой другой науки. Но здесь возникает один очень трудный вопрос: что такое математика? Энгельс дает определение, которое вполне согласуется с состоянием науки в его время: математика – наука о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира.

Если наука изучает количественные отношения и пространственные формы (такова, скажем, физика), то вполне понятно применение там математики. А если она не изучает того и другого, как там применять математику? Это – достаточно трудный вопрос. Если мы возьмем, скажем, лингвистику, биологию, географию, то увидим, что применение математики в этих науках далеко не тривиально. В сфере экологии, как утверждает французский эколог Дежо, математика неприменима. Лингвист Абаев утверждал, что математика неприменима в лингвистике. Если где-то там и применяется, то для решения несущественных вопросов. Конечно, в сфере экологии можно посчитать, сколько волков, сколько зайцев, и вывести закон, что чем больше волков, тем меньше будет зайцев. Но в этом же не суть дела. Можно посчитать число слов в стихотворениях Пушкина. Этим занимались некоторые ученые и выявили даже некоторые лингвистические закономерности. Но это тоже не главное в поэтике. Значит, получается противоречие. С одной стороны, любая наука достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой, а с другой стороны, сама математика не является достаточно универсальной, несмотря на то, что всюду дважды два равно четыре. Как быть? Есть единственный способ решения этой проблемы, заключающийся в том, чтобы расширить круг базисных понятий в математике, что бы включить в число этих понятий новые, так, чтобы весь мир действительно был охвачен ими. Раньше в математике господствовало количество, количественные отношения, величины и пространственные формы. Мы можем к этому добавить некоторые другие понятия, которые добавляет, скажем, Бурбаки – известная группа французских математиков. Они выделяют алгебраические структуры, структуры порядка, топологии ²⁴. Но опять-таки, они всего не охватывают. Они снова применимы, прежде всего, к физике, астрономии

и т.д., т.е. к тому кругу наук, которые называются естественными и к которым применяется термин «сайенс», имея в виду западную ментальность. В русском языке термин «наука» шире. Так вот, если мы найдем другое понятие, которое может быть базисом формализации так же, как понятие величины, пространства и формы, то мы расширим сферу применения формальных методов. На рубеже XX века было открыто такое понятие. Это понятие системы или целая совокупность понятий, о которых я буду говорить, т.е. не сразу люди пришли к тому, что именно понятие системы является здесь главным, решающим; мало того – даже сейчас не все с этим согласны. Предлагаются какие-то другие понятия. Но, как я буду стараться показать в дальнейшем, в конечном счете, они все сводятся к различным аспектам именно системного рассмотрения предмета. Надо подчеркнуть, что свои математические функции это понятие будет выполнять тогда, когда мы что-то можем говорить об этих системах, когда о них мы сможем рассуждать так, как мы можем рассуждать в области геометрии о кругах, о сферах, об окружностях и т.д. Понятие шара было известно задолго до того, как возникла геометрия, но не играло такой роли, какую оно играет в геометрии. Все знали, что такое шар, но не знали, что с этим делать, за исключением того, чтобы запустить его в голову своему противнику. Но как измерить объем этого шара, никто до возникновения науки геометрии не знал. То же самое система. Система давно известна. Как я уже сказал, со времен древних греков, но никто не знал до начала XX века, что с этим делать, и что из того, что нечто представляет из себя систему или некое образование, близкое к системе? В начале XX века появились работы, которые дали возможность что-то говорить о системах или похожих понятиях. Выше я назвал четырех авторов, которые впервые начали разрабатывать соответствующую теорию.

Первый – Ф. де Соссюр написал «Курс общей лингвистики». Какова основная идея Ф. де Соссюра в лингвистике? Она заключается в том, что лингвистика тогда станет наукой, когда она будет заниматься изучением не физических объектов, подобно тому, чем она занималась раньше (какие звуки произносятся, когда говорят), а будет изучать некие другие образования, называемые им структурами. Звук имеет значение с точки зрения научной лингвистики тогда, когда он различает смыслы, когда играет смысловоразличительную роль, и в таком случае это уже не звук, а совокупность того, чем один звук отличается от другого. В разных языках эти различия разные.

Такой набор смысловых признаков звука Ф. де Соссюр назвал фонемой. Он приводит, на мой взгляд, весьма убедительные примеры, показывающие значимость именно смысловых элементов. Возьмем всем известные шахматы – там есть король, королева, слон. Но что такое шахматная игра? Какое значение имеет то, что король выражен определенной шахматной фигурой? Да никакого принципиального значения это не имеет. Допустим, что какой-то злоумышленник (или крыса, например), похитил у нас короля. Игры не будет – без короля нельзя играть. Тогда мы как поступаем? Берете любой предмет, скажем, пятак, ставите его на королевскую позицию и нарекаете королем – и все, и игра продолжается дальше. И так можно заменить все фигуры. Так вот. Лингвистика раньше занималась звуками, а новая лингвистика должна изучать роли, позиции; чем одна фигура отличается от другой не в телесном смысле, а в функциональном. Вот это идея. Соссюр высказал мысль, что надо создать специальную науку, семиотику, науку о знаках, о знаковых системах. В конечном счете, была создана такая наука.

Следующий – Петрович. Он подошел к проблеме с совершенно другой стороны. Он математик, и он изучал различного рода математические модели и сопоставлял их друг с другом. И обратил внимание на аналогию между разными явлениями, которые могут описываться одним и тем же дифференциальным уравнением. Так, колебательные процессы могут быть разными. Молекула на поверхности воды колеблется, маятник колеблется, человек колеблется принять то или иное решение. Ситуации совершенно разные. Но можно записать некоторое уравнение, которое будет при определенной интерпретации описывать одно, другое, третье. Вот эта мысль его поразила, он ее высказал. Дальше история этой мысли, по-видимому, такова. Ее заимствовал Больцман, а у Больцмана ее вычитал Ленин. И вот появилась фраза: «Единство природы проявляется в «поразительной аналогичности» дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений»²⁵. Эта цитата – изложение мысли из Больцмана, но, по нашей привычке все приписывать классикам, всюду она цитировалась как мысль Ленина – «Ленин говорит, что...»

М. Петровичем выделено 5 или 6 ролей, которые он находит в совершенно различных областях. Соответственно рассматривается аналогия процессов. Например, если мы имеем уравнение II закона Ньютона, то мы можем найти совершенно аналогичные ему другие, например, закона Ома, где вместо ускорения будет иметь место сила тока, роль силы будет играть напряжение и роль массы – сопротивление.

И дальше возьмем, например, войну. То же самое: сила, с которой противник давит на тебя, твое сопротивление. Возьмем инфекцию. Опять – инфекция, иммунитет, заболевание. Значит, если сильный иммунитет – маленькое заболевание, так же, как большая масса приводит к небольшому ускорению. Есть структурная аналогия между всеми явлениями природы. Петрович писал также по-французски, как Фердинанд де Соссюр, но на Соссюра обратили гораздо большее внимание, а Петрович, в общем и целом, был почти забыт. Но его в России отметил Богданов.

Богданов, как мне кажется, нашел наиболее интересный вариант методологии системного подхода. Это сделано было в книге, которая называлась «Тектология». Тектос – буквально строитель, организатор; тектология – наука о строительстве, в широком смысле слова – об организации. Строить можно все что угодно: можно строить дом, можно партию. То и другое – строительство. И вот возникает задача построения общей теории строительства или организации.

Применительно к теории Богданова особую роль играет то, что мы обычно называем социально-экономическими предпосылками возникновения той или иной концепции. Трудно проследить такие предпосылки у Петровича, трудно – у Соссюра, там это было бы натяжкой, но у Богданова все очень просто. Общество вступило в период социальных потрясений, революций, нужно думать о том, как построить будущее, спроектировать будущее. Старый мир трещит по всем швам, он будет разрушен и нужно его будет строить заново.

Богданов опирается на известный тезис Маркса: философы до сих пор лишь объясняли мир, а задача заключается в том, что бы его изменить. Но, помилуйте, говорит Богданов, а что эти самые классики марксизма сделали в теоретическом плане для изменения этого самого мира? Возьмем диалектический и исторический материализм. Какие инструкции мы получим? Сказано: материя первична, сознание вторично, а дальше что? Количество перейдет в качество, а как это сделать? Т. е., короче говоря, все это схоластика, никаких конкретных рецептов диалектический и исторический материализм, философия марксизма не дает. А эти рецепты нужно иметь, чтобы строить лучшее будущее. А для этого нужно создать науку о том, как организовать все. Вот перед нами два тома «Тектологии». Как строится «Тектология»? Прежде всего, разрабатывается концептуальная система, общие понятия всякой организации. Он называет их разным способом. Что особенно возмутило его критиков – новые слова осваивать для взрослого человека очень трудно, он испытывает большие трудности в овладении новыми

словами. Если бы «Тектологию» изучали дети, в 10-12 летнем возрасте, они быстро овладели бы терминологией, а вот пожилому человеку это уже трудно. Это вызвало негативное отношение, но не только это, чем я еще буду говорить дальше.

Богданов стремится установить некоторые общие законы организации. Когда организация стабильна? Я буду пользоваться обычными словами, не прибегая к богдановским. Организация устойчива, когда у нее есть скелет. Понятие скелета трактуется не биологически, а тектологически. Биологический скелет – только частный случай. Скажем, у человека скелет – это позвоночник, у рыбы скелет – позвоночник, у черепахи скелет – панцирь, у партии скелет – устав и программа, они создают определенное организационное единство. И далее Богданов выводит массу закономерностей. Многие из них получаются при достаточно широкой трактовке того, что было уже известно раньше. Ну, например, принцип Ле-Шателье, известного химика. Если у нас есть химическая реакция, в которой установилось определенное равновесие, а мы воздействуем на систему определенным образом, в результате в самой системе возникает противодействие нашему воздействию. В обществе то же самое – воздействуйте на какой-нибудь процесс, на стороны какого-нибудь общества – общество выражает протест, протест против этого воздействия. Это принцип Ле-Шателье, понятый в тектологическом смысле. Где тонко, там и рвется – известная поговорка. Отсюда вытекает принцип наименьшего. Партия, любая организация, терпит поражение благодаря своим самым слабым элементам.

На чем основана «Тектология» Богданова? На огромном числе примеров. Вот эти два толстых тома, содержание – итог – можно изложить на нескольких страницах, а все остальное посвящено доказательствам. Доказательства – сугубо индуктивные. И здесь мы находим резкое отличие варианта Петровича от варианта Богданова. Петрович – математик, для него очень важна математическая формула. Богданов отвергает математику в «Тектологии». Почему? Потому что он мыслит тектологию как некоторое обобщение, развитие математики. Математик имеет дело с частным случаем тектологической закономерности. Вы можете сложить две активности, таким образом, что у вас получится ноль. Эта ситуация отражена в известной басне Крылова «Лебедь, щука и рак». Может быть и обратный случай, когда 2 ноля дадут единицу. Скажем, когда один человек не может тащить бревно, и второй человек не может тащить бревно, а вдвоем тащат. Значит, математика – это тектология нейтральных активностей. Значит, то, что

он хочет даровать миру, выходит за рамки обычной математики. Так он относится к математике.

А как к философии? Есть разные места у Богданова. В одних случаях – более резкое отношение к ней, в других – менее. Я вам уже говорил, что Богданов хочет превзойти философию, заменить философию тектологией. Не везде эта мысль ясно просматривается, но, в общем и целом, между строчек она видна. Значит, тектология выполняет функции философии. Философия при наличии тектологии уже не нужна. Значит, позиция здесь похожа на позитивистскую: философия заменяется позитивной наукой. В общем, это соответствовало умонастроениям послереволюционного периода. Был выдвинут лозунг: «Философию за борт!» При этом ее авторы ссылались на Энгельса, на знаменитую фразу в «Людвиге Фейербахе», что от всей прежней философии остается формальная логика и диалектика.

Как он относится к Петровичу? В общем – с большим уважением. Петрович до многого додумался, что очень странно, т.к. Петрович был ученым буржуазным. Буржуазный ученый не может понять широты его задумки, тектологического подхода, он ограничивается учением об аналогии – это более примитивный этап.

Коротко о судьбе Богданова. Вы знаете роль Богданова. В прошлом он был председателем на 3-ем съезде РСДРП, и он высылал, на мой взгляд, определенную зависть, не всегда здоровую, со стороны Владимира Ильича. Тем более, что Богданов его обыграл в шахматы. Это трудно было перенести. Кстати, великим людям очень трудно перенести, когда их обходят в пустяках. Поэтому после революции Богданову были перекрыты все каналы политической деятельности. В 1923 г. он арестовывался. Затем Богданов прекращает всякую политическую деятельность, и его больше не преследуют. В 1927 году Богданов погибает. Уйдя из политики, он стал заниматься переливанием крови, организовал институт переливания крови и сделал, как было официально объявлено, неудачный эксперимент на себе. Ему переливали кровь от молодого человека. С точки зрения тектологических принципов Богданова, обмен веществом между системами, одна из которых молодая, а другая имеет большую историю, полезен для той и другой: молодой человек через кровь получает что-то ценное, и старик – то же самое. И он давал такие указания, чтобы молодой человек был спасен. Говорят, что он стал кандидатом наук. Но А. А. Малиновский, сын Богданова, мне говорил, что, по его мнению, по данным, которыми он располагает, это было самоубийство: Богданов не вписывался в то общество, которое создавалось в это время. И при жизни Богданова, и

после его смерти развернулась очень резкая критика «Тектологии». Еще при жизни Ленина против «Тектологии» выступил некий Невский. Между Лениным и Бухариным состоялся обмен записками на одном из заседаний, где Бухарин, который высоко ценил Богданова, написал Ленину, что Богданов создал нечто новое. Ленин говорит: это старый философский спор, только переодетый. Нет, ответил Бухарин, это не философия, это нечто принципиально новое, в таких вопросах меня трудно надуть, уверенно говорит Бухарин. Но Ленин полагался в оценке Богданова на работу Невского, которая, кстати, была приложена к одному из изданий работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Так что студенты впервые знакомы с «Тектологией» Богданова по этой совершенно издевательской рецензии. Но за что нападают на Богданова? Прежде всего, в какой-то мере за то, что Богданов хотел тектологией заменить философию. Далее, за употребление различных терминов. Все хотели иметь известные, старые термины и т.д. В общем, критика была совершенно некачественной. То же относится и к другим критикам. Наиболее последовательно и объемно критиковал Богданова Карев. И фактически имя Богданова было под запретом вплоть до начала 60-х годов. В «Литературной газете» как-то появилась большая статья от том, что впервые открыл Богданова какой-то американский профессор, который удивился, что Богданов такие современные вещи говорит. Это не совсем так. Во-первых, кое-кто никогда не забывал Богданова, в частности, его сын А. А. Малиновский. Далее, в «Вопросах философии» в 1961 году в статье «Некоторые тенденции развития естественных наук и принципы их классификации» опять-таки был отмечен Богданов и его «Тектология», которая была поставлена в один ряд с кибернетикой как наукой нового типа. В записках Ленинградского университета была опубликована статья М. Сетрова об общих элементах тектологии, кибернетики и теории систем. И там очень положительный анализ Богданова. Затем в журнале «Природа» моя и В.А.Дьякова подробная статья, где также Богданов был назван в числе основоположников кибернетики, а уже потом, значительно позже, было выступление американского профессора. Далее, в «Философской энциклопедии» статья «Тектология», очень положительная, написанная Малиновским. Поэтому утверждения «Литературной газеты», что здесь Богданова никто не помнит, представляются совершенно неправильными.

Несмотря на значительность вклада рассмотренных выше авторов в развитие идей общей теории систем, обычно эта теория вполне правомерно связывается с Людвигом фон Берталанфи, австрийским

биологом-теоретиком, жившим с 1949 г. в США и Канаде. Сам термин «Общая теория систем» принадлежит ему. Подход к построению этой теории существенно отличается от подхода его предшественников. Исходным пунктом здесь было желание создать общую теорию биологических организмов, подобно тому как Ч. Дарвин создал общую теорию развития биологических видов. Подобно А. Богданову, Л. фон Берталанфи исходил из того, что вопросы решаются легче, если их сформулировать в общем виде. Организм представляет собой открытую систему. Отсюда следует, что общая теория организмов будет создана тем успешнее, чем в большей мере будут решены проблемы общей теории открытых систем. Но открытая система – это не предельно общее понятие, а всего лишь частный случай систем вообще. «Оказалось, однако, что я не смог остановиться на однажды избранном пути и был вынужден перейти к еще большей генерализации, которую я назвал общей теорией систем. Эта идея, – пишет далее Берталанфи, относится к весьма давнему времени – я выдвинул ее впервые в 1937 году на семинаре по философии, проходившем под руководством Чарльза Морриса в Чикагском университете»²⁶.

Однако только выдвинул. Но не развил и не опубликовал. Он поступил так же, как в свое время поступил знаменитый немецкий математик Гаусс, открывший неевклидову геометрию раньше, чем это сделали Лобачевский и Больяи. А именно – спрятал свои наброски в ящик стола из-за боязни негативной реакции со стороны своих коллег. Берталанфи ссылается на то, что в это время теоретическое знание как таковое пользовалось дурной репутацией в биологии.

Затем, уже после войны, «произошло нечто интересное и удивительное». Интеллектуальный климат изменился. Появилась кибернетика Н. Винера. Стали модными построения моделей и абстрактные обобщения, «более того, значительное число ученых размышляли в том же направлении, что и я. В результате общая теория систем, в конечном счете, оказалась не изолированной концепцией и не личной идиосинкразией автора, как я полагал первое время, а скорее одной из многих параллельно развивающихся теорий» (там же).

Приведя в качестве примеров сходные области исследований, такие как кибернетика, теория информации, теория игр и т.д., входящие в понятие «общей теории систем» в широком смысле этого слова, Берталанфи выделяет общую теорию систем в узком смысле, которая пытается «вывести из общего определения понятия «система» как комплекса взаимодействующих компонентов, ряд понятий, характерных для организованных целых, таких как взаимодействие, сумма,

механизация, централизация, конкуренция, финальность и т.д. и применяющая их к конкретным явлениям» (там же с.29).

Понимая трудности разработки такой теории отдельным человеком Л. фон Берталанфи в 1954 г. организует «Общество общей теории систем». Название позже было изменено на «Общество исследований в области общей теории систем». С 1956 г. начинают выходить издания этого общества – ежегодники «General systems».

Говоря о достижениях развиваемой этим обществом общей теории систем, Берталанфи отмечает разработку каркаса «динамической» теории систем и создание математических описаний системных параметров (целостность, сумма, рост, централизация и т.д.) т.е. решение той задачи, которая выше ставилась в качестве основной цели разработки общей теории систем в узком смысле этого слова. Правда, при этом Берталанфи пишет о том, что «занимаясь биологической проблематикой, мы были заинтересованы, прежде всего, в разработке теории «Открытых систем», т.е. систем, которые обмениваются со средой веществом, как это имеет место в любой «живой» системе»²⁷.

Как же отреагировали на появление общей теории систем Л. фон Берталанфи в Советском Союзе? Эта реакция коренным образом отличалась от той, которая была в свое время на кибернетику, которую клеймили как «продажную девку империализма». Умер Сталин. Наступила оттепель. Стали очевидными негативные результаты погрома кибернетики. Возникли мощные институты кибернетики в Киеве и в Тбилиси. Все это сделало возможным появление объективной, благожелательной рецензии на работы Л. фон Берталанфи²⁸. Берталанфи эта рецензия, несмотря на наличие в ней критических замечаний, очень понравилась, и он даже перепечатал ее в своем ежегоднике. На 60-е – 70-е годы приходится бум системных исследований в СССР. В ряде городов (Москва, Киев, Одесса, Тбилиси, Новосибирск) возникли центры по разработке системных исследований. Было проведено целый ряд конференций.

Появились сборники («Проблемы формального анализа систем» – ред. В. Н. Садовский, А. И. Уемов, М., Высшая школа, 1968, «Проблемы методологии системного исследования» – ред. И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, М., Мысль, 1970) и монографии (И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода, 1973, В. Н. Садовский. Основания общей теории систем, М., Наука, 1974).

С 1969 г. в Москве начинает выпускаться ежегодник «Системные исследования, Методологические проблемы», а с 1971 ежегодник

«Системный метод и современная наука» выпускается в Новосибирске (названия отдельных сборников менялись).

Наряду с методологическим анализом и критикой существовавших в то время общих теорий систем предметом исследований становится разработка новых, оригинальных вариантов таких теорий. Среди них следует отметить общую теорию систем Ю. А. Урманцева. Ю. А. Урманцев. Начала общей теории систем. //Системный анализ и научное знание. М., Наука, 1978, с.7-41//Система, Симметрия, Гармония. Ред. В. С. Тюхтин, Ю. А. Урманцев., М., Мысль, 1988. Диалектика познания сложных систем. Ред. В. С. Тюхтин, М., Мысль, 1988. Ю. А. Урманцев. Эволюционика или общая теория развития систем природы, общества и мышления. Пушино, 1988). Основной задачей этой теории является изучение таких явлений, как поли и изоморфизм, симметрия и асимметрия, а также различные варианты изомерии в самых различных областях окружающего нас мира.

В дальнейшем мы ограничимся той теорией, которая с середины 60-х годов развивается группой одесских исследователей. Она получила название параметрической общей теории систем.

Глава IV. Элементы параметрической общей теории систем

§1. Определение понятия системы

Первым шагом к построению общей теории систем является определение понятия системы. Некоторые считают, что о таком определении не следует слишком много заботиться. Можно дать любое определение. Важно лишь следить за тем, чтобы всегда придерживаться данного определения.

Это было бы верно, если бы речь шла о таком понятии, которое отсутствует в повседневном мышлении и впервые вводится автором. Тогда действительно автор имеет право считаться только с самим собой и давать такое определение, которое соответствует его мысли. Совсем иное дело – понятие «система». Л. фон Берталанфи пишет: «Каждый, кто захотел бы проанализировать наиболее употребительные современные понятия и ходячие выражения, обнаружил бы в самом начале списка слов «система». Это понятие распространилось во всех сферах науки и проникло в обыденное мышление, в жаргон и в средства массовых коммуникаций»²⁹.

В таком случае, каждый дающий определение понятия «система» не может не считаться с тем смыслом, в каком этот термин употребляется в науке и в повседневном мышлении. Но здесь возникает большая трудность. Очевидно, что при таком большом числе людей, употребляющих слово «система», трудно рассчитывать на то, что все они всегда связывают с этим словом один и тот же смысл.

Конечно, невозможно опросить их всех и выяснить все разнообразие смыслов. А если все же можно выяснить это разнообразие, то как его можно отобразить в одном определении? Ситуация кажется безвыходной.

И все же выход может быть найден. Дело в том, что множество истолкований понятия системы находит свое отображение во множестве тех определений этого понятия, которые мы можем найти в литературе. Так В. Н. Садовский в упомянутой выше книге приводит 34 различных определения понятия системы³⁰. Фактически он использует около 40 таких определений. Конечно, сейчас можно было бы значительно увеличить это число, но и список В. Н. Садовского достаточно репрезентативен. Опираясь на него, мы поступим следующим образом:

1) отбросим некоторые из них как явно несостоятельные, поскольку они не дают возможность отличить систему от не системы; 2) найдем инвариант или инварианты оставшихся определений такие, чтобы эти определения получались из инвариантов в качестве частных случаев³¹.

В качестве примера первого случая, приведем определение М. Тода и Э. Шуфорда, которые считают системой в широком смысле «все, что можно рассматривать как отдельную сущность». Но все, любую вещь можно рассматривать как отдельную сущность – и систему, и не-систему, которая по этому определению так же будет системой. Формализуем это определение в рамках ЯТО (см. главу II). Пусть символ S будет означать «быть системой». Тогда (A)S – «произвольный объект является системой». Значок = df означает «равно по определению». Здесь индекс df – первые согласные латинского слова definitio, что означает «определение».

В рамках изложенного в гл. II фрагмента языка тернарного описания схема определения Тода-Шуфорда будет иметь вид:

$$(iA)S = df \ iA \quad I$$

Здесь мы использовали символ i (йота – оператор) чтобы показать, что и слева от знака = df (по латыни – дефиниендум – то, что должно быть определено), и справа от него (по латыни – дефиниенс, т. е. определяющее) идет речь об одном и том же произвольно взятом предмете. Мы видим, что определение типа I неправомерно, т.к. оно не дает возможности отличить систему от не-системы.

Определение, отличное от I, но столь же неправомерное, дают Холл и Фейджин: система, по их мнению, это «множество объектов вместе с отношениями между объектами и между их атрибутами». Но любой предмет является множеством объектов (его частей) вместе с отношениями между объектами и их атрибутами. Это может быть выражено так:

$$[(iA)S] = df \ [a(iA)] \quad II$$

Такое определение также не дает возможности отличить систему от не-системы.

Эта возможность дается теми определениями, которые мы отнесем к третьему типу. Начнем с приведенного выше определения системы,

данного Л. фон Берталанфи: «Система может быть определена как комплекс взаимодействующих элементов». Здесь отличие системы от не-системы выражено четко. Солнечная система есть система, так как она образована гравитационным взаимодействием планет и Солнца. Биологический организм также система, т.к. он образован взаимодействием его органов. Но натуральный ряд чисел не есть система, так как между числами нет взаимодействия. Однако вряд ли с этим мы согласимся. Многие считают натуральный ряд чисел образцом системы. Таким образом, в определении Берталанфи допускается противоположная ошибка. Оно не является слишком широким, но зато оно оказалось слишком узким, не охватывая такие объекты, которые очевидно являются системными. Такая критика содержалась уже в упомянутой рецензии Лекторского и Садовского. Возможно, что Берталанфи учел критику, т.к. в своей более поздней работе он дает другое определение системы, по существу такое же, как разобранный выше определение Холла и Фейджина³². Но таким образом, спасаясь от Сциллы, он попадает к Харибде.

В чем формальная разница между определением Берталанфи и определением второго типа? Разница в том, что там речь шла просто о каком-то отношении, которым обладал произвольный предмет. Здесь же не просто отношение, а отношение определенного типа – взаимодействие. Это значит, что оно обладает определенным свойством – t . Некоторое отношение, присущее iA , изобразится замкнутой формулой $[a(*iA)]$. Оно обладает определенным свойством t . Будем иметь в качестве дефиниенса: $([a(*iA)])t$. Определение же в целом будет иметь вид:

$$(iA)S = df ([a(*iA)])t$$

III

В. Н. Садовский, критиковавший определение понятия системы как совокупности взаимодействующих элементов, дает другое определение этого понятия: «Системой мы будем называть упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство».

Нетрудно заметить, что такое определение, несмотря на все содержательное отличие от определения Л. фон Берталанфи, совпадает с ним по своей форме. Это также определение типа III. Здесь в системе устанавливается не просто какое-то отношение, а такое отношение, которое обладает четкими, заранее определенными

свойствами t . Это t представляет собой в данном случае совокупность – конъюнкцию трех свойств: упорядоченности, взаимосвязи и образования целостного единства. Такое определение, так же, как и определение Берталанфи, дает возможность четко отличать системы от не систем. Но оно, так же, как и определение Берталанфи, является слишком узким. Возможно существование таких образований, которые считаются системами, но отношения в которых лишены каких-либо из перечисленных в определении В. Н. Садовского свойств. Таковы те системы, которые физики называют электронным газом. Этот газ состоит из частиц, которые не поддаются идентификации и, следовательно, невозможно установить в нем какой-либо порядок.

Можно привести множество других определений такого же типа. Все они обладают одним и тем же достоинством – четкость отличия системы от не-системы, и одним и тем же недостатком – являются слишком узкими, не охватывая всех тех объектов, которые считаются системами.

Мы считаем бесполезными попытки найти такое t , которое ликвидировало бы указанный недостаток. И, тем не менее, выход есть. Он заключается в изменении интерпретации символа t в определении III. Выше под t понимались некоторые конкретные наборы свойств, обычно различные в разных определениях. Но t может быть понято и как любое определенное свойство, лишь бы только оно было дано заранее. Иными словами, системность может быть связана не с конкретным содержанием t , а с тем фактом, что какое-то t имеется, что какое-то свойство определено и дано заранее, а отношение подбирается как соответствующее ему. Таким образом, понятие системы становится относительным. Является тот или иной объект системой или нет, зависит от выбора t . По отношению к одному t объект может оказаться системой, по отношению к другому – нет. Так, натуральный ряд чисел по отношению к $t =$ взаимодействие не является системой, по отношению к $t =$ порядок он будет системой.

Любое свойство, данное заранее, является системообразующим, если отношения в объекте будут удовлетворять ему. Так, беспорядок в квартире, где произошло преступление, будет системой для следователя, если этот беспорядок удовлетворяет заранее сформулированному определенному свойству – совпадать с тем, что было в момент преступления. И следователь не будет доволен, если к моменту его прихода в квартире будет наведен иной порядок. Сказанное означает необходимость замены в определении свойства t на символ «произвольного свойства, которое является определенным» т. е. на $[(A)t]$. Таким образом, вместо III будем иметь:

$$(tA)S = df ([a(*tA)])(A)t]$$

III 1

Формула III1 является общей схемой-инвариантом разных определений. Но она может быть прочитана и как определение: «Системой является произвольная вещь, на которой реализуется какое-то отношение, обладающее произвольно взятым определенным свойством».

И это определение является соразмерным. Прежде всего, оно не является слишком широким, позволяя отличать системы от не систем. Для каждого выбранного t весь мир четко делится на системы (по данному t) и не-системы (по данному t). Далее, оно не является и слишком узким. Любой объект, кем-то считаемый системой, будет системой и по нашему определению. Нужно лишь соответствующим образом подобрать t .

Очевидно, что все определения, относящиеся к схеме III, являются частными случаями нашего определения. Они отличаются друг от друга лишь выбором t . Так, беря в качестве t свойства, выделяющие отношения типа взаимодействия из числа всех остальных отношений, мы получаем определение Л. фон Берталанфи. Беря в качестве t порядок и два других свойства, получаем определение В. Н. Садовского. Все другие определения получаются при иных истолкованиях t . Таким образом, пугающая разногласия в вопросе об определении системы резко уменьшается. Казавшиеся столь принципиальными различия превращаются в различия между разными интерпретациями одной и той же схемы.

Все ли фактически дающиеся определения понятия системы охватываются рассмотренными схемами? В списке В. Н. Садовского подавляющее большинство определений соответствует формуле III. Но есть и исключения. К ним относится, в частности, определение, данное А. Рапопортом: «Система с математической точки зрения – это некоторая часть мира, которую в любое данное время можно описать, приписав конкретные значения некоторому множеству переменных».

Очевидно, что здесь множества переменных должны быть связаны некоторым уравнением. Это уравнение и будет выражать системообразующее отношение. Здесь оно относится к свойствам. Поэтому оказывается, что по Рапопорту системой оказывается предмет, которому приписываются свойства, находящиеся в заранее фиксированном отношении. Формально это выразится так:

$$(tA)S = df t([tA^*]a)]$$

IV

Иное определение, относящееся к этой схеме, дает Г.Паск: с его точки зрения система это любая форма распределения активности в цепи, рассматриваемая каким-либо наблюдателем в качестве закономерной. Здесь свойства выражают распределение активностей между которыми имеет место отношение, выраженное каким-либо законом.

Повторяя *mutatis mutandis* рассуждения, связанные с формулой III применительно к формуле IV получим:

$$(tA)S = df [(A)t]([tA^*]a)]$$

IV1

В этой формуле $[(A)t]$ означает произвольное отношение. Оно относится к некоторым свойствам – а присущим предмету tA , тому самому, который определяется в качестве системы. Формуле IV1 соответствует следующее определение понятия системы: «Системой является произвольная вещь, на которой реализуются какие-то свойства, находящиеся в произвольно взятом определенном отношении». Приведенные формулы исчерпывают все многообразие определений систем, данное в списке В.Н.Садовского.

§2. Системные дескрипторы. Двойственность и дополнительность. Принцип универсальности системного описания. Классификация характеров по системным дескрипторам.

Приведенные выше как формальные, так и словесные определения понятия системы дают возможность выделить ряд аспектов системной модели предмета, которые могут быть названы системными дескрипторами. Это – концепт, структура и субстрат системы. Исходным дескриптором является концепт (от слова «концепция», лежащая в основе определения). Концепт может быть атрибутивным и реляционным в зависимости от типа системного описания, выраженного формулами III1 и IV1. Атрибутивный концепт – это то самое определенное свойство t , которому должно удовлетворять отношение в системе. Символ t не обязательно обозначает такое свойство. Поэтому t

не может быть отождествлено с концептом. Тогда, когда t является атрибутивным концептом, он будет обозначаться символом P_c . Здесь P – от латинского *proprietas*, (*atis*), что означает «свойство». Индекс c – от слова «concept». Атрибутивный концепт имеет место в определениях соответствующих формуле III1. t в определениях соответствующих формуле IV1, является реляционным концептом. Его обозначим символом R_c от латинского *Relatio*(*onis*) – «отношение».

Отношение, удовлетворяющее атрибутивному концепту P_c , назовем реляционной структурой и обозначим символом R_s . Здесь индекс s – от латинского *structura*(*ae*), что означает структура. Здесь имеется в виду формула III1. В формуле IV1 реляционной структуре соответствует атрибутивная структура, представляющая собой набор свойств (или одно свойство), удовлетворяющий реляционному концепту R_c . Атрибутивную структуру обозначим символом P_s .

И, наконец, носителя в одном случае (формула III1) реляционной, а в другом (формула IV1) – атрибутивной структуры, назовем субстратом системы и обозначим символом m (от латинского *materia*(*ae*), что означает «материя»).

Указанные обозначения имеют то преимущество, что позволяют выносить обозначаемые объекты за рамки того контекста, который задается формулами III1, IV1, и рассматривать эти объекты самостоятельно. Но они обладают тем недостатком, что в этих обозначениях не учитывается определенность, неопределенность и произвольность обозначаемых объектов. Кроме того, если формулы III1, IV1 представляют собой элементы формального аппарата – языка тернарного описания, в рамках которого они могут быть использованы в процессе вывода, то вновь введенные символы имеют скорее мнемоническое значение, не позволяя забывать ту роль, которую эти символы играют в соответствующих определениях понятия «система».

Учитывая указанный смысл введенных терминов, перепишем формулы III1 и IV1 так, чтобы отчетливо были видны дескрипторы. Получим дескрипторные определения системы:

$$(m)S = df ([R_s (*m)])P_c \quad I$$

$$(m)S1 = df R_c ([(m^*)P_s]) \quad II$$

Здесь мы использовали ту же нумерацию формул I, II, что и в предыдущем параграфе, где эта нумерация применялась для

обозначения слишком широких определений. Надеемся, что путаницы не будет, поскольку одинаковая нумерация здесь относится к разным параграфам.

Назовем определение III1 (§1) определением с атрибутивным концептом, а определение IV1 (§1) – определением с реляционным концептом. Обратимся к словесным выражениям этих определений. Нетрудно заметить, что одно из них получается из другого путем замены слова «отношение» словом «свойство», а слова «свойство» словом «отношение». Это означает, что оба определения являются двойственными друг к другу по отношению к преобразованию «свойство» – «отношение».

Это отношение такого же типа, как и то, которое установил наполеоновский офицер Понселе применительно к преобразованию «прямая» – «точка». Две точки определяют одну прямую. Значит, две прямые определяют одну точку. Свой принцип двойственности есть в математической логике и в других областях научного знания.

Было бы неправильно считать, что одни объекты выражаются в качестве систем одним способом, скажем, с помощью системной модели, имеющей атрибутивный концепт, а другие – другим, с помощью модели с реляционным концептом. Можно утверждать, что любой объект может быть представлен в качестве системы обоими способами. Каждый из этих способов односторонен, но вместе они дополняют друг друга. Это утверждение составляет содержание принципа дополнительности двойственных системных описаний, который можно рассматривать как обобщение известного принципа дополнительности Нильса Бора³³.

Принцип дополнительности, однако, не противоречит тому, что в одних случаях более удобно использовать одну системную модель, а в других – другую. Отметим, что системная модель с атрибутивным концептом дает представление объекта в виде единичного объекта. Системная модель с реляционным концептом связана с тем, что исследуемый объект представляется в виде совокупности классов объектов, каждый из которых имеет содержание, выраженное атрибутивной структурой системы.

Каждый ли объект может быть представлен в качестве системы одним из двух указанных выше способов? Положительный ответ на поставленный вопрос представляет собой содержание принципа универсальности системного описания. Этот принцип означает, что для любого объекта m найдется такое свойство – атрибутивный концепт P , что некоторое отношение R , обладающее им, будет реализовано на m и,

соответственно, наоборот, для любого объекта m найдется такое отношение – реляционный концепт R , что некоторые свойства P , находящиеся в этом отношении, будут принадлежать m .

Нетрудно видеть, что принцип универсальности системного описания предполагает принцип его относительности. Однако первый не является логическим следствием второго. Принцип универсальности имеет самостоятельное значение в качестве утверждения об окружающей нас действительности. Он является необходимой предпосылкой общенаучного характера системного подхода.

В заключение данного параграфа рассмотрим вопрос о применении системных дескрипторов к проблеме классификации человеческих характеров. Здесь мы используем системное представление объектов в качестве формального классификатора³⁴. Различного рода объекты можно классифицировать независимо от природы этих объектов в соответствии с тем, к каким именно дескрипторам системы они относятся. Так, например, управление можно подразделить на концептуальное, структурное, субстратное. Так же можно классифицировать человеческие характеры.

Человек может отождествить себя с системой, чувствовать себя винтиком этой системы, быть элементом субстрата и получать отсюда силу, энергию. Он переносит на себя всю мощь той системы, в которую он включается. Это одна позиция, она, несомненно, коллективистская. Коллективисты, в соответствии с системными дескрипторами, могут быть разделены на два типа. К первому относятся М-люди – субстратные люди, которые стремятся реализовать уже заданную для них структуру. И есть организаторы, это структурные люди, они получают цель сверху и стремятся реализовать ее, построить соответствующую структуру (неважно, реляционную или атрибутивную).

Но существуют люди совсем другого типа – индивидуалисты. Они получают системную энергию не оттого, что включаются в уже заданную систему, а оттого, что сами создают новую. Сами создают системы. Это, так сказать, концептные люди, они организуют вокруг себя окружающую среду таким образом, чтобы она давала им энергию.

§3. Системные параметры

Любая наука, в том числе общая теория систем, начинается с классификации. В данном случае речь идет о классификации систем. Согласно принципу универсальности, любой объект может быть

представлен в виде системы. Значит ли это, что любое свойство может быть основанием деления систем на классы? Например, можно ли делить системы на зеленые, синие, красные и т.д.? Или же на большие, очень большие, малые, очень малые? Такие деления возможны, но они не были бы делениями именно систем. Первое деление относится к телам, второе – вообще к вещам, но оно не требует представления объектов в виде систем.

Классификация же систем требует такого представления. Представление объекта как системы означает выделение у этого объекта системных дескрипторов. Мы можем сформулировать такие основания деления, которые предполагают выделение таких дескрипторов. Например, можно поставить такой вопрос: можно ли присоединить к той или иной вещи новые элементы? Разумный ответ на него предполагает представление этой вещи в виде некоторой системы, т. е. выделение концепта, структуры и субстрата.

Ильф и Петров в юмореске «Как сочиняли Робинзона» рассказывают о писателе, который принес в издательство повесть «Красный Робинзон». Редактор одобрил повесть, но потребовал, чтобы на острове существовала профсоюзная организация. На чем основан юмор? На том, что само название повести предполагает ее системное видение. Концептом здесь является сходство с прототипом – известной повестью Д. Дефо «Робинзон Крузо». Структурой должен быть аналог тех отношений, которые были на необитаемом острове, а субстрат предполагает только двоих – Робинзона и Пятницу, не считая кратковременного пребывания на острове группы людоедов. Поэтому профсоюзная организация здесь никак не возможна.

Мы имеем здесь дело с тем типом систем, которые не допускают присоединения новых элементов. Назовем их замкнутыми. Противоположный тип допускает такое присоединение, например, слушатели на публичной лекции. Назовем такие системы открытыми.

Основание деления систем на замкнутые и открытые является атрибутивным системным параметром, поскольку оно предполагает системное рассмотрение соотносящихся вещей. Выделение классов систем производится путем наделения системных дескрипторов соответствующими свойствами. Каждый из выделенных классов систем характеризуется свойством, представляющим собой то или иное значение атрибутивного системного параметра.

В рассмотренном примере таких значений два. Одно определяет замкнутые, а другое – открытые системы. Назовем атрибутивные системные параметры с двумя значениями бинарными. В качестве

примеров таких параметров, кроме рассмотренного, приведем еще параметры, которые делят системы на гомогенные – гетерогенные, центрированные – нецентрированные, стабильные – нестабильные, стационарные – нестационарные, допускающие исключение элементов – не допускающие такого исключения, уникальные – не уникальные и т.д. Раскрытие конкретного содержания этих параметров можно найти в литературе³⁵.

В отличие от бинарных атрибутивных параметров, делящих системы на два дополнительных друг другу класса, линейные системные параметры делят системы на упорядоченное множество, теоретически – бесконечно большое, классов систем. В качестве примеров таких параметров можно привести целостность и простоту – сложность.

Идея целостности настолько тесно ассоциируется с идеей системности, что зачастую само определение понятия системы дается через целостность. Но этого делать нельзя, так как для того, чтобы понять, что такое целостность объекта, необходимо этот объект представить, как систему, и определение системы через целостность будет, таким образом, означать порочный круг.

Важной задачей общей теории систем является определение мер линейных атрибутивных системных параметров – целостности и простоты – сложности. В настоящее время значительно большие успехи достигнуты в решении второй из этих задач. Существует большая литература, посвященная измерению простоты – сложности. Иногда такое измерение производится независимо от системного подхода. Использование понятий общей теории систем, в частности системных дескрипторов, дает в этом отношении значительные преимущества, позволяя рассматривать различные типы простоты – сложности. (концептуальную, структурную, субстратную, структурно-субстратную, субстратно – структурную)³⁶.

Если атрибутивные системные параметры представляют собой свойства систем, определяемые по их дескрипторам, то реляционные системные параметры являются специфически системными отношениями, которые соотносят друг с другом системные дескрипторы разных систем. Так, если структуры этих систем совпадают друг с другом, мы имеем изоморфизм. Значение другого реляционного системного параметра будет означать совпадение субстратов – изосубстратность. Может иметь место совпадение структуры одной системы с субстратом другой и т.д.

Поскольку все можно рассмотреть как некоторую систему, все может быть классифицировано по значениям атрибутивных системных

параметров. В том числе – психика человека. Она в качестве системы может быть открытой и замкнутой, центрированной и нецентрированной, стабильной и нестабильной. Особое значение для ее характеристики имеют значения линейных системных параметров. Психика может быть более или менее целостной, более или менее сложной. Степень сложности проявляется в различных характеристических чертах личности, например, такой как аккуратность³⁷.

Реляционные системные параметры могут быть использованы при сравнении различных личностей друг с другом.

Глава V. Порядок и хаос

§1. Порядок и хаос в мифологии

Соотношение порядка и хаоса является одной из центральных проблем развития человеческого общества и, соответственно, одним из основных вопросов философии. Как развивается мир? От хаоса к порядку или же, наоборот, от порядка к хаосу? Может ли порядок возникать сам собой? Может ли анархия быть «матерью порядка»? Таков далеко не полный перечень очень интересных вопросов, связанных с понятиями «хаос» и «порядок».

Древние греки в качестве исходного понятия рассматривали хаос. Об этом свидетельствует «Теогония» знаменитого поэта Гесиода:

«Прежде всего, во Вселенной Хаос зародился,
а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах
глубоких
И, между вечными всеми богами прекраснейший
– Эрос.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.
Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное небо, Урана, чтоб точно покрыв ее всюду»³⁸.

Свою трактовку хаоса Гесиода дает историк философии А. Н. Чанышев. По его мнению, «это не Хаос как беспорядок, а хаос как зияние. Древнегреческое слово «хаос» происходит от глагола «хайно» – раскрываюсь, разверзаюсь. Это первичное бесформенное состояние мира, зияние между землей и небом»³⁹. Однако, следует заметить, что бесформенность это и есть атрибут беспорядка. Далее, А.Н. Чанышев отмечает, что Гесиод не говорит, что сам Хаос породил новое поколение богов. У него Гея – земля и Уран – небо рождаются не из хаоса, а после Хаоса. Это так, однако, Ночь и Эреб (мрак), как следует из приведенной выше цитаты из «Теогонии», рождаются именно из Хаоса.

Что же противостоит хаосу у Гесиода? На этот вопрос отвечает французский исследователь Жан-Пьер Вернан. Он пишет, что у Гесиода

«просто не было возможности представить вселенную подчиненной власти закона, подобно самоорганизующемуся космосу, который распространил на все свои части один и тот же порядок, состоящий в *isonomia* – в равном распределении, равновесии, равномерности и симметрии»⁴⁰.

Олимпийские боги, родившись из хаоса или после хаоса, согласно Гесиоду, в другой его поэме, «Труды и дни», создали удивительный порядок, при котором люди жили, как боги:

«Создали, прежде всего, поколение людей золотое
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон – повелитель в то время владыкою неба,
Жили те люди, как боги, со спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодатные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства⁴¹.
Но постепенно все это разрушилось.
«Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Ни передышки, ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин,
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут...
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвозащититель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право»⁴².

Все это сказано в VIII – VII в до н. э. А звучит очень современно. Первой части – о золотом веке – соответствует мечта о коммунизме как таком строе, при котором от каждого берут по способностям, а каждому дают по потребностям. Ну а вторая часть – о железных людях – чем-то напоминает то общество, в котором мы живем.

§2. Порядок и хаос в рамках физики и кибернетики

Шли века. Появилась наука. Благодаря ее успехам стало возможным не просто говорить о хаосе и порядке, но поставить вопрос об определении меры хаоса и, соответственно, – порядка. В физике была введена некая функция, она была названа энтропией, имеющая определенный конкретный смысл в конкретной области физики – термодинамике (там она точно определяется через понятие абсолютной температуры), которая затем была интерпретирована как мера хаоса. Тепло может совершать работу лишь переходя от более нагретого тела к менее нагретому. Температуры при этом выравниваются. Энтропия растет. Растет она и при всяком перемешивании. Например, при перемешивании двух газов в сосуде. Если одна часть сосуда занята одним газом, а другая – другим, то энтропия системы в целом минимальна. Здесь – порядок. Но при перемешивании увеличивается хаос и энтропия растет. Эти утверждения составляют содержание так называемого 2-го принципа термодинамики. 1-й принцип – это закон сохранения энергии. В замкнутой системе энергия не может ни возрасти, ни уменьшиться, сумма всех видов энергии – величина постоянная. 2-й принцип касается энтропии. Энтропия при всех изменениях (в замкнутых системах, опять-таки) может только увеличиваться. Уменьшиться она не может. В лучшем случае сохраниться. Значит, хаос растет, растет и растет. Любую часть Вселенной можно рассматривать, как относительно замкнутую, и значит, в любой части Вселенной беспорядок будет расти. В конце концов, беспорядок, который связывается с выравниванием температур, может достигнуть максимума. Тогда все температуры будут одинаковыми. А раз все температуры будут одинаковы, тогда никакое изменение становится невозможным. Все, значит остановка, тепловая смерть Вселенной. Это сформулировал Клаузиус в прошлом веке (он и является автором 2-го начала термодинамики).

Этот вывод имеет колоссальное мировоззренческое значение. Если мир устроен так, что беспорядок может только расти, то вначале должен быть полный порядок, и кто-то этот порядок создал. Естественная мысль о боге. Значит, порядок был создан богом, потом бог предоставил Вселенную самой себе, и вот сама по себе Вселенная становилась все более и более хаотичной. Значит, тепловая смерть неизбежна. Об этом писал Энгельс, причем его возражения против Клаузиуса довольно неубедительны. Фактически они сводятся к выражению надежды на открытие в будущем антиэнтропийных процессов и ссылкой на расширительную трактовку закона сохранения энергии. «Вопрос о том, что делается с потерянной как будто бы теплотой, поставлен, так сказать, *nettement* (начистоту, без уверток) лишь с 1867 г. (Клаузиус).

Неудивительно, что он еще не решен; возможно, что пройдет еще немало времени, пока мы своими скромными средствами добьемся его решения. Но он будет решен; это так же достоверно, как и то, что в природе не происходит никаких чудес и что первоначальная теплота туманности не была получена ею чудесным образом из вне мировых сфер... В каком бы виде ни выступало перед нами второе положение Клаузиуса и т.д., во всяком случае, согласно ему, энергия теряется, если не количественно, то качественно»⁴³. Однако в науке признан лишь закон количественного сохранения энергии, который вовсе не исключает ее качественной деградации, т.е. такую ситуацию, когда энергии будет много, но ее нельзя будет превратить в работу из-за выравнивания температур.

Более основательное возражение у Больцмана, точнее не возражение, а просто некоторый лучик надежды. В отличие от 1-го принципа термодинамики, 2-й принцип имеет статистический характер. Т.е. в среднем он верен, но иногда возможна флюктуация, отклонение от нормального естественного хода увеличения беспорядка, увеличения энтропии. Возьмем такой пример. У нас в нашей комнате все молекулы распределены примерно равномерно: в воздухе есть азот, есть кислород, и т.д. Вот они более-менее равномерно распределены по объему комнаты, в которой мы находимся. Это беспорядок, хаос. Но может возникнуть порядок. Когда? Когда они все поднимутся в верхнюю половину. Возможна флюктуация. Раз молекула движется туда, куда хочет, то почему бы ей не пойти вверх? И вот все молекулы поднялись вверх. И мы с Вами погибли бы от удушья вследствие этой флюктуации. Но я не думаю, что если бы мы вдруг все погибли, то одесский угрозыск принимал бы во внимание эту версию. Наверняка бы он что-то другое подумал, поскольку такая флюктуация крайне маловероятна.

И вот имеет место колоссальная флюктуация в этом хаосе. С этой флюктуацией связано возникновение всякого порядка: возникновение жизни на Земле, возникновение сознания и т.д. и т.д. Но, в один прекрасный момент флюктуация прекратится, и все погибнет. И вот вам конец света. «Белое братство», как известно, вычислило, когда конец света должен быть. Это 24 ноября 1993 года, потом на 10 дней перенесено было. Ну, слава Богу, мы пережили этот момент. Но «Белое братство» не отчаялось, и оно все-таки настаивает, что в будущем (правда, точно они еще не вычислили) все же такой конец наступит.

Большинство людей привыкло к тому, что эта флюктуация продолжается, и не очень переживает. Однако, если мы пережили одну опасность, то это не значит, что мы переживем все остальные опасности.

Они нам угрожают и в совершенно других сферах, но, опять-таки, на основе закона роста энтропии. В газете «Юг» за 25/1 1994 г. напечатана статья известного преподавателя нашего Одесского университета Барладяну-Берладника В. В.: «Национализм – что это?»

Характер его рассуждения таков: «В физике есть понятие энтропии и тепловой смерти. Все процессы в природе будто бы происходят в направлении выравнивания температуры в рамках системы тел (энтропия возрастает). Когда температуры выравниваются, процесс энергетических превращений в системах или телах приостанавливается, что является смертью Вселенной. Подобное выравнивание между национальными системами за счет смешения, ассимиляции, исчезновения национальных культур как раз и есть конец человечества». Значит, выровняется температура национальная, и конец человечества наступит раньше конца света. Свет еще будет существовать, но уже без человечества. Предлагаются срочные меры.

Для сохранения нации нужно предотвратить, прежде всего, смешение, смешанные браки: «смешанные браки отрывают человека от семейных традиций, лишают потомков не только связи с традиционной окружающей исторической средой, но и здорового физического существования, как отдельных личностей, так и целых народов. Доктор Клод Леви из французского института демографических исследований доказывает, что одной из причин, обуславливающих долголетие человека, является одно-этнический брак, т.е. смешанные браки негативно влияют на здоровье человека, сокращают его жизнь. С возрастанием космополитизации семейной жизни в геометрической прогрессии возрастает количество разрушенных семей, сирот. Появляются болезни, каких раньше тот или иной народ не знал». Значит, отсюда логическое следствие – контроль. Нужно организовать, естественно, полицию, которая бы следила, кто с кем спит, и главное – что он во время сна делает, это очень важно. Таким образом, борьба с хаосом межэтнических отношений приводит к необходимости создания полицейского государства.

Но я думаю, что Клод Леви и следующий за ним В. Барладяну-Берладник не правы фактически. Хаос межэтнических браков характерен, прежде всего, для США. Моноэтнические браки более распространены в России и на Украине. Особенно это было так в период существования железного занавеса. Но никто не скажет, что мы здоровее или дольше живем, чем американцы.

Но главное даже не в этом. Выравнивание температур приводит к остановке движения – тепловой смерти. А выравнивание этносов в

результате смешанных браков приведет к возникновению единого этноса на всем земном шаре. И в дальнейшем браки будут только моноэтническими, что, по словам наших авторов, очень даже хорошо.

Как же быть с тепловой смертью? Антиэнтропийных процессов до сих пор не найдено, если не говорить о спонтанном возникновении островков порядка, исследованных И. Пригожиным. О них речь будет идти далее. Однако можно выдвинуть соображения, согласно которым именно универсальный характер второго начала термодинамики является гарантией того, что тепловой смерти не будет. Во всяком случае, мы ее не заметим. В самом деле, движение не прекратится сразу, в один момент. Оно будет лишь постепенно замедляться. И это относится ко всякому движению. Скажем, Земля будет вращаться вокруг своей оси в два раза медленнее. Но и кровь в моем теле будет двигаться в два раза медленнее. И стрелки моих часов будут вращаться в два раза медленнее. Так что по этим часам земля сделает оборот вокруг своей оси по-прежнему за 24 часа.

И все же, даже при отсутствии тепловой смерти, остается проблема нарастания хаоса в процессе эволюции вселенной. Но возникновение жизни и в дальнейшем – появление человеческого общества – это явный рост порядка, противостоящий хаосу! Как его совместить со вторым началом термодинамики? Существовало мнение, что совместить эти вещи нельзя, что в сфере биологических явлений второе начало термодинамики попросту не действует. Сторонники термодинамики возражали: оно действует и в этом случае. Порядок в каком-то определенном месте может расти, но лишь за счет еще большего роста беспорядка в окружающей среде. Так что в целом энтропия может только возрастать. Мы можем использовать холодильник. В нем растет разность температур, т.е. уменьшается энтропия. Но холодильник будет работать только тогда, когда мы включим его в электрическую сеть. А ток возникнет на электростанции за счет роста энтропии при сжигании топлива, если эта станция – тепловая, или снижения уровня падающей воды, если у нас – гидростанция. Так что возникновение жизни означает возникновение своего рода холодильника. Жизнь уничтожает порядок в окружающей среде. Развитие же человеческого общества приводит к уничтожению жизни: исчезновению лесов, которые когда-то покрывали большую часть поверхности Земного шара, сокращению числа биологических видов. И мы говорим сейчас о грядущем экологическом кризисе.

В общем – мрак. И он делает понятным то воодушевление, с которым было воспринято возникновение новой, неравновесной термодинамики, разработанной Ильей Пригожиным – бельгийским физиком русского происхождения. Прежняя, классическая термодинамика основана на понятии равновесия. В ней флуктуации, с которыми связан порядок, возникнув в системе, близкой к равновесию, имеют тенденцию к затуханию. Система как бы невосприимчива к флуктуациям. И потому стабильна. В неравновесной термодинамике изучаются неустойчивые состояния, когда определенные флуктуации, вместо того, чтобы затухать, усиливаются и завладевают всей системой, вынуждая ее эволюционировать к новому режиму. Таким образом, при определенной скорости ламинарное (без завихрений) течение жидкости может смениться турбулентным (с завихрениями), а это уже порядок, поскольку означает согласованное – когерентное поведение миллионов и миллионов молекул.

Тот же тип поведения, который устанавливается в неравновесных условиях, дает возможность представить проблему происхождения жизни в ином свете. Жизнь не противоречит тому типу поведения, который устанавливается в сильно неравновесных условиях.

Классическая термодинамика приводит к понятию равновесной структуры, примером которой может служить любой кристалл. Турбулентность и другие подобные структуры имеют иную природу. Они были названы диссипативными структурами.

Итак, источником порядка является неравновесность. В равновесном состоянии молекулы ведут себя независимо – каждая из них игнорирует остальные. Их можно было бы назвать гипнонами (лунатиками). Переход в неравновесное состояние их пробуждает и устанавливает между ними когерентность.

Новые составляющие системы приводят к новому типу реакций. Если система структурно устойчива, то новые единицы – инноваторы – гибнут. В противном случае возникает новый режим функционирования. Уже на уровне макромолекул возникает простейший вариант дарвиновской идеи выживания наиболее приспособленных⁴⁴.

Итак, И. Пригожин открыл в виде «диссипативных структур» некоторые «островки порядка» и определил условия, при которых они возникают из хаоса.

Если бы труды И. Пригожина были известны теоретикам анархизма – М. Бакунину и П. Кропоткину, то они могли бы превратить эти труды в свою библию. В самом деле, идея порядка, возникающего из хаоса,

может служить теоретическим основанием известного лозунга: «Анархия – мать порядка».

К анархии как к хаосу М. Бакунин относится резко отрицательно. Он пророчески пишет: «нет более ни законов, ни власти. Взбунтовавшийся океан изломал все плотины. Вся эта далеко не однородная, а, напротив, чрезвычайно разнородная масса, покрывающая необъятное пространство всероссийской империи всероссийским народом, начала жить и действовать из себя, из того, что она есть, в самом деле, а не из того более, чем ей приказано быть, везде по-своему повсеместная анархия. Взбаламученная грязь, которой огромное количество накопилось в народе, всплывает вверх, является в разных пунктах, множество новых лиц, смелых, умных, бессовестных и честолюбивых, которые, разумеется, стремятся, каждый по своему, овладеть народным доверием и направить его к своей личной пользе. Люди эти отталкиваются, борются, уничтожают друг друга. Кажется, ужасная и безвыходная анархия»⁴⁵.

Какой же выход может быть найден из такого положения? Диктатура, в том числе и «диктатура пролетариата» – не выход, ибо «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя»⁴⁶.

Выход из анархии как хаоса М. Бакунин видит в анархии как организации – «самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх, не по приказанию какого бы то начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие естественного развития, (подч. мной А. У.) всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью»⁴⁷.

Обратим внимание на подчеркнутые слова. Здесь речь идет о неравновесности. Именно в таких системах возникают диссипативные структуры – очаги порядка по И. Пригожину. Но они возникают не всегда, а лишь при определенных условиях, изучаемых школой И. Пригожина. Теоретики анархизма так же пытались определить такие условия.

Так, М. Бакунин предлагал создать тайную вездесущую организацию, которая не становится над народом как государственная власть, не получает никакой выгоды, но, сильная своей мыслью, руководит народным движением⁴⁸.

Иной путь предложил П. Кропоткин. Он пришел к выводу, что условием порождения порядка из хаоса является воспитание нового человека. И, отойдя от активной политической деятельности, засел за «этику», которую так и не успел закончить. Большевики жестоко расправились с анархистским движением. Порядок был наведен.

Однако, существование государства, которое с помощью все возрастающих масс алчного и коррумпированного чиновничества становится тормозом нормального общественного развития, заставляет нас сожалеть о том, что теоретикам анархизма не удалось найти условия порождения порядка из хаоса. Выразим надежду на лучшие времена, когда эти условия будут найдены.

Для этого могут быть полезными теоретические разработки в сфере физики, казалось бы, далекие от социальных проблем. Исследования И. Пригожина, несмотря на все их достоинства, пока не привели к созданию общей теории возникновения порядка. Как отмечает группа итальянских ученых, их существенным недостатком является то, что диссипативные структуры могут возникать лишь в некоторых граничных условиях, крайне редких в природе. Далее, диссипативные структуры не могут полностью воспроизводить себя. Экологические, нейробиологические и морфологические системы с трудом поддаются термодинамическому описанию, не говоря уже о социально-экономических системах⁴⁹.

Известный английский кибернетик Старффорд Бир занимает позицию, принципиально отличную от позиции И. Пригожина. Он возражает против самой постановки вопроса «Порядок из Хаоса» считая ее мифологической, воспроизведением воззрений древних греков. То, что связано с максимальным значением энтропии, и, по Больцману, является хаосом, Ст. Бир считает порядком. Можно ли представить себе что-либо более упорядоченное, чем идеально равномерное распределение молекул, теплоты, энергии или каких-то иных объектов? – спрашивает Ст. Бир. Кстати, порядок, который, по Гесиоду, возник из хаоса – изономия, означает, как уже говорилось выше, именно равное распределение, равновесие, равномерность и симметрию.

В таком случае оказывается, что порядок более естественен, чем хаос. И скорее нужно объяснять не происхождение порядка из хаоса, а наоборот – хаоса из порядка⁵⁰.

Позицию Ст. Бира разделяет американец Сабелли. Он полагает, что энтропия – скорее мера симметрии, чем мера беспорядка. Развитие в сторону увеличения энтропии, т.е. симметричности, производит различные типы порядка – от упрощения к гомогенности, и в то же время беспорядка, порождающего сложные структуры.

Во всех случаях, когда производились измерения, энтропия спонтанно растет. Нет данных о том, что сложные эволюционирующие системы уменьшают свою энтропию, вопреки тому, что допускал И. Пригожин. Второй закон термодинамики представляет собой, таким образом, закон максимизации симметрии.⁵¹

Отметим также интересные попытки определения относительной степени упорядоченности-хаотичности, предпринятые московским физиком Ю. Л. Климонтовичем⁵². Его результаты были применены в медицине. Оказалось, что изменения степени упорядоченности у мужчины и женщины противоположны по знаку. Именно у всех женщин в результате стресса степень хаотичности увеличивалась, а у мужчин – уменьшалась⁵³.

Физик И. Б. Петров вплотную подошел к идее относительности противопоставления порядка и хаоса, давая такие определения: «Под порядком будем понимать свойство набора элементов, расположенных в соответствии с какой-то логикой внутри системы. В случае отсутствия какой-либо логической системы будем говорить о беспорядке». Однако, он не решился признать идею относительности, заявив: «Из сказанного можно сделать неверный вывод об относительности понятий порядка и беспорядка, хаоса и информации, а идея дальше – зла и добра»⁵⁴.

Пойдем дальше.

§3 Порядок и беспорядок в свете параметрической общей теории систем

Выше уже приводилось определение системы, данное В. Н. Садовским: «Системой мы будем называть упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство».

Возникает вопрос, какого рода упорядоченность имеется в виду в определении понятия системы? Выше, когда мы использовали данное определение в качестве примера чрезмерно узкого определения, для доказательства этого факта было достаточно при вести пример системы, очевидно, никак не упорядоченной. Такой системой явился электронный газ. Однако, это слишком экзотическая система, встречающаяся лишь в одном из разделов физики. Быть может, во всех остальных случаях приведенное определение вполне правомерно?

Для ответа на этот вопрос необходим более детальный анализ понятия упорядоченности. Существует математическая трактовка этого понятия в рамках теории множеств. Здесь определяется понятие линейно упорядоченного множества как множества, на котором задано отношение линейного порядка, то есть для любых двух элементов x и y у указано, какой из этих элементов следует за другим, т.е. какой из этих

элементов «больше». Отношение порядка $<$ на таком множестве обладает тремя свойствами: 1) оно антирефлексивно, т. е. невозможно, чтобы было $x < x$; 2) оно антисимметрично, т. е. если $x < y$, то невозможно, чтобы было $y < x$; 3) оно транзитивно, т. е. $(x < y, y < z) \Rightarrow (x < z)$.

Если на множестве допускаются несравнимые между собой элементы, то порядок называется не линейным, а частичным. В том случае, когда линейно упорядоченное множество имеет наименьший элемент, и для всякого элемента, не являющегося наибольшим, существует элемент, непосредственно следующий за ним, то такое множество является вполне упорядоченным. Доказывается, что во всяком непустом множестве можно установить отношение порядка, превращающее его во вполне упорядоченное множество. (теорема Цермело). Образцом вполне упорядоченного множества является натуральный ряд чисел.

Сравним теперь с точки зрения упорядоченности две системы. Одна будет очередь, другая – толпа. Очередь по определению В.Н. Садовского – явная система. Если каждый знает, за кем он стоит, то это означает, что в системе задано отношение линейного порядка. Мало того, очередь является вполне упорядоченным множеством, поскольку здесь есть первый и последний элементы. Но может случиться так, что на одно и то же место в очереди будут претендовать двое и больше. Тогда порядок становится частичным. Теперь вообразите, что на каждое место будет претендовать множество людей. Сохранится ли порядок? Формально математически, если есть хотя бы пара элементов, один из которых следует за другим, порядок сохранится, хотя он будет очень уж частичным, т. е. таким порядком, который будет восприниматься как беспорядок. Сохранится ли система? В.Н. Садовский может сказать, что сохранится, ибо какая-то упорядоченность в такой очереди будет.

Ну а как быть с толпой? Здесь нет ни первых, ни последних. Все перемешано. Конечно, и в толпе каждому может быть присвоен некоторый номер. И, если все эти номера будут различны, толпу можно превратить, согласно теореме Цермело, во вполне упорядоченное множество. Но это будет насилие над толпой. Это будет превращением одного множества в другое. Вот это другое толпой не будет. По определению это – система. Но первое множество, толпа, не будет по определению системой. Теорема Цермело говорит о том, что одно множество – не систему можно превратить в другое множество – систему. Но на этом основании нельзя считать первое множество системой.

Тем не менее, социолог будет рассматривать толпу как такую же систему, как и очередь, невзирая на отсутствие в толпе порядка.

Возьмем другой пример. Телевизор. Он состоит из деталей. И здесь явно существует порядок. Но какой? Не линейный и не частичный. Порядок в каком-то ином смысле, не определяющийся с помощью математики. Порядок здесь проявляется хотя бы в том, что нельзя по произволу переставлять детали. Но возможность перестановки местами выводит нас за рамки системы или же только за рамки определенного типа системы? Например, суп – это система? Но компоненты супа вполне можно и даже нужно перемешивать!

Итак, оказалось, что понятие порядка в его общем виде слишком смутно, слишком неопределенно, чтобы с его помощью можно было бы определять понятие системы. Получается ошибка, которая в традиционной логике имела название «*obscurum per obscurius*» (темное через еще более темное).

Понятие системы, как мы его определили, оказывается проще, чем понятие порядка. Поэтому можно обернуть ситуацию – не понятие системы определять через порядок, а, наоборот, порядок определять через понятие системы. Системное представление объекта и есть та логика, о которой говорил И. Б. Петров в приведенных в конце предыдущего параграфа определениях.

Отождествим порядок в широком смысле этого слова со структурой системы.

Используя системную модель с атрибутивным концептом, получим следующее определение понятия порядка:

$$(tA) \text{ Порядок} = df (tA) \{ ([tA (*a)] t) \}$$

Мы видим из этой формулы, что порядок – это свойство такого объекта tA , который чему-то приписывается в качестве отношения и обладает концептом t . Тот объект, которому приписывается это отношение, будет представлять собой систему в соответствии с определением системы.

Поскольку, как мы уже видели выше, понятие системы относительно, эта относительность передается порядку.

Одно и то же отношение будет порядком для одного концепта t и не будет порядком для другого. В последнем случае можно дать такое определение:

(tA) Хаос = df (tA) { (([tA (*a)]) t) F }

Здесь символ F означает ложность, отсутствие того отношения, которое характеризуется как структура системы.

Рассмотрим с этой точки зрения приведенные выше примеры. Толпа является системой по концепту эмоционального взаимодействия. Поэтому отношение, обладающее этим свойством и реализующееся на достаточно большом множестве людей, будет порядком по отношению к этому концепту. В то же время, по отношению к иному концепту, например, «способствовать решению философских проблем», это отношение не будет порядком.

Отношения между деталями телевизора – порядок, поскольку его наличие обеспечивает реализацию концепта – «функционирование телевизора». И это же отношение не будет порядком по другому концепту, скажем, с точки зрения первобытного человека, ломающего телевизор с целью нахождения в нем говорящего духа.

Если взять в качестве t свойство производить работу, что было вполне естественно для термодинамики, то состояние равновесия должно быть ассоциировано с хаосом, так как, при условии выравнивания температур система никакой работы выполнять не может. Наоборот, в состояниях далеких, от равновесия, система может выполнять работу.

Ст. Бир и Сабелли заменили концепт. У них t – уже не способность совершать работу, а симметричность. По этому концепту равновесные состояния, т.е. состояния с максимальной энтропией, являются образцами порядка, а неравновесные, напротив, связаны с хаосом.

Мы использовали одну системную модель, но могли бы использовать и другую – с реляционным концептом. В таком случае порядок будет представлять собой атрибутивную структуру, т.е. набор свойств, например, таких как антирефлексивность, антисимметричность, транзитивность. Реляционными концептами выступают те связи, которым должны удовлетворять свойства.

В связи с относительностью порядка и хаоса можно вспомнить французского философа П. А. Гольбаха, который еще в XVIII веке писал: «В природе не существует порядка и беспорядка; мы находим порядок во всем том, что сообразно с нашим существом, и беспорядок во всем том, что противоположно ему»⁵⁵.

Здесь необходимы лишь некоторые терминологические уточнения. Вряд ли стоит говорить, что порядка и беспорядка нет в природе. В природе нет абсолютного порядка и беспорядка. Но в природе есть

структуры систем, так же, как в природе есть и скорости. Другой вопрос, что все это относительно. Скорость предполагает систему отсчета. Системное представление – концепт системы. Когда говорят о скорости, физик требует указания системы отсчета. Когда говорят о порядке, политик должен требовать указания концепта той системы, структуру которой образует этот порядок.

Просто «порядка» не существует. Порядок всегда какой-то. И, прежде чем говорить о своем отношении к «порядку» и «хаосу», необходимо выяснить, какой это порядок и какой хаос.

Сказанное определяет и отношение к государству. В зависимости от концепта, т.е. от того, какого порядка мы хотим, государство может олицетворять собой и порядок, и хаос. Либо государства одного типа – порядок, а другого – хаос.

Возьмем в качестве концепта благо народа. Если государство не только не обеспечивает этого концепта, но и мешает ему, оно представляет собой хаос. И из этого хаоса порядок спонтанно не возникает. Порядок в этом случае нужно наводить. Наводить в самом государстве с помощью общества. Демократическое государство можно определить как такое государство, в котором общество навело порядок. Тоталитарное государство наводит свои порядки в обществе.

Глава VI. Материя, идея, сознание. Основные вопросы философии

§1. Материя и форма

Вследствие сложившейся философской традиции часто получалось так, что одним и тем же термином обозначались совершенно разные по сути дела категории. Поскольку слово было одно, разные категории отождествлялись. Каждая из них проявлялась по отношению к своей оппозиции, и в результате объединения этих категорий разные отношения отождествлялись, что приводило к путанице.

Рассмотрим это более детально на примере категории материи – основной категории, святая святых диалектического материализма. И, соответственно, – на примере ее оппозиции. Если мы расцепим эту категорию, т. е. разделим разные категории, скрывающиеся за одной и той же языковой оболочкой, то, соответственно, должны быть различены и категориальные оппозиции.

В одном значении этого термина он противостоял категории формы. Материя противостояла форме. Эта традиция шла от Аристотеля. Другое противопоставление материи – это противопоставление ее сознанию. Но сознание противостоит материи совсем не в том смысле, в котором она противостоит форме. Это две совершенно разные материи, зачастую отождествляемые друг с другом, в результате чего возникает невероятная путаница.

Попытку распутать эту путаницу предпринял один из выдающихся советских философов Эвальд Ильенков незадолго до конца своей жизни⁵⁶. Я думаю, что это – главный вклад в философию, который Эвальд сделал. У нас материя противостояла сознанию. Сознание и понятие идеального отождествлялись. Сознание идеально. Идеальное есть сознание. Ильенков показал в своих посмертных статьях (поскольку эти работы у него при жизни не были опубликованы, они были опубликованы после его смерти, хотя некоторые намеки на это были сделаны в опубликованных работах, в том числе в статье «Идеальное», опубликованной в философской энциклопедии). Как можно попытаться определить идеальное независимо от сознания? В свое время ряд философов выступили против Ильенкова. Дело в том, что если Ильенков признает все остальное, что есть в диамате, то он не должен говорить, что идеальное и сознание – это совершенно разные вещи. А если он

говорит, что это разные вещи, то значит, тем самым он получает такие следствия, которые, возможно, для него нежелательны. Т. е., вся система диамата взрывается оттого, что мы отказываемся от отождествления сознания и идеального. В частности, рушатся банальнейшие вещи, которые задаются студентам на экзаменах, и за которые ставятся двойки, если студенты отвечают не так. Скажем, общеизвестно, что идеализм имеет две формы: субъективный идеализм и объективный идеализм. Но эта фраза становится бессмысленной, поскольку идеалист – это только объективный идеалист. То, что называлось субъективным идеализмом: Беркли, Авенариус, Мах и т. д. – это вовсе никакой не идеализм. Здесь нет подходящего слова. Можно сказать, что это «сознаниевизм» или еще что-нибудь. Это по сути дела, совершенно разные философские направления, и у идеализма типа гегелевского значительно больше общего с так называемым материализмом, в частности с диалектическим материализмом, чем, скажем, у «сознаниевизма».

Теперь можно поставить вопрос иначе. Ну и пусть она взрывается! Но что получится в результате такого взрыва? Получится очень много весьма интересных следствий, в том числе так называемый основной вопрос философии распадается на кучу более мелких, но, может быть, не менее основных вопросов. А в целом такого вопроса нет.

Вернемся назад. Уточним понятие материи. В одном смысле. А потом будем говорить о другом. Та схема, которая характеризует идущее от Аристотеля понимание материи, как противоположности формы, выражает относительность понятия материи. Каждая материя – материя той или иной формы. Так же, как в категориях диамата, идущих, допустим, от Гегеля, каждая форма есть форма определенного содержания, каждое явление есть явление определенной сущности. Т. е. относительность здесь очевидна. И такая же относительность верна для материи. И в этом плане, если говорить о соотношении материи и формы, сознание также может быть материально, сознание может быть материей, потому что на нем реализуется определенная форма. Т. е. материя здесь не обязана быть такой, какой мы ее привыкли понимать. Это те вещи, тот субстрат, на котором что-то реализуется. А на сознании много всего реализуется. Структуры сознания реализуются на фактах сознания. Значит факты сознания – материя по отношению к этим структурам. Сновидение тоже может выступать материей для анализа, скажем, подсознания. Мы анализируем подсознание, используя сновидения. Сновидения в данном случае выступают как материя.

Вся марксистская литература отождествляет понятия сознания и идеального. Если их развести, то возникают очень большие трудности для марксистской философии. Но развести их совершенно необходимо. Хотя бы потому, что, скажем, у Платона идеи были, но эти идеи не есть сознание, это разные вещи. Идеи, эйдос, морфэ – вот термины, используемые Платоном. И это не есть сознание. А Платон рассматривается как родоначальник идеалистической линии. Линии Платона, которая противопоставлялась линии Демокрита. Значит, нужно развести эти понятия. И вот, если мы их разведем, то получим разные категориальные оппозиции. Одна оппозиция: материя – идея, – и вторая оппозиция: материя – сознание.

Это совершенно разные оппозиции. То, что будет материей в противоположность идее, – вовсе не обязательно будет материей в противоположность сознанию. Грубо говоря, материя – противоположность идее (она же морфэ – форма) есть материя в смысле Аристотеля, т. е. материя как противоположность форме; то, из чего состоят вещи, грубо говоря. Значит, если пользоваться триадой «вещь – свойство – отношение», то материя здесь – вещь. Свойства и отношения связаны с категорией формы, т. е. это другие члены категориальной оппозиции. Противоположность материи сознанию совершенно иная. Дальше я остановлюсь на этом более подробно.

Значит, первая оппозиция: материя – форма. Материя – некоторый субстрат формы. Или субстанция, я не вижу большого различия между обоими этими понятиями. Субстрат – несколько более конкретно, а субстанция – несколько более абстрактно. Значит, всякое свойство и отношение должно иметь субстрат, чему-то приписываться. Не может быть свойства и отношения, или, соответственно, – формы (если пользоваться аристотелевским термином) без соответствующего субстрата. Это – материализм. Идеализм заключается в том, что идея (опять подчеркиваю то, что, между прочим, подчеркивает Поппер в книге «Открытое общество и его враги», – что у Платона морфэ, идея и эйдос понимаются как синонимы) существует до и без субстрата, самостоятельно, и может воздействовать на субстрат, она первична по отношению к субстрату – у Платона это совершенно точно сформулировано. Субстрат или вещи – это, по сути дела, некоторые отблески идей, ничего больше. Это – идеализм. Вещи существуют раньше формы и порождают форму – материалистическая точка зрения. Наоборот, форма предшествует субстрату – идеалистическая точка зрения. Кто прав?

Этот вопрос был основным вопросом философии на протяжении целого ряда столетий, которые называются Средними веками. Мы обычно рассматриваем Средние века как некоторый провал в развитии общества, как, в общем, нечто черное, темное. На самом деле это был период довольно быстрого развития и философии, и культуры, и промышленности даже, и т.д.

Исследовали понятийный запас средневекового философа Уильяма Оккама и обнаружили, что число понятий в тезаурусе Оккама превосходит число понятий в тезаурусе Декарта и Гегеля вместе взятых. Это уже говорит об уровне средневековой философии. Так вот, основным вопросом средневековой философии был вопрос борьбы материализма и идеализма в указанном выше смысле слова. Материалистами были номиналисты, которые считали, что существуют вещи, а свойства и отношения или универсалии – это нечто производное, или даже их вообще нет. В основе такой точки зрения лежала позиция Антисфена, греческого философа-киника, который полагал: «Лошадь я вижу, а лошадности – нет». Значит, он видит субстанцию (лошадь), а вот форму лошади (лошадность) он не видит. Аристотель видел лошадность как форму лошади, но считал, что все же лошадность самостоятельно не выступает. Противоположная точка зрения, идущая от Платона, идеалистическая: лошадность существует, она существовала до лошади, и лошадь не что иное, как отображение лошадности, некоторый призрак, т. е. более реальна лошадность, чем отдельная лошадь.

Эта многовековая дискуссия решающего результата не дала. Всем известны основные трудности и парадоксы, которые не могла решить ни та, ни другая сторона. Я напомним о дискуссии вокруг корзины яблок. Реалисты, они же идеалисты, предлагали брать конкретный объект, но так, чтобы он не был яблоком. Ну, естественно, номиналисты этого сделать не могли. В свою очередь, они предлагали брать абстракцию, форму, чтобы она не была этим, этим, этим, т. е. не брать единичных объектов, а брать только общее как таковое (возьмите яблоки, только не это, не это, не это). Возникает трудность, и ни та ни другая сторона не могла решить спор в свою пользу. Ленин, анализируя эту дискуссию, дает компромиссное решение, которое уже выдвигалось, в общем-то, и в Средние века, решение, близкое к умеренному реализму, которого придерживался, кстати, и Фома Аквинский. С этой точки зрения, универсалии существуют реально, но в вещах. Отдельное существует в связи с общим, а общее – в связи с отдельным.

В Новое время эта дискуссия вспыхнула с новой силой, но совершенно на ином материале. Если в Средние века диспутантами были философы по профессии, то в Новое время в основном это были физики.

У них возникла та же самая проблема. Свойства вещей, которые они изучали, приписывались всегда некоторому субстрату. Если теория не указывала на определенный субстрат, она считалась несостоятельной, дефектной. Этот субстрат всегда отыскивался. Скажем, гравитация, некоторое отношение между предметами, между телами. Почему оно существует? Мы должны найти его субстрат, его искали. У Декарта это была заполняющая все пространство материя, эфир, и движения в этой материи обуславливали движение планет. Была гипотеза Лесажа, которая объясняла, каким образом притягиваются тела, исходя из допущения, что все пространство заполнено летящими в разных направлениях гравитонами. И поскольку Луна и Земля экранируют друг друга, то они и притягиваются. А просто допустить взаимодействие, без этого субстрата, было невозможно. Хотя, это и делалось. Взгляды Ньютона были истолкованы как принятие дальнего действия. Но Михаил Ломоносов сказал, и он был совершенно прав исторически, что при жизни Ньютон не был сторонником дальнего действия, а лишь после смерти стал «ее предстателем излишним учеников своих радением». Т.е. в этом виноваты ученики, которые признали существование дальнего действия. Что же такое дальнее действие? Это отношение без субстрата, бессубстратное отношение. Это было приписано Ньютону, возникло целое направление – ньютоновство, которое признавало дальнее действие, т.е. бессубстратное отношение. Это был идеализм. Дальше развитие физики связано было с изучением электромагнитных взаимодействий. Известны уравнения Максвелла, которые описывают эти взаимодействия. Максвелл как материалист полагал, что все понятия, которые он вводит, и которые затем были отображены в векторном исчислении в виде понятий: ротор, дивергенция и т.д. – отображают реальные процессы в эфире, который полностью все заполняет. Он стал, таким образом, на материалистическую точку зрения. Потом стали искать этот эфир. Были поставлены известные опыты, в том числе знаменитые опыты Майкельсона – Морли, анализ которых привел, в конце концов, Эйнштейна к потрясающему выводу: а никакого эфира и вовсе нет. То есть Эйнштейн здесь свихнулся в идеализм и его противники совершенно правильно критиковали его за этот идеализм. Особенно в Советском Союзе, вот такие как академик Миткевич, у него интереснейшая в этом плане брошюра «Основные

физические воззрения», где он противопоставляет материалистическую точку зрения идеализму именно в этом плане. Вопрос ставился так: близкое действие или дальнее действие, всегда есть у отношений и свойств субстрат, или можно допустить бессубстратные отношения?

Дальше можно сказать о современной физике. Оствальд ставит вопрос так: природа не обязана состоять из подлежащего и сказуемого. Имеется в виду подлежащее и сказуемое в логике, подлежащее – вещь (как у Аристотеля), а сказуемое – свойства и отношения. В природе это не обязательно должно быть так, как в логике. Это подхвачено и другими, скажем, Гейзенбергом, который прямо ссылается на Оствальда. Значит, можно сказать, что в физике победил идеализм. Если в Средние века вопрос еще был неясен, то в современной физике это совершенно отчетливо. Значит, существуют поля, а поля не есть какой-то предмет материальный, какой-то субстрат, потому что это не что иное, как просто набор отношений. Конечно, Эйнштейн говорит, что поле столь же реально как стул, на котором сидит физик. Однако и стул можно представить как набор отношений, без определенного субстрата.

Далее. Математика. Опять-таки, очень острая борьба между материализмом и идеализмом в этом плане. Здесь также, как и в средние века, вопрос не совсем ясен, и скорее даже материализм побеждает, хотя математика очень абстрактная наука, и Ленин страшно боялся проникновения математики в физику. Потому что она туда идеализм тянет. На самом деле это сугубо материалистическая наука. Это показала дискуссия о переменном числе. Существует ли число как таковое, которое может быть переменным? Большинство математиков говорят, что нет. Есть «5», «7», «8», «25». А что значит число как таковое? Оно что, четное? Или нечетное? Нельзя ничего этого сказать. Значит, нет этого. Вот такое направление распространено в математике. Многие математики, занимающиеся логикой, обосновывают теоретически номинализм (материализм). Ну, например, такие как Клайн, как Нельсон Гудмен и т.д.

Итак, мы видим, «про» и «контра» есть. Естественно, можно спросить, какова точка зрения автора? Это третья точка зрения. Значит, есть идеалистическая, есть материалистическая и есть третья линия, против которой все время боролся Ильич. Она заключается в том, что вообще этот вопрос может решиться по линии снятия этой противоположности, т.е. по линии релятивизации этих понятий. Для одного идея, для другого материя. То есть эти понятия относительны. Это выражается очень четко в известной книге «Вещи, свойства и отношения», где говорится, что отношение и свойство сами могут быть рассмотрены как вещь, а вещь

представляет собой свойство или отношение. Причем вот этот релятивизм подтверждается такой наукой, как, скажем, кибернетика. Здесь можно в качестве аргумента привести идею Н.Винера о том, что человека можно разложить на сумму отношений, а уж это, несомненно, вроде бы вещь и отправить на звезду Бетельгейзе или на какую-нибудь другую звезду, куда очень трудно везти тело. А что такое человек? Это не только вот эти молекулы, которые существуют. Их можно оставить на Земле, передать информацию на звезду Бетельгейзе и там из подручного материала, там тоже есть какие-то молекулы, – по этой информации собрать человека. Это возможно потому, что, как пишет Н.Винер: «Мы представляем собой не вещество, которое сохраняется, а форму строения, которая увековечивает себя»⁵⁷. И там, на Бетельгейзе, возникнет, скажем, Авенир Иванович Уемов, а здесь он исчезнет, потому что, когда будут разбирать меня на электроны и прочее, я уже перестану существовать. А в новом месте возникну, с тем же сознанием; эту информацию там, соответственно, реализуют на подручном материале.

Существенно то, что я восстановлюсь на Бетельгейзе именно в качестве системы согласно нашему определению. Последовательность дескрипторов должна быть такой. Прежде всего, определяется концепт, который в данном случае будет атрибутивным. Это – свойство тождественности с теми отношениями, которые были во мне на Земле. Далее, на основе информации, полученной с Земли, на Бетельгейзе воссоздается реляционная структура. И, наконец, берется материя – вещество, которое упорядочивается в соответствии с реляционной структурой. Мы получаем схему определения системы:

$$(m)S =_{df} ([R_s (*m)]) P_c$$

Отметим, что именно такое определение системы лежит в основе знаменитого аристотелевского учения о четырех причинах. Вот как это учение излагается самим Аристотелем: «В одном значении причиной называется то, «из чего», как внутренне ему присущего, возникает что-нибудь, например, медь – причина этой статуи или серебро – этой чаши, и их роды. В другом значении [причиной будут] форма и образец – а это есть определение сути бытия – и их роды (например, для октавы отношение двух к единице и вообще число), а также составные части определения. Далее, [причиной называется то] откуда первое начало изменения или покоя: например, давший совет есть причина, для ребенка причина – отец, и, вообще, производящее – причина производимого и изменяющее – изменяемого. Наконец, [причина] как цель, т. е. «ради чего»; например, [причина] прогулки – здоровье. Почему

он гуляет? Мы скажем: «чтобы быть здоровым, и сказав так, полагаем, что указали причину»⁵⁸.

Здесь перечислены 4 причины. В порядке их изложения они получили такие названия: материальная, формальная, действующая, целевая. Нетрудно заметить, что три из них соответствуют системным дескрипторам. Концепту соответствует целевая причина. Правда, концепт – это не обязательно цель в ее узком, антропоморфном понимании. Но Аристотель понимает цель в широком смысле, распространяя ее в своей телеологии (учение о целенаправленности) на всю природу «...эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее»⁵⁹.

Людвиг фон Берталанфи относит телеологию к тем направлениям, «за которыми в механистической науке закрепилось представление как о ненаучных или метафизических, ныне получили полные права гражданства и рассматриваются как чрезвычайно важные средства научного анализа»⁶⁰.

Во всяком случае, концепт можно понимать как некоторое обобщение целевой причины.

Отличие нашего определения понятия системы от вышеприведенного перечня причин Аристотеля заключается, в частности, в том, что у Аристотеля формальная причина следует за материальной, в то время как в нашей модели весьма существенно то, что структура предшествует субстрату. Однако, в более позднем перечне причин у Аристотеля материальная причина идет вслед за формальной, занимая второе место⁶¹. Остается еще одно несоответствие. У нас три дескриптора первого порядка, а у Аристотеля – 4 причины. В формальной модели нет дескриптора, соответствующего действующей причине. И это, по-видимому, – дефект формальной модели. В нее можно ввести соответствующий дескриптор. Обозначим его символом E (первая буква латинского слова *Efficiens*, что означает «действующий»). Действующая причина есть то, что производит систему из заданного набора ее дескрипторов. Можно записать следующую формулу:

$$E (*P_c, R_s, m) =_{df} ([R_s (*m)]) P_c$$

Понятие системы, как оно было нами определено, имеет то философское значение, что в нем выражен взаимопереход материального и идеального. Так, структура системы является субстратом, т. е. материей, по отношению к концепту и, вместе с тем, это форма, т. е. идеальное по отношению к своему субстрату, своей

материи. Таким образом, в понятии системы находит свое воплощение то единство материального и идеального, которое, с нашей точки зрения, является перспективным направлением в решении одного из основных вопросов философии.

§2. Сознание

Другой основной вопрос философии связан с отношением между материей и сознанием. Что же такое сознание?

Обычно ответ на такого рода вопросы дается в словарях и энциклопедиях. Заглянем в некоторые из них.

«Сознание – свойственный человеку способ отношения к миру через социально выработанную систему знаний, закрепленных в языке, во всех его смыслах и значениях; наивысшая форма отражения материи»⁶².

«Сознание – одно из основных понятий философии, психологии и социологии, обозначающее высший уровень психической активности человека как социального существа»⁶³.

«Сознание – высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и к самому себе»⁶⁴.

Теперь попытаемся применить эти определения к конкретным фактам. Вы у зубного врача. Зубная боль сначала не осознается, но потом вы ее осознали и даже очень. Является ли этот факт фактом сознания? Для ответа на этот вопрос вам нужно решить, есть ли здесь социально выработанная система знаний, является ли боль наивысшей формой отражения материи? (первое определение); находитесь ли вы на высшем уровне психической активности как социальное существо? (второе определение), свойственна ли боль только человеку? (третье определение).

Ответ на эти вопросы, по-видимому, будет отрицательным. Вы вынуждены будете сделать вывод о том, что осознаваемая вами боль – вовсе не факт сознания. Но – боль прошла. Вы захотели есть. И осознали тот факт, что вы хотите есть. Опять заглянули в словари. Боюсь, что и на этот раз у вас не будет факта сознания. Съели яблоко. Оно оказалось сладким. Но и ощущение сладости, согласно нашим определениям, не будет относиться к сознанию. Не только ощущения, но и восприятия, и представления. Наконец, рассердившись на определения вы сделали вывод о том, что ими пользоваться нельзя. А вот этот вывод и будет фактом сознания! По-видимому, такой вывод

относится к наивысшей форме отражения материи, это – высший уровень психической активности, и он свойственен лишь человеку!

Но в заключение я бы посоветовал заглянуть в еще один словарь. Это – дореволюционный философский словарь Э. Л. Радлова. Здесь написано, что «сознание (и самосознание) есть высшее понятие, принцип психологии, посему оно не может быть определено, а лишь описано, и не может быть выведено из других понятий, как, например, движение, как это пытается сделать материалистическая психология»⁶⁵.

И вот это верно. Поэтому мы и не будем пытаться определить сознание. Будем исходить из того, что каждому ясно, что такое сознание. Все-таки сознание – исходная вещь. Нам оно ближе всего. Что такое боль? Факт сознания. Любовь, страх, желание, мысль – факты сознания. Мы не можем это определить, потому что имеем дело с самым первичным. В. И. Ленин сердится в «Материализме и эмпириокритицизме», когда кто-то говорит подобным образом – что сознание непосредственно дано. Нет, говорит он, материя дана, а сознание мы должны как-то определить. Ну, это, конечно, неверно, это явная передержка, потому что все-таки нам дано непосредственно сознание, и о материи мы знаем через сознание, через наши ощущения, не иначе мы можем знать о материи. О боли может спрашивать лишь человек, никогда не испытывавший боли, это законный вопрос: что такое боль? Бывают такие люди, которые не испытывали боли, они лишены такой способности. Можно попытаться объяснить им, что это такое, но это сделать чрезвычайно трудно. Маленький мальчик может поставить вопрос: а что такое любовь? Он не испытал такого чувства, и трудно ему будет объяснить. Значит, нужно сказать: подожди, вырастешь, почувствуешь, увидишь, узнаешь сам. Это основной способ объяснения фактов сознания: попадешь в какую-нибудь ситуацию – тогда будет ясно, что такое боль и прочее.

Более законные вопросы такие: какими свойствами обладает сознание? Что можно о нем сказать? И что является причиной сознания? Почему возникает то или иное сознание? Вот это разумные вопросы, и мы на них будем останавливаться. Свойства сознания тоже давно изучались. Начиная с Древней Индии. И там также определяли свойства параметрические и обыкновенные, не системно-параметрические.

Например, индийский философ Канада, один из основателей школы вайшешика, аналог Демокрита, поскольку он, так же как Демокрит, придумал атомы, причем не совсем ясно, кто первый. Возможно, что Канада, поскольку Индия имела более древнюю философскую традицию. Так, сознание дискретно. Это первая характеристика

сознания. Дискретно, расчлененно. Это потому, что сознание распределяется между разными людьми. У меня одно сознание, у Вас другое сознание. Значит, имеют место определенные дискретные элементы сознания, распределенные между разными людьми.

Далее, оно неоднородно. Еще – непротяженно. Оно, таким образом, не существует в пространстве, хотя временные характеристики к нему применимы.

Еще одно свойство сознания, которое особенно подчеркивалось такими философами как Brentano и Husserl, это его «интенциональность». Интенциональность – это тот факт, что сознание направлено на нечто внешнее самому себе. Допустим, у меня в сознании некоторый образ, это мои ощущения, но они направлены на внешний мир, т. е. мне представляется, что эти ощущения не во мне, а как бы передо мной. Я смотрю на стол, и стол представляется существующим помимо моего сознания, хотя это факт сознания. Вот такая любопытная характеристика сознания.

Мы говорили об индивидуальном сознании каждого отдельного человека. Возникает вопрос: можно ли объединить все такие сознания в виде некоторой системы? Да, можно, – по схеме с атрибутивным концептом. В качестве такого концепта следует взять идею схождения P_c . Сходными должны быть отношения (реляционная структура – R_s) существующие между отдельными индивидуальными сознаниями – m . Имеем: $([R_s(*m)])P_c$.

Реляционная структура – это аналогии между индивидуальными сознаниями. Согласно Б. Расселу, такая аналогия – один из важнейших постулатов познания. Он говорит: «Мы убеждены, что другие люди имеют мысли и чувства качественно очень сходные с нашими собственными»⁶⁶. Аналогия проводится, в конце концов, с моим сознанием. Я вижу, что Вы ведете себя вроде бы так, как и я, я тоже иногда сажусь за стол, пишу. Я вижу, что и Вы так делаете. И смотрите так сосредоточенно. И я тоже, вот я могу посмотреть в зеркало. И я подозреваю, что у Вас такие же мысли, как и у меня. Значит, объединяющим фактором здесь является не превращение, а аналогия этих сознаний.

Теперь рассмотрим другой вопрос. Охватывает ли сознание всю психическую жизнь человека? Долгое время казалось, что это так. С именем австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856 – 1939) связано обоснование положения о том, что психическая деятельность в значительной мере бессознательна. Сознание – это лишь

«поверхностный слой душевного аппарата»⁶⁷. Разум и рассудительность олицетворяются в том, что Фрейд называет «Я». Но Я – это только часть иной сущности, в которой господствуют бессознательные влечения. Это – «Оно». Сфера бессознательного настолько широка, что охватывает даже интеллектуальную деятельность, о чем свидетельствуют открытия, сделанные во сне.

От Я отделяется новая сущность – «Сверх-Я», это некоторый идеал, соответствующий всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. Сверх-Я осуществляет в качестве совести моральную цензуру. Так, если в Я развивается Эдипов комплекс – стремление убить отца, то под воздействием моральной цензуры этот комплекс вытесняется в Оно, т. е. в сферу бессознательного. Это проявляется в виде неврозов. Их лечение связано с осознанием этого комплекса под руководством психоаналитика. Именно успех психоанализа в лечении неврозов заставил многих признать учение Фрейда. Тем не менее, в течение полувека, с 30-х годов по 80-е, это учение в нашей стране было под запретом.

До сих пор мы говорили о сознании отдельных людей – индивидуальном сознании. Но есть еще общественное сознание. Это – классовое сознание, национальное сознание.

Известный швейцарский психиатр Юнг, бывший сотрудник, а затем противник Фрейда, разработал учение о коллективном бессознательном. Он обнаружил, что во снах и бредовых фантазиях есть известное сходство с мифологией, характеризующей прошлое данного коллектива. Это он расценил, как проявление надиндивидуальной душевной деятельности, как коллективное бессознательное. Такой коллектив может распространяться на все человечество и, мало того, – на все живое⁶⁸.

Человек не осознает то, что у него является коллективным бессознательным. Ну, а если этот коллектив будет иметь сознание, член этого коллектива будет это сознавать? Клетка моего организма осознает то, что этот организм имеет сознание? Разумеется, нет. Она, надо полагать, сознания не имеет и занята лишь выполнением полагающейся ей функции.

Так вот, возникает вопрос, у коллективов может быть аналогия с моим сознанием или нет? Если есть, тогда, возможно, классы, или нации, или человечество в целом, может быть, имеют такое же сознание, как и у меня, или похожее, т. е. им то же, может быть больно, им то же может быть весело – классам, нациям, и т.д.? Может быть, они чего-то боятся, такой коллективный страх у них, у этих наций? Потом беситься

начинают, бросаются друг на друга, классы или нации – так же, как вот люди друг на друга бросаются, или нет? Вот это чрезвычайно интересный вопрос. До сих пор в ортодоксальном марксизме так не думали. Общественное сознание понималось в переносном смысле, это – совокупность индивидуальных сознаний и ничего больше. За исключением Юнга, который говорил о коллективном бессознательном, которое вовсе не просто усредненная характеристика общества. Можно привести много примеров, которые показывают, что такая аналогия действительно имеет место, что классы, нации, биологические виды животных ведут себя как разумные существа, в какой-то мере. Ну, например, как регулируется численность той или иной популяции? Если волки уже слишком будут досаждают, как отвечают олени? Они начинают рожать двойни, тройни. У них не появляется клыков, зубов, чтобы разорвать этого волка, все-таки олень не может это сделать, но родить двойню может, и рождает. Значит, численность таким образом как-то стабилизируется.

Можно допустить, что популяция оленей в каком-то смысле мыслит. Так же, как популяция мыслит, допустим, у муравьев. Мыслит муравейник в целом, причем животное, оторванное от кол лектива, гибнет, так же, как гибнет рука, отделенная от тела. И пчела так же, вне популяции ничто. Оленей помещали на необитаемый остров, обеспечивали всем: сеном, водой и т.д. – полное изобилие и никаких тебе волков. Олени с радостью начинают размножаться, но потом их оказывается столько на этом острове, что возникает опасность гибели всех. Любая инфекция, и все будут уничтожены. И тогда олени начинают умирать сами, безо всего, без всяких инфекций, просто гибнут от перенаселения. Рассмотрим Человечество. Происходит перенаселение. Есть способы борьбы против перенаселения – войны, болезни, голод. Очень эффективная мера против чрезмерного роста населения – гомосексуализм, он развивался пышным цветом в Древней Греции. Другой способ – захват колоний. Но он не очень надежен. В настоящее время – тоже угроза перенаселения, демографический взрыв. Старые способы его регулирования мы подавили. Например, в Индии, Китае демографический взрыв регулировался голодом. А сейчас этого нет.

Дальше, сознание еще каким может быть? Еще, кроме человеческого? Мир в целом. Можно его рассматривать по аналогии с отдельным человеком? Говорят: человек микрокосм, а тогда если повернуть это дело, то космос – это макрочеловек? Так получается.

Тогда, если мы, разумные существа, имеем сознание, то и космос – разумное существо и имеет сознание. Чье сознание? Сознание Бога. Как

бы ни называли его там – Кришна, Иегова, и т.д. – это безразлично, или, может быть, это даже имперсональный Бог, который не есть личность. Скажем, Бог может представлять собой мыслящее отношение. Фома Аквинский доказывал, что Бог – это отношение. И его не сожгли на костре, ничего, наоборот, он основоположник томизма, святой, пользуется колоссальным авторитетом. Относительно сознания сказано пока достаточно.

§3. Материя

Теперь рассмотрим понятие материи как противоположности сознанию. Именно в этом смысле, т. е. как противоположность сознанию определяет материю П. Гольбах: «...по отношению к нам материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства»⁶⁹.

Спустя примерно 150 лет это определение будет повторено В. И. Лениным, и с тех пор оно назовется ленинским. Он пишет, что понятие материи «не означает гносеологически ничего иного, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого познания и отображаемая им»⁷⁰.

Мы видим, что отношение материи к сознанию совсем не то, что отношение материи к форме (идее). Не существует бесформенной материи, но вполне может быть материя, лишенная сознания. Это просто разные материи. Обозначим материю как противоположность форме (идее) символом M_1 , а материю как противоположность сознанию – символом M_2 .

Гольбах строит системное представление материи в смысле M_2 , причем с реляционным концептом. В качестве такого концепта берется отношение материи к сознанию, отношение воздействия. На основе этого концепта строится атрибутивная структура – набор свойств, удовлетворяющих этому концепту. «... Мы отличаем друг от друга их различные вещества по действиям или изменениям, которые они вызывают в наших чувствах, т. е. по различным движениям, порождаемым их присутствием в нас. Таким образом, мы находим у них протяжение, подвижность, делимость, твердость, тяжесть, силу инерции. Из этих общих и первичных свойств вытекают другие, как плотность, фигура, цвет, вес и т.д.»

Все эти свойства, или атрибуты, присущи материальным телам, которые все вместе и образуют материю как субстанцию. Рассуждение Гольбаха соответствует схеме:

$$(m) M = {}_{df}R_c([(m^*) P_s]), \text{ здесь } M - \text{ обозначение материи.}$$

Другое системное представление материи, имеющее место в работе Гольбаха – с атрибутивным концептом.

$$(m) M = {}_{df}([R_s(*m)]) P_c$$

P_c – атрибутивный концепт в этой схеме – требование единства.

Мы должны под это требование подобрать некоторое отношение R_s , которое дало бы нам единую материю. Должна быть сформирована материя в некотором глобальном смысле. Какое отношение может быть в этом случае взято? Таким отношением является отношение взаимоперехода. В материю объединяется все то, что переходит друг в друга. Вот как это формулирует Гольбах: «В том, что физики назвали тремя царствами природы, происходит через посредство движения: перемещение, обмен, непрерывная циркуляция молекул вещества. Природа нуждается в каком-нибудь месте в тех молекулах, которые она на время поместила в другом месте. Молекулы эти, составлявшие одно время благодаря особым сочетаниям существа, наделенные определенными сущностями, свойствами, способами действия, затем более или менее легко разлетаются или разделяются, и комбинируясь новым способом образуют новые существа»⁷¹. Вот что он считал характерным для материи. Естественно, все то, что будет вовлечено в этот круговорот превращений, будет называться материей.

То же, что не вовлекается в этот круговорот, например, сознание, материей не будет. Материя, таким образом, существует вне сознания.

Какими же свойствами обладает материя? Перечень этих свойств мы уже приводили. Далее к ним Гольбах добавляет еще одно: непроницаемость.

Дени Дидро настаивает на том, что «материя разнородна, существует бесконечное разнообразие элементов природы»⁷². Добавим к перечням Гольбаха и это свойство.

Часть из этих свойств являются значениями атрибутивных системных параметров. Часть – нет.

Для того, чтобы определить твердость, нам не нужно системное представление. Для того, чтобы определить протяжение, тоже оно не нужно, хотя это чрезвычайно важное свойство. Но для того, чтобы определить делимость, нам необходимо системное представление. Это одно из значений системного параметра. В параметрической ОТС это – расчлененная система. Системы могут быть расчлененными и нерасчлененными. Материя – система расчлененная, она обладает свойством делимости. Мы указываем значение системного параметра, который характеризует материю. Дальше. То, на чем настаивает Дидро: материя неоднородна. Опять значение системного параметра: однородность – неоднородность; может быть два значения. Материя обладает одним из них. Далее, значением системного параметра будет и непроницаемость: две разные материальные частицы не могут занимать одно место. Сопоставим свойства материи и свойства сознания. Большинство свойств материи противоположно свойствам сознания. Материя протяжена в пространстве, сознание непротяженно. Материя перемещается в пространстве – она подвижна. Сознание, не занимая места в пространстве, лишено этого свойства; материя обладает твердостью, сознание – нет. То же можно сказать о тяжести и силе инерции. К сознанию это неприменимо, равно как и плотность, цвет, вес и т.д.

Однако делимостью и неоднородностью в равной мере обладают и материя, и сознание. А это – значения атрибутивных системных параметров. То же можно сказать и о непроницаемости, и об обладании формой. Если то и другое понимать в чисто пространственном смысле, как, возможно, понимал это Гольбах, то данные свойства присущи только материи. Но если непроницаемость понята как значение атрибутивного системного параметра, а форма – как системный дескриптор – структура, то то и другое в равной мере присуще сознанию и материи.

Два разных факта сознания не могут совпадать друг с другом. В любой момент мы можем думать о чем-то одном, а не о двух вещах сразу. Сознание имеет структуру, как и материя. Итак, теоретико-системные характеристики материи и сознания, во всяком случае, те, которые отмечены Гольбахом, одинаковы. Те свойства, по которым имеет место противоположность свойств материи и сознания, не имеют теоретико-системного характера.

На рубеже XX в. физика отвергла некоторые, но далеко не все из свойств, которые Гольбах считал атрибутами материи. Стали говорить об исчезновении материи. Возник так называемый «кризис в физике». В.

И. Ленин вместо того, чтобы конкретно выяснить, какие именно атрибуты отвергнуты, резко сузил сферу философского анализа, оставив за философией лишь то, что мы выше отнесли к реляционному концепту в определении материи как системы. Вся структура была отнесена к сфере физики: «Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к физическому миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира»⁷³.

В условиях господства догматизма эта фраза сыграла положительную роль, обеспечив физикам свободу исследований, оградив от невежественного вмешательства философов.

§4. Отношение сознания к материи

Следующий вопрос – о причине сознания. Можно ли сознание объяснить чем-то? Чем-то, что, вообще говоря, вне этого сознания? Существует несколько разных точек зрения.

Первая точка зрения. Никакой причины нет и не надо. Не надо искать никакой субстанции под сознанием. Сознание существует само по себе. Оно является причиной самого себя – *causa sui*. Этот спинозовский термин Энгельс понимает как характеристику материи; он писал, что спинозовское *causa sui* прекрасно выражает взаимодействие, опять-таки, в материальном плане. Но оно столь же прекрасно выражает свойства сознания, сознание – причина самого себя. Примерно в таком плане рассуждал Беркли, вернее, хотел рассуждать, но не мог, будучи скован своим социальным положением. Он был епископом. И как-то должен был свою философскую совесть коррелировать с религиозной. Но, по сути дела, у него получается так, что сознание может существовать само по себе. Хотя он и ссылается все время на Бога. А дальше уже вот эта публика, эмпириокритики: Авенариус, Мах, Оствальд и т.д. – будучи в частной жизни, возможно, верующими, в философию Бога не пускали. Сознание существует само по себе.

Вторая точка зрения связана с наличием определенного посредника между сознанием и материей. Ищется что-то третье. Это третье называется душой. Непосредственно душа – субстрат сознания. Душа мыслит, не материя в целом, а именно душа. А дальше разные точки зрения по-разному определяют отношение души и материи. Какие? Вот

Демокрит: «Душа – это вид материи», это такая же материя как и, скажем, стол, но разница в том, что атомы души очень мелкие, кругленькие, они находятся в порах между большими, солидными атомами тел. Но рано или поздно душе, может быть, надоест находиться в теле, и она улетучивается из этого тела, поднимается и летит. Вот вам материализм. Ленин говорит, что материализм – это линия Демокрита, в противоположность идеализму, который есть линия Платона. Значит, это уже образцовый материализм. И вот, образцовый материализм принимает душу, отделимую от тела. Ленина это не смущает. А может, он недостаточно вник в этот вопрос. Демокрит на самом деле был для него не вполне раскрыт. Значит, эта точка зрения рассматривает душу как вид материи.

В таком же духе развиваются некоторые направления индийской философии, в частности, те, из которых исходят наши одесские кришнаиты. Прабхупада, духовный отец современного кришнаитства, в своей книге «Наука самоосознания» пишет, что душа меньше точки, значит, он все же принимает пространственную характеристику. Душа страшно маленькая, она величиной с атом⁷⁴. Но она занимает некоторый объем и имеет, таким образом, некую торую массу. Это дает ей возможность переселяться из одного тела в другое. Так же, как и демокритовская душа. Но разница в том, что она сосредоточена в одной точке. У Демокрита она «размазана» по пространству, а здесь – одна точка. Поэтому ей легко переходить из одного тела в другое. Она пожила в одном теле, износилось тело, стало неудобно, она выскочила – человек умер. Она нашла подходящую девушку, внедрилась в нее с помощью мужчины и вышла из нее в виде молодого человека, беби. Это вам известно, хотя бы по знаменитой песне Высоцкого «Хорошую религию придумали индусы». Для самих индусов это ужасно. Им надоело так много жить. И они думают, как себя вести на этом свете, чтобы снова уже не родиться. Прекратить вот эту бесконечную последовательность рождений и смертей.

Третья точка зрения. В Индии это направление Вайшешика. Философ Канада. Он, как и Демокрит, открыл атомы. Но в понимании души отличается от Демокрита. Канада рассматривает понятие субстанции, не материи, а субстанции, и вот, субстанции бывают разные. Материя – это только одна из субстанций. А кроме того существуют и другие субстанции. Так вот, другая субстанция определяет душу. «Душа – это вечная и всепроникающая субстанция, являющаяся субстратом явления сознания. Существуют двоякого рода души. Индивидуальная – дживатма. И верховная – параматма. Последняя едина и считается

творцом Вселенной. Индивидуальная душа внутренне-духовно воспринимается как обладающая некоторыми качествами. Когда, например, говорят: «Я счастлив», «Я сожалею» и т.д. Индивидуальное Я, будучи различным в различных телах, не есть нечто единое»⁷⁵.

В европейской философии схожие взгляды представлены Декартом. Он выделил две субстанции: материальную и духовную. Есть тело, и есть душа. Душа непосредственно ответственна за сознание. Душа где-то находится. У него тут, правда, путаница большая. С одной стороны, он решительно заявляет, что душа вроде бы и непротяженна, а с другой стороны, надо ее поместить в материю куда-то. Куда? В шишковидную железу. Как же непротяженную можно поместить в шишковидную железу? Над этим после издевались, критиковали Декарта. Потом – появление Спинозы, у которого таких нелепостей уже не было. Для души как субстанции, в противоположность материи, Декарт принимает неделимость (опять значение системного параметра), нерасчлененность. Душа неделима по Декарту.

«Душа» по-древнегречески – «псюхе». Отсюда – «психика» как общий термин для всякого функционирования души. В психику входит не только сознание. Может быть и бессознательная психическая жизнь. Воля иногда включается в сознание, поскольку она осознается, но иногда она выделяется из сознания и даже противопоставляется ему (А. Шопенгауэр). В качестве синонима сознания используется также термин «Дух», хотя этот термин, например у неоплатоников, может иметь и другое значение.

Четвертая точка зрения. Аристотелевская. Душа – это не особая субстанция, не особая материя. Это – форма тела, т. е. форма материи. Значит, душа не может жить вне материи. Душа живет вместе с материей, и она зависит от материи, потому что форма в какой-то мере зависит от материи. Но определяющую роль все же играет форма. Здесь – примат формы над материей. Хотя обратная зависимость есть. Так вот, аристотелевская точка зрения и является в настоящее время общепринятой. То есть, когда мы говорим о современной точке зрения, мы фактически имеем в виду аристотелевскую точку зрения. Существуют разные варианты аристотелевской точки зрения. Один – христианско-религиозный, а другой – научный.

Есть упрощенное представление о христианском понимании души. Душа отделяется от тела и тут же направляется в рай или ад. Но вот другой взгляд – протестантского проповедника. В свое время мы слушали лекции пастора Гили, и пастор Гили обескуражил аудиторию, когда он сказал: «Не думайте, что после смерти Вы сразу попадете в

рай, или куда-то в другое теплое местечко. Вы должны быть похоронены, и похоронена душа тоже, вместе с телом, и полежать в могиле. И вот, когда будет второе пришествие, тогда мертвые восстанут из могил вместе с телом». Душа вместе с телом. Это аристотелевская точка зрения. И она же – в науке. Скажем так, современный ученый не считает душу отдельной какой-то субстанцией. Он не копается в мозгу или где-то еще в поисках души. Душа – это структура мозга, в частности, спинного мозга и т.д. и т.п. Это структура, строение, форма. Нарушено это строение – все, у Вас психическая болезнь. Не нарушена – соответственно, Вы здоровы. И диалектический материализм считает сознание – высшим продуктом материи. Что это такое? Это значит, материя развивается, в процессе развития появляются новые мощные структуры, структуры, в частности, головного мозга, и свойством этих структур является сознание.

Пятая точка зрения. Это точка зрения вульгарного материализма. Нет никакой души. А есть отдельная материя, и все. Мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Такая фраза есть у Кабаниса, французского философа XVIII века. С этой точки зрения, в принципе, мысль можно взвешивать, она имеет какой-то объем. Это материя, материальное явление, оно так же отличается от остальных, как, например, теплопроводность – тоже материальное явление. Одно из материальных явлений. Такая точка зрения давно существовала и продолжает существовать в настоящее время.

Шестая точка зрения. Это ортодоксальная позиция диалектического материализма: сознание вторично, производно от материи. Она близка аристотелевской концепции, в которой душа – форма тела. Но душа здесь не является непосредственным носителем сознания. Ее место занимает материальный орган – мозг. Но мозг с этой точки зрения не выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Мысль и сознание вообще – нематериальны.

Какие же аргументы выдвигаются в пользу той или иной точки зрения? Рассмотрим вначале аргументы в пользу диалектико-материалистической позиции. В. И. Ленин обосновывает ее тремя аргументами.

Сознание порождается мозгом, а мозг – это нечто материальное, т. е. существующее помимо сознания, а сознание – продукт этого мозга.

Сознание появилось после того, как возникла материя. Материя существует, по-видимому, всегда, а сознание появляется на каком-то моменте развития этой материи.

И третий аргумент: если мы этого не признаем, то станем на солипсистские позиции, на позиции солипсизма, т. е. будем считать, что существует лишь одно я, и больше ничего нет.

Как оценить эти аргументы?

Первый. Сознание – функция мозга. Это аргумент, конечно, серьезный в пользу этой точки зрения. Но данные последующего периода, и мало того, данные предыдущего периода, когда этот вопрос обсуждался, когда факты эти приводились, свидетельствуют о том, что это далеко не столь очевидно. Был такой случай. В Америке рабочему во время взрыва ломом пробило голову. И он, несмотря на разрушение мозга, сознание не утратил и жил после этого двенадцать с половиною лет⁷⁶. Правда, сознание его изменилось – он стал непочтителен, часто ругался, не слушался советов других, если они противоречили его желаниям.

Крупнейший ученый Луи Пастер в период интенсивнейшей умственной деятельности, когда он нашел предохранительную прививку от бешенства, имел органическое повреждение мозга⁷⁷.

Один из самых маленьких мозгов был у Иммануила Канта. Ну, правда, это можно как-то объяснить. С помощью соответствующих гипотез *ad hoc* (специально придуманных для объяснения этого случая). В первом случае все же какая-то часть мозга была, и она взяла на себя функции другой части. А затем открыли роль полушарий, левого и правого, и говорят, что одна часть мозга ответственна за одну часть функций, другая – за другую, но в случае необходимости они берут функции друг друга. Дальше, качество мозга зависит не от объема, а от числа извилин. В общем, каким-то образом это все спасает положение о мозге как органе сознания.

Далее, второй аргумент – эволюционная теория. Мозг развился, и человек появился со своим сознанием в результате развития материи. Но в последнее время возникает очень много сомнений в связи с этой теорией. Некоторые факты не допускают естественного объяснения. Например, в очень многих случаях не найдены промежуточные формы, которые нельзя отнести ни к одному, ни к другому виду. Например, ископаемые останки наших предков – это всегда либо человек, либо обезьяна, а не что-то среднее. Это является в настоящее время предметом дискуссии. С чисто логической точки зрения нет противоречия в такой гипотезе: мир создан с начала, скажем, нашей лекции, 20 минут тому назад. И опровергнуть Вы это не можете. Потому что мир создан вместе с Вашим сознанием. Вот то, о чем Вы сейчас думаете, вот это и создано 20 минут назад. Это Вам кажется, что Вы

жили давно, т. е. год тому назад жили и прочее. Да ничего такого не было, Вам так представляется. Этот вопрос, опять-таки, далеко не такой простой.

Так же как и вопрос о солипсизме. Бертран Рассел приводит аргумент, как мне кажется, гораздо более серьезный, чем то, что говорит Ленин, против солипсизма. Это аргумент следующего характера, (что еще раз характеризует англичан как торговую нацию): Вы продали стол, стол есть комплекс ощущений, Ваших ощущений, Вы за ним сидели. Значит ли это, что Вы продали мне свои ощущения? Последовательный солипсист не может сказать ни так, ни эдак. Ну, если он скажет – нет, я не продал свои ощущения Вам, значит, он Вас все-таки признает, говорит, что у него ощущения какие-то существовали, а Вы отличны от его ощущений. И как он может продать Вам свои ощущения, это в общем-то, со всем непонятно. С другой стороны то же самое, потому что в обоих случаях он должен признать существование некоторого объекта, а именно – Вас – помимо своего сознания. (Проблемы философии. – С.-Пб. – 1914 г. – с.16).

Значит, солипсизм непоследователен, логически непоследователен. Но защитники такой точки зрения, опять-таки, могут сказать: А зачем логическая последовательность? Она, скажем, навязана нам свыше. Давайте будем непоследовательны. Так что никак этого солипсиста не опровергнуть. То есть эта проблема также весьма сложная.

Дальше. Другая точка зрения. Демокритовская. Напомню эту точку зрения. Согласно Демокриту, существует два сорта атомов. Одни атомы грубые, большие. Это атомы тел. А другие атомы маленькие, кругленькие, подвижные. Это атомы души. Значит, есть два сорта материи. Тонкая материя и грубая материя. Мы видим нормально только грубую материю. Тонкая материя не видна. Но она может отделяться от грубой материи – и тогда наступает смерть. Самое интересное, что Ленин называет материализм линией Демокрита. Следовательно, такие представления о душе, естественно, могут быть названы чисто материалистическими. Есть аргументы за, и есть против. Начнем с тех, что против, а потом рассмотрим «за».

«Против» то, что эту материю мы никак не обнаруживаем физическими методами. Взвешиваем человека до смерти и после смерти. Одно и то же. Рассказы разных старушек, которые видели приведения, на кладбищах, в замках, были опровергнуты. Приходили ученые со своими приборами и никаких привидений не видели. Такой была позиция науки того времени, которую очень четко изображает Энгельс в своей известной статье «Естествознание в мире духов»⁷⁸. Он

там весело издевался над всякими спиритическими сеансами, в каждом таком сеансе, в конечном счете, обнаруживался подвох. Нарочно все это разыгрывалось. Был американский физик Вуд, который в качестве своей задачи поставил разоблачение всевозможного шарлатанства и суеверия. И действительно, во многих случаях ему удалось обнаружить подделку.

Тем не менее, чем дальше, тем больше становится всевозможных фактов такого рода, они все появляются и появляются, как их не искореняй. Берем «Аргументы и факты», №45 (734), ноябрь 1994 г. Здесь опубликована беседа с директором Московского института информационно-волновых технологий В. Хокканеном. И вот, что он говорит: «Перемещаясь в пространстве, тело оставляет за собой сгусток электромагнитных излучений, который живет некоторое время своей жизнью. Мы называем такое явление полемым фантомом, это почти как шаровая молния. Ряд экспериментов показал, что фантом заурядного человека живет 4-5 секунд. У некоторых экстрасенсов и людей с сильным полем он сохраняется в одной точке пространства неделями и месяцами. Такой фантом самостоятельно подпитывается информацией и может ее транслировать. Некоторые люди умеют управлять перемещением своих фантомов и делать их видимыми, как это описано в книгах Карлоса Кастанеды. Призраки и привидения – это не что иное, как фантомы, видимые невооруженным глазом. Ну и дальше говорится о том, что можно определить, сколько человек будет жить без фантома. Некоторые живут без фантомов. Они обречены. Значит, ничего не произойдет, а человек умрет. Вот этот аргумент в пользу демокритовской теории. Есть тонкая материя. Она существует в человеке. Она покидает его. Человек еще некоторое время может жить, а души у него нет. А он при этом может так же ходить, говорить и прочее, но без души. Взвесили более точно. То есть раньше взвешивали и, естественно, никакой разницы не находили. А сейчас есть такие данные, что после смерти человек меняет свой вес, на очень незначительную величину, тем не менее, она существует. Опять аргумент в пользу демокритовской точки зрения.

Далее, есть даже такие аргументы как «полтергейст», НЛО, телепатия, телекинез и т.д. Они совершенно непонятны с той точки зрения, что сознание – это просто функция мозга и ничего больше, и оно полностью определяется состоянием мозга. А здесь получается не так. В случае полтергейста эта тонкая материя живет в доме, вы ее нормально не видите, но она проявляет себя энергетически, в виде некоторых событий, треска, передвижения столов, стульев. Это все она может сделать. Дальше, телепатия и телекинез. Тоже очень просто

объясняется. Естественно, если у меня есть моя тонкая материя, она общается с вашей тонкой материей каким-то непонятным образом. Скажем, нормально мы общаемся через воздух, какие-то колебания происходят, а так – неясным способом.

Человек может заставить двигаться предметы, часовые стрелки. Вот недавно по телевизору жуткую вещь показывали, как человек может тянуть целый паровоз. Фактически волей, а не руками. То же самое и НЛО. Если допустить, что сгусток энергии может вести себя так же, как человек, в течение некоторого времени, то почему не допустить, что он может существовать и годами, прилетать сюда. Все объясняется. Демокрит оказывается самым современным автором.

Против. Что против? Ну, против я уже, по сути дела, говорил. Это разоблачения шарлатанства.

И ничего больше. И сейчас наука ничего больше не придумала, кроме как говорить, что это шарлатанство, что это массовый гипноз, что вот нас загипнотизировали и, нам кажется, что есть тарелка. А кто загипнотизировал и с какой целью? Опять непонятно. С моей точки зрения, больше аргументов «за», чем «против».

Специфика точки зрения Прабхупады и других индийских философов заключается в том, что душа, будучи субстратом сознания, может переселяться из одного тела в другое. Скажем, она сейчас в теле человека, а далее, в зависимости от его поведения, после смерти, она может войти в какое-то другое тело. Причем, это зависит от того, как себя человек вел в этой жизни. Если он был обжора, скажем, он становится свиньей. Соответственно, хищный человек может стать тигром. А философ может превратиться, как меня уверяют, опять-таки в философа, т. е. у меня есть некоторые шансы на продолжение моей деятельности. Вот суть такой точки зрения. Можно сблизить ее с Платоном. Платон тоже был склонен к этому. Души у него переселяются. И вообще у древних греков было много подобных идей, особенно в школе неоплатоников.

«За»: во-первых, мы можем найти таких людей, жизнь которых, характер поразительно друг на друга похожи, так что их иногда смешивают. На мой взгляд, такой парой являются Бэконы: Роджер и Френсис. Разделенные тремя с половиной веками, они буквально во всем похожи друг на друга. Выдвинули одни и те же идеи, причем Френсис Бэкон, по-видимому, не знал о Роджере Бэконе. Знаменитая фраза «Знание – сила» приписывается Френсису Бэкону, но она также была высказана Роджером Бэконом. Далее, мечты о будущем, о всяких

механических изобретениях имеются и у того и у другого. Можно найти и более точные совпадения. Вот это вроде бы говорит о переселении.

Дальше, вот такие факты. После клинической смерти человек как бы воскресает и рассказывает, что с ним было. В известной книге Моуди «Жизнь после смерти» говорится о том, что человек видел, как врачи копошатся над его телом. Дальше, видел себя в каком-то громадном тоннеле, и в конце был свет. Кое-что можно объяснить деятельностью мозга. Не сразу все кончается, имеет место клиническая смерть, в мозгу все еще могут происходить какие-то процессы. Но как можно объяснить то, что видят врачей? Есть такие факты, которые никак невозможно объяснить. Вот человек не мог видеть что-то, а после клинической смерти он рассказывает об этом. А если принять, что душа отлетает, тогда он, естественно, мог видеть, скажем, что происходит в соседней комнате. Дальше, образ света имеет место у всех, независимо от вероисповедания и т.д.; и для атеиста, и для христианина свет один и тот же.

«Против». А против такое соображение. Памяти о прошлых жизнях нет. То есть человек нормально их не помнит. Раз этого нет в его сознании, то это равнозначно тому, что никакого перевоплощения не было. Потому что человек не сохраняет, таким образом, свое «Я». Я исчезает, а потом появляется. Как доказать, что это то же самое «Я»? Возникает проблема тождества, которую не так то просто решить. Можно косвенно, по каким-то там признакам это решить. У меня во снах бывает часто образ какого-то города. Он красный, кирпичный. Несколько раз было. Я вроде бы не был в этом городе, а он мне снится. Если я найду такой город, тогда я смогу говорить о перевоплощении. Этот вопрос, я думаю, должен изучаться научно. Прабхупада, кстати, все время подчеркивает, что это вопрос не религии, а науки. Но на науку это пока не тянет. Должна быть статистика, должен быть анализ огромного количества данных. Но тогда, когда это будет сделано, это будет уже не вера, а научное знание.

-Реплика:

Кислородное голодание мозга, оказывается, ведет ко всем этим эффектам, которые видят после смерти.

Вот это уже аргумент против. Можно объяснить это другим способом, возможна альтернативная гипотеза.

Дальше пойдем. Рассмотрим вульгарно-материалистическую точку зрения. Здесь мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Это просто чисто материальное явление. Его можно изучать, в конечном

счете, физическими способами. Последнее время такая точка зрения, казалось бы, полностью отвергнутая, получила довольно широкое распространение. Некоторые думают, что она является единственно возможной. Прежде всего, мысли стали изучать физическими способами. Например, мысль взвешивают. Раньше это было невозможно, а сейчас выяснилось, что мыслящий человек отличается от немыслящего на 5 граммов. Есть телевизоры мозга, вроде видят непосредственно мысль. Все это показывает, что все чувства, казалось бы, самые возвышенные, есть на самом деле химические процессы. Любовь например. Говорится о раскрытии химической тайны любви. Возникает какое-то вещество, и человек влюбляется. Разложилось это вещество – разлюбил. Причем, в зависимости от типа вещества, разные типы любви. Любовь пылкая, страстная – одно вещество. Супружеская любовь – другое вещество. Разница в чем? Первое сразу возникает, молниеносно, и быстро разлагается. А супружеское – медленно, медленно, а потом человек обнаруживает вдруг, что он любит свою супругу. А вначале, может быть, этого и не было. Вот у моего знакомого, батюшка поженил двоих, молодого человека и девушку, они ходили к нему в церковь и ему очень нравились. Он говорит: «Давайте я вас сделаю мужем и женой». И сделал. Они пожили вместе и развелись, потому что совершенно друг друга не любили. Этой вспышки эмоций у них не было. Но они все-таки жили вместе и, разведясь, продолжали встречаться. И вдруг обнаружили, что они очень любят друг друга. И второй раз поженились, уже без батюшки. Но батюшка запустил механизм. Вот это больше всего меня как-то покорило. С точки зрения поэзии, любовь – чувство святое. К нему с каким-то скальпелем нельзя подступаться, а вот подступаются. И много таких фактов «за».

«Против». Ну, против может быть только логический анализ. Всегда можно говорить, что речь идет все же о некотором субстрате, который вызывает определенное ощущение, но ведь само-то ощущение не есть химия. Мысль и чувства все же нематериальны, хотя они имеют материальный субстрат. Они нематериальны по определению, ибо не существуют вне сознания. Сознание не может существовать вне самого себя.

Назвать мысль материальной, конечно, можно. Но при этом под материей следует иметь ввиду нечто совершенно иное, чем то, что мы определили в качестве материи. Должна исчезнуть оппозиция материи сознанию. Это выходит за пределы нашего рассмотрения.

Кто же прав в итоге? Какова точка зрения лектора? Я думаю, что основные вопросы философии относятся к числу вечных вопросов. Они будут существовать именно в качестве вопросов, а не ответов, пока существует философия. Каждая из перечисленных выше точек зрения имеет право на существование. Мы лишь привели аргументы, относящиеся к некоторым из них – за и против. Их число может быть увеличено. Но невозможно получить окончательный и бесповоротный ответ.

Глава VII. Теоретико-системные аспекты проблемы смысла жизни

Проблема смысла жизни часто считается такой проблемой, которая недоступна научному анализу. Верующие говорят, что наука не в состоянии решать такие вопросы и даже их рассматривать. Смысла жизни не видно, его нет в эмпирическом нашем опыте, и он может быть определен лишь в рамках религиозного мировоззрения, как они считают. Это общая точка зрения и для христианства, и для других религий. Они говорят о том, что неверующие, т. е. ученые, философы, не могут даже подойти к этой проблеме, поскольку она имеет трансцендентный характер. В эмпирической действительности есть предметы, но нет ничего похожего на смысл предметов. И религия дает очень простой ответ на этот вопрос: жизнь осмысленна, если она посвящена Богу. Бог придает смысл всем нашим действиям.

Альтернативой религиозному мировоззрению в этом плане является замещение Бога прогрессом. Бога нет, но есть прогресс. Прогресс всей материи, которая приводит к возникновению ноосферы, по Вернадскому. Дальше, ноосфера развивается. Все вперед и выше. Жизнь становится все лучше и лучше, и в конечном счете возникает царство божие на Земле. Такова, грубо говоря, схема прогресса, которой придерживаются очень многие, далеко не только марксисты. Такая концепция, по сути дела, у Гегеля. Такая концепция появляется в литературе, например, у Чехова в ряде пьес высказывается мысль о том, что такая шикарная жизнь будет через 200 – 300 лет. Даже еще гораздо раньше. Значит, задача каждого – содействовать этому прогрессу. В этом смысл нашей жизни. Пусть сперва будет трудно, как декабристам, скажем. Они поднимали массы на борьбу, но это не удалось, однако, им удалось разбудить Герцена. А Герцен дальше поднимал массы на борьбу, потом появились марксисты и, в конце концов, все хорошо устроилось. Ну, естественно, что такая точка зрения имеет слабые моменты и может быть подвергнута критике. В каком плане? У меня есть интересная монография Иванова-Разумника «О смысле жизни. Сологуб, Андреев, Шестов» 2-е изд. СПб 1910 год. Изложив концепцию прогресса в марксизме и других сходных системах, Иванов-Разумник приводит аргументы против такой точки зрения. Значит, получается, что мы, люди, живущие в этом веке, должны работать на тех людей, которых мы совершенно не знаем и которые когда-то будут лучше нас. Почему?

Зачем это? И дальше, если человечество будет получать какие-то блага, то возникает вопрос, а в чем смысл этого? Ведь если мы заменим человека, отдельного человека, человечеством, то, в принципе ничего не изменится. Человечество – это просто набор многих отдельных человек. Почему я должен обо всех этих отдельных человеках заботиться? Нет. Этого я не должен.

Против такой точки зрения серьезные аргументы выдвигает известный философ Л. И. Шестов. Он критикует французского философа Тэна, который стоит на позиции эволюционизма, утверждая, что в будущем все будет хорошо. И что есть какие-то законы, объективные законы, которые, в конце-концов, скажутся в процессе развития. Так вот, Шестов критикует утверждение Тэна, который говорит, что вместо слова «зачем» достаточно ответа на вопрос «почему?». «Все это в переводе на конкретный язык значит: недавно был уличен кладбищенский сторож в осквернении трупов, но не ужасайтесь, сумма углов треугольника равняется двум прямым; недавно у такого-то на войне убили единственного сына, не беда, ломаная больше прямой; в России несколько лет назад был голод, это совершенно разумно, ибо людям было нечего есть, а в таких случаях по непреложным законам природы они должны обязательно истощаться» («О смысле жизни...», с.174).

Есть какие-то объективные законы, и достаточно изучать эти законы, не ставя вопросы, которые выходят за рамки науки. Они не имеют смысла, эти вопросы типа вопроса: зачем? А достаточно говорить о причинной связи. Ну, и всем известны слова Достоевского, хотя это, опять-таки, слова одного из героев Достоевского, это не совсем то же самое, но тем не менее, Иван Карамазов восклицает: «От всякой высшей гармонии я отказываюсь, не стоит она слезинки хотя бы одного замученного ребенка».

Сам Шестов все же пытается найти решение этой проблемы. Его мучает, главным образом, проблема случайности. Если есть какое-то разумное начало в мире, и оно функционирует, то, как объяснить, что происходит землетрясение на Сахалине. И все. Совершенно невинные люди там гибнут сотнями, а в Японии – тысячами. Так вот, в чем смысл такого рода событий? Вроде бы ответ такой: нет никакого смысла. Все, что происходит, совершенно бессмысленно. Но Шестов пытается найти все же какой-то смысл. При анализе трагедий Шекспира. У него есть книжка, посвященная этому. У Шекспира Макбет совершает огромное количество убийств, зачем? Король Лир, свергнутый с престола своими дочерьми, изгнан в грозу из дворца и т.д. Зачем, какой смысл во всем этом? Так вот, он находит смысл. Потому что таким образом король,

который был только королем, хлебнув горя, становится еще и человеком. Вот ради того, чтобы он стал человеком, это все и происходит. Категорический императив Канта имеет определенные недочеты, с точки зрения Шестова. И вот Макбет показывает своей деятельностью недочет этого категорического императива. И так далее. Разбирает 5 трагедий Шекспира и всюду находит мораль, всюду находит смысл. Иванов-Разумник говорит, что, в общем-то, замечания Шестова довольно остроумны, но, тем не менее, они неправильны. Вряд ли мы можем со всем этим согласиться, потому что можно стать человеком и не испытать всего того, что произошло. Потом, самое главное, а чем же Глостер виноват, у него глаза выкололи для того, чтобы воспитать короля Лира? Вот проблема. Я мог бы об этом говорить больше, но я думаю, что эта проблематика более или менее известна.

Теперь, что может сказать общая теория систем по этому вопросу? Что она может дать? Не в плане конкретного решения, но просто в плане методологии, в подходе к этой проблеме.

Прежде всего, мы можем формально выразить эту проблему следующим образом. Возьмем системную модель с атрибутивным концептом:

$$([R_s (*m)]) P_c$$

В каком случае эта модель будет выражать жизнь, имеющую смысл, осмысленную жизнь? В том случае, когда вот это P_c , атрибутивный концепт, один для всех людей? Все люди признают именно это в качестве концепта, должны признавать. Он имеет совершенно конкретный смысл – например, служение Богу. Вот деятельность R_s – это некоторая реляционная структура. Это набор отношений между актами человеческой деятельности, между элементами деятельности. Субстрат – это те факты, на которых эта структура реализуется. Значит, если все мои действия находятся в таком порядке, в таком отношении друг к другу, что это отношение реализует некоторую высшую максиму – служение Богу – то жизнь имеет смысл. И люди, которые действительно это признают, волю Бога, будут считать, что их жизнь имеет смысл. Таких людей достаточно много. Но не все. Есть такие люди, которые будут говорить, опять-таки: а зачем? Зачем в таком случае суще ствует все, о чем выше говорилось? Землетрясения, несправедливости и т.д. То есть их точка зрения не будет совпадать с такой точкой зрения, которую проповедует религия, и их жизнь окажется лишенной смысла. И с точки зрения верующего, и с точки зрения их самих. Что это за люди? Значит, здесь мы должны выйти на проблему классификации личности,

точнее, проблему типологии личности, основанной на теории систем. То есть на теоретико-системную типологию личности.

Выше говорилось о возможности выделения трех основных типов личности в соответствии с системными дескрипторами: субстратом, структурой, концептом. Первый тип личности можно еще назвать «субстратники». Они хорошо себя чувствуют, если получают задание. Всюду. Скажем, в научных институтах. «Выдайте мне конкретное задание! «Я его буду делать». В школах, в армии их очень много. Поставьте задачу, и я ее буду решать. Далее, структурные люди. Они любят организовывать, но в соответствии с поставленной перед ними целью. Есть третьи, которым вообще не хочется выполнять задание, реализовывать на себе чужой концепт структуры. Они хотят сами это задание формулировать. Это – концептные люди. Есть разные варианты. Сами для других или сами для себя. Вот из таких людей получаются александры македонские, ленины, сталины, гитлеры. Они хотят переустроить весь мир соответственно какой-то своей идее. Но есть очень много других, достаточно скромных людей. В сельском хозяйстве это фермеры. В противоположность субстратникам, которые никак не хотят выходить из колхозов. Боятся. Они должны получать задание. А фермер ни от кого задания не получает. Он сам все организует. И от этого получает ощущение наличия смысла жизни. Для себя. Я не касаюсь вопроса, во избежание недоразумения, моральной оценки. Эгоизм или коллективизм? Это вопрос другой. Можно использовать более нейтральный термин, скажем, индивидуализм. Он может быть хорошим и плохим. Вот к таким людям относился Робинзон Крузо. И Даниэль Дефо, сочувственно его описывающий. Причем он на своем необитаемом острове имел возможность организовать все так, как ему хотелось, и он был счастлив. Хотя у него и не было контакта с окружающим миром. Причем это не только литературный герой, у него был прототип – настоящий моряк, фамилия его Селькирк, с которого писал Робинзон Крузо Даниэль Дефо. Они где-то там в пивнушке встретились, и вот тот ему за бокалом эля раскрыл свою душу. И Селькирк сказал, что никогда не был так счастлив, как на необитаемом острове, где он мог сам все это делать.

Реплика:

Вот герой «Таинственного острова» Жюль Верна тоже никак не хотел уезжать с острова.

Да, там тоже они все делали сами, но с небольшой помощью. Вы скажете: а какой смысл на этом необитаемом острове жить? Но будете неправы, потому что смысл получается. Только все дело в том, что вот

это P_c , вот этот концепт, который полностью определяет все их действия, задается ими самими. Близок к такой точке зрения известный философ К. Поппер, который в своей книге «Открытое общество и его враги» пишет, что человек сам должен делать свою жизнь осмысленной. Это его задача. Он не должен получить концепт извне, а нужно сформулировать его самому, и подчинить свою жизнь этому концепту. Об этом же пишет советский философ Н. Н. Трубников: «Мы искали смысл человеческой жизни в необходимости, в изначальности, в миропорядке и горевали, что не находим его. Но, может быть, это просто превосходно, может быть, это величайшее человеческое счастье, что мы не находим его там, где искали до сих пор. Найди его в изначальном и необходимом, в самом миропорядке, не лишили бы мы себя самой возможности выбирать и созидать свою человеческую сущность?» Проспект книги о смысле жизни. // Квинтэссенция. Философский альманах. М., Изд.полит.лит. 1990, с.439).

Такой выбор не всегда происходит сознательно.

Робинзон Крузо не планировал оказаться на необитаемом острове, он на него попал. Женщина может не планировать себе ребенка, а он появляется. Здесь могут быть разные варианты. Либо неприязнь к ребенку, тогда дело иногда кончается убийством, абортами. Либо она получает смысл жизни. Тогда вся ее жизнь организуется вокруг этого непланового ребенка. Ради ребенка она все делает. И вопрос о смысле жизни снимается. Любит она своего ребенка, кормит его, старается беречь от всяких болезней, и вот приходи к ней в этот момент с вопросом: «А в чем смысл жизни? А у вас есть смысл жизни?» – она этого не поймет. Аналогичная картина с ученым, который решает какую-то проблему. И он настолько увлечен, что забывает обо всем. Он кажется очень странным в своем поведении, но, однако, его поведение осмысленно. Значит, можно, на мой взгляд, говорить, что системы, в которых есть смысл жизни, характеризуются какими-то значениями ми системных параметров. То есть можно охарактеризовать их системно-параметрически. Но я этого еще не сделал полностью. Это можно сделать в будущем с вашей помощью.

Значит, смотрите, что получается. В свое время мы рассматривали системный параметр, который вначале был более удачно назван релевантностью, а потом я почему-то испугался этого слова, и назвал его четкостью. О четкости и уникальности систем, на украинском языке. Автор Бердников и 12 соавторов⁷⁹. У нас в свое время было много соавторов, потому что работал целый коллектив. Это был брейн-шторминг, а потом все зачислялись в соавторы. О чем идет речь? R_s

соответствует P_c , реализует его. Но в какой мере, в какой степени? По-разному может быть. Ну, скажем, R_s – это передача знаний. Я хочу передавать знания. Я могу это сделать разными способами. Выбирая разные структуры. Может быть лекция. Может быть лекция, сопровождаемая самостоятельным чтением книг. Может быть беседа. Может быть еще что-то. Это в разной степени реализует концепт. Значит, структура может быть более или менее релевантной концепту. То же самое относительно субстрата. Скажем, субстрат может быть такой, что эта структура с трудом на нем реализуется. Ну, например, колхозники, уставшие с поля, их сгоняют, приехал лектор из Одессы, или, там, из Иваново, вот слушайте. А они спать хотят. Правда, иногда бывают такие парадоксальные оценки. Один бригадир меня похвалил: «Как вы хорошо читаете лекции, вас слушаешь, слушаешь и уснешь». Это хорошо на самом деле, потому что я гладко читал, без бумажки, а гладко, ровно, они ведь так не могут. И поэтому ценят. Ну и понятно, в детском саду лекция тоже не пойдет, а вот для вас, скажем, она подходит. Значит, в какой мере субстрат соответствует структуре? Существует степень соответствия одного другому. Так вот, если мы имеем такую систему, где все идеально подлажено друг к другу, систему жизнедеятельности, значит, это не просто система – это жизнедеятельность. Это максимально релевантная система. Здесь максимально будет воплощен смысл. Можем сказать, что жизнь максимально осмысленна. По-видимому, все же здесь деление не дихотомическое: имеет смысл – не имеет смысла, а – в какой мере. А далее мы можем связать значения других системных параметров, таких как целостность, например, с этой проблемой. В том случае, когда жизнь максимально осмысленна, она, очевидно, максимально целостна. Тут нет разных планов, как скажем, во времена Брежнева – на трибуне одно, а в кухне другое. И так далее. А через целостность задействовано много и других системных параметров.

Индивидуальные концепты имеют то преимущество по сравнению с одним унитарным для всех, что они менее опасны. Потому что концепт, будь-то в религии, будь-то у Ленина, у Сталина, захватывая всех, становится страшным. Даже очень хороший концепт. Если смысл жизни всех людей один и тот же, то опасность катастрофы резко возрастает. Когда разные – они могут друг друга как-то нейтрализовать. Это тоже следует отметить.

Дальше, еще один момент. Обязательно ли в этом случае концепт должен быть строго определенным? Понятие системы требует такой определенности концепта. Однако, определенность тоже может иметь

степени. Степени жесткости, скажем, этого концепта. Может быть так, что человеку достаточно думать о том, что какой-то смысл есть.

Я исхожу из того, что какой-то смысл существует, я его не знаю, но может и не нужно его знать. А вот я занимаюсь своим делом, и мне хорошо, и у меня есть какие-то принципы.

Проблема элиминации теоретических терминов. Каждая наука опирается на какие-то понятия, теоретические термины. В физике это атом, молекула и прочее. Их нет непосредственно в опыте, они вводятся из каких-то соображений, для построения более простой, красивой системы и так далее. Можно ли от них избавиться? В принципе да, это было показано еще в начале этого века Рамсеем, логиком и экономистом. Так называемая Рамсей-элиминация. И он доказал очень интересную вещь. Мы можем построить достаточно строгую теоретическую систему, не вводя теоретические термины, но допуская, что они существуют. Этого достаточно для того, чтобы мы могли в опыте применять эту конструкцию. Аналогичные примеры можно привести из других областей. Вот, скажем, император. Нужен он или нет для единства империи? Важно, чтобы люди думали, что он есть. Франц Иосиф, австрийский император, был очень глубоким стариком, и в русской прессе (я читал русские газеты периода первой мировой войны) писалось, что он давно умер, нет его, а показывают народу куклу. А портрет мухи засидели. Вот. Ну и что? А пусть люди думают, что есть император, и империя сохраняется. Стоило ему умереть на самом деле, т. е. может быть, он умер и раньше, но в какой-то момент невозможно было скрыть, что он умер, – и империя развалилась. Не из-за военных поражений. Не было такого разгрома, как во времена Брусилова, Австрия могла еще долго сопротивляться. Но умер Франц Иосиф, а вместо него стал какой-то Карл, кстати, я уверен, что присутствующие и не знают, что за Карл. Все думают, что был Франц Иосиф, был до конца империи. Нет. Он умер, стал Карл, а Карл уже не мог удержать империю. Аналогичная проблема с Гитлером, между прочим. Один специалист по взрывам доказывает, что он не мог остаться живым после взрыва этого полковника, который организовал покушение, – Штауфенберга. Эта бомба была рядом с Гитлером, причем жуткая бомба, он говорит. И она взорвалась. Не все погибли, потому что люди стояли у окна и они вылетели в окно. Стол деревянный не мог выдержать. Это была бомба для какого-нибудь линкора. Но важно, что все люди думали, что Гитлер жив. Так же и тут. Может быть, нет концепта, нет смысла жизни, но важно думать, что он есть. Какой-то смысл жизни есть.

Так, ну и теперь последнее. Последний вопрос: о двойственной модели, с реляционным концептом

$R_c([m^*]P_s]$.

Ее также можно использовать, если подойти к проблеме смысла с другой стороны. И в этом случае даже можно говорить не о смысле жизни, а о смысле бытия. Реляционный концепт R_c можно рассматривать как отношение к среде. В живом мире сплошь и рядом функционирует именно этот концепт. Если имеет место концепт выживания в среде, то тогда должны иметься у этого животного определенные свойства. Скажем, берем зайца, его выживаемость. Когда заяц выживает в среде? Когда у него есть вот эти свойства: быстро бегают, меняет шкурку, имеет острые зубы и труслив. Эти свойства составляют атрибутивную структуру системы. Они приобретают смысл в связи с данным реляционным концептом. Если попадет храбрый заяц: «Вот пойду волку по мордам надаю», – волк его сразу и съест. А так, шорох – и заяц бежит. Я могу перебирать других животных: львов, тигров, леопардов, дождевых червей, человека. Человек, для того, чтобы выжить, – должен иметь ряд свойств. В том числе и интеллект. Но Данте отмечает: «Наверно, тот, кто создал нас с понятием о будущем и прошлом, дивный дар вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы». Разум в нас вложили, и он должен функционировать.

Ну вот и все, что я хотел сейчас сказать. В общем-то, не хочу создать впечатление, что это решение вопроса, но мне представляется, что системный подход дает возможность сказать нечто более конкретное. Если мы возьмем другие исследования о смысле жизни, то здесь в итоге вовсе ничего конкретного не сказано. Я делал обзор статей о смысле жизни, опубликованных в журналах СССР, все они либо набор пустых фраз, либо это требование жесткого единого концепта для всех. «Цель жизни? Да очень просто: строить коммунизм».

Закончим ссылкой на Нильса Бора. Когда ему ставили вопрос о смысле жизни, то он говорил, что смысл жизни в том, что есть смысл ставить вопрос о смысле жизни.

Глава VIII. Добро и зло

Говоря о добре и зле, следует отметить две основные тенденции в трактовке этого понятия. Первая – абсолютистская, связанная прежде всего с Платоном. В этом разрезе добро рассматривается как нечто, не зависящее совершенно от частных интересов. Это самая определяющая идея – идея блага, и от нее зависят все остальные.

Абсолютистская трактовка добра проявляется и в современной, главным образом, религиозной философии. Так об абсолютном добре пишет Н. О. Лосский, и это абсолютное добро, по его мнению, есть Бог⁸⁰. «Правильное соотношение ценностей требует больше любви к Богу, чем к себе и любви ко всем существам такой же, как к себе»⁸¹. Основное зло заключается в нарушении этого принципа, т. е. в большей любви к себе, чем к Богу и другим существам⁸².

Однако, уже в Древней Греции находились философы, которые обращали внимание на относительность понятия добра. Среди них первый – Гераклит: «Морская вода и чистейшая и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отрава»⁸³.

В свое время Бернард Мандевиль, известный английский философ XVII-нач. XVIII вв. сформулировал своего рода парадокс. Оказывается, зло чрезвычайно полезно для людей, если бы все люди были добрыми, то было бы гораздо хуже. Так как некоторые – злые, порочные, то это и дает возможность жить человечеству. Обычно в нашей литературе говорят, что таким образом Мандевиль критиковал нарождающееся буржуазное общество. На самом деле речь идет о действительно парадоксальной ситуации. Очень часто люди стремятся быть добродетельными, а в результате получается плохо. Люди стремятся преследовать свой собственный эгоистический интерес, и в результате этого общество начинает процветать.

Относительность нравственных понятий, особенно в сексуальной сфере, общеизвестна. У одних народов страшно важно, чтобы жена была девушкой, а у других народов – совершенно наоборот: если никто тобой не заинтересовался до того, то почему это я буду интересоваться? Для одних народов очень важно, чтобы жена не имела половых связей вне семьи, а для других, наоборот, очень хорошо, если она будет иметь такие связи, в основном это у северных народов, которые приглашают чужеземцев разделить постель своей жены.

Известный представитель вульгарного материализма Людвиг Бюхнер в своей книге «Сила и материя» приводит многочисленные примеры относительности понятий добра и зла у различных «диких» племен. Так, «один такой дикарь будучи спрошен о различии между добром и злом, сначала сказал, что не знает этого, но, немного подумав, прибавил, что добро это – когда человек отнимает жен у других, а зло – когда их отнимают у него самого!» (2-е издание, Спб.1907, с.213).

Можно приводить массу примеров из нашей жизни, когда одно и то же в одно время объявляется благом, и в то же время – злом, и наоборот. Это мы видели в процессе осуществляющихся социальных преобразований. Совсем недавно скупка вещей и их перепродажа с целью наживы объявлялась спекуляцией и считалась большим социальным злом. Сейчас же это деятельность вполне уважаемого бизнесмена.

Лет 10 тому назад считалось благом полное воздержание от распития спиртных напитков. А сейчас те же медики говорят о том, что в небольших дозах это даже полезно.

Дальше, отметим Карла Маркса. Его «Нищету философии», направленную против французского философа и экономиста Пьера Прудона. Всякая экономическая категория, по мнению Прудона, имеет две стороны: хорошую и дурную. Нужно взять хорошую сторону и устранить дурную. Это напоминает то, что предлагают наши сегодняшние социал-демократы. Они говорят, что капитализм плох, но имеет хорошие моменты. Социализм ленинско-сталинского типа тоже плох, но имеет хорошие моменты. Значит, нужно соединить хорошие моменты капитализма с хорошими моментами социализма, и тогда у нас будет великолепное общество.

Маркс выступает решительно против такой точки зрения. По его мнению, зло настолько тесно связано с добром, что одно без другого не может быть. А активная сторона всегда принадлежит злу, а не добру. «Феодальное производство, – пишет Маркс, – тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют хорошей и дурной стороной феодализма, не учитывая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет вверх над хорошей. Именно дурная сторона, порождает борьбу, создает движение, которое образует историю»⁸⁴.

Согласно Ф. Ницше, грань между добром и злом подвижна. «То, что в данное время считается злом, обыкновенно есть несвоевременный отзвук того, что некогда считалось добром»⁸⁵. «Но были другие времена и другое зло и добро»⁸⁶. Говоря о победе зла, Ницше напоминает

Маркса: «обе противопоставляемые ценности – «хорошее и плохое», «доброе и злое» – бились на земле тысячелетним смертным боем; и хотя несомненно то, что вторая ценность давно уже взяла вверх, все-таки и теперь еще нет недостатка в местах, где борьба продолжается вничью»⁸⁷.

Так же как и Маркс, Ницше говорит о положительной роли зла: «Зло и великий аффект потрясают нас и опрокидывают все, что есть в нас трухлявого и мелкого»⁸⁸.

В теоретическом плане проблему обоснования добра, хорошего поведения, рассматривал Джордж Мур, один из видных английских мыслителей, друг Бертрана Рассела. В своей книге «Принципы этики» (М., Прогресс, 1984) Д. Мур рассматривает проблему, каким образом может быть обоснована та или иная этическая концепция, в рамках которой мы должны знать, что есть добро, а что есть зло. Д. Мур рассматривает все варианты: стоицистский вариант, вариант эпикурейцев, вариант утилитаристов (Бентам): добро – то, что содействует благу большинства людей. Он показывает, что во всех аргументациях есть логическая ошибка, которая носит название натуралистической ошибки. Все они исходят из констатации определенного факта, который кажется вроде бы очевидным: ну, например: то, что служит благу большинства людей – то хорошо. А почему? Может быть, все люди должны быть уничтожены, так как люди мешают развиваться материи? Из законов материи добро не вытекает. Конечно, это может нас шокировать – применение водородной бомбы для уничтожения человечества. Это не пример Мура, он не знал о водородной бомбе. Но можно такой пример привести. Кстати, вроде бы, если судить по нашей прессе, кто-то на Западе так и говорил, что гибель материальных тел ничего не значит, потому что душа-то бессмертна. Души благодаря гибели человечества воспарят к небесам, все будет хорошо.

Вот коротко о ситуации в сфере этики. Что может дать теория систем в решении этого вопроса? Прежде всего, мне представляется, что она может эксплицировать понятие добра определенным образом и дать ответ на вопрос о том, добро абсолютно или относительно? То есть системные представления усиливают одну из сторон в этом споре.

Исходя из системных представлений, мы уже определили понятие смысла жизни. Значит, сразу можно определить и понятия добра и зла. Можно сказать, что добро – это все то, что способствует реализации смысла жизни, который у Вас есть. И зло – все, что препятствует реализации этого смысла жизни. Соответственно тому, в какой мере

происходит эта реализация, мы имеем большее добро или меньшее добро. В зависимости от разрушительной силы того, что препятствует этой реализации – большее зло и меньшее зло. Таким образом, сразу решается основная проблема. Ясно, что речь может идти лишь о добре и зле относительных, потому что все завязано с концептом. Если концепт может быть разным, то и добро и зло может быть соотносительным по отношению к этому концепту. Скажем, если я считаю, что цель моей жизни – это добраться до Англии после того как я спасу себя на этом острове, значит, некоторые события будут оцениваться как положительные, другие – как отрицательные, которые будут мешать этой идее. Если он, например, попадет в плен к дикарям, и они оставят его на съедение. Такая ситуация у Робинзона Крузо возникала.

Мы можем пойти дальше, отметить тот момент, который в философских дискуссиях не возникал. Этот системный момент дает возможность различить два типа добра и зла. Первый – это структурный: в какой мере R_s соответствует P_c , в какой мере R_s адекватно P_c . И затем добро и зло субстратные, относящиеся к субстрату m . Эти различия очень существенны. В первом случае можем говорить, например, о добре или зле в государстве. Государство – некоторая структура. Анархисты с древнегреческих времен уверяли, что это зло. Оно не дает возможности реализовать свободное волеизъявление человека. Личность должна быть свободна. Государство этому мешает. Значит, мы оцениваем так добро и зло в государстве.

Но субстратная относительность связана с интересами людей. Обычно, когда говорят об относительности, имеют в виду именно это. Для одних, допустим, буржуа, добро – длинный рабочий день и малая зарплата, а для рабочих это зло, они хотят меньше работать, но получать больше. Это известно из марксизма. Я не хочу спорить о том, истинно ли данное утверждение или неистинно. Я просто отмечаю, что лейтмотив марксизма заключается в подчеркивании противоположности интересов буржуазии и пролетариата. А кто в каком отношении здесь оказывается прав или не прав – это вопрос совершенно другой. Факт, что такая пропаганда велась и вполне возможно, что это какую-то реальную ситуацию отображает. Но можно говорить не о классах, а о нациях, например. То, что для русского здорово, то для немца смерть. Такова поговорка. Значит, здесь имеется в виду не обязательно лобовое столкновение наций, а какой-то частный момент. Скажем, лекарства, от которых русский поправляется, а немцы умирают.

Значит, мы уже формализовали проблему. Это уже что-то. И, наконец, с помощью этой формализации ввели новое различие. Далее, активность зла тоже понятна. Если мы имеем дело только с добром, то наша система никогда не изменится. Может быть, эта система плохая для кого-то, для чего-то плохая, если иметь в виду какие-то другие концепты. Для того, чтобы было развитие, нужно разрушить систему. А разрушительные факторы в рамках этой системы рассматриваются как зло. Маркс имел в виду это, когда критиковал Прудона. Активная сторона принадлежит злу. Зло разрушает систему. Возможно, этот план был и у Ницше. Надо систему разрушить, а потом уже строить новое. Это в общем – то и в «Интернационале» четко фиксировано: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем – тот станет всем».

Добро и зло будут бороться друг с другом, и активной стороной оказывается зло, потому что добро, даже если оно с кулаками, обороняется. А наступает зло.

Теперь, еще один вопрос. Все вроде бы сейчас хорошо. Но системная модель имеет общий характер. Она не относится только к людям, а к системам вообще. Потому что, если бы мы так определили добро и зло, то получается, что оно и в природе есть, помимо человека. А есть оно там или нет? Можно ли применительно к любой системе говорить, что для нее добро, а что для нее зло? Конечно, в самом буквальном смысле нельзя, очевидно. Характер системы зависит от конкретного субстрата, на котором эта система строится. И, тем не менее, можно говорить о некоторых онтологических основаниях добра и зла. То есть, человек и общество не появляются сами по себе, как Минерва из головы Юпитера. А они растут из природы. И в природе есть нечто подобное. Если мы говорим о системе как о целостности, то, конечно, для сохранения этой системы что-то будет полезно, а что-то вредно. Ну, скажем, приближение какой-нибудь другой массивной звезды, очевидно, будет вредно для Солнечной системы, так как оно может захватить целый ряд планет, и Солнечная система будет изменена, если не разрушена совсем. Значит, здесь та же самая ситуация, что и в других случаях, когда мы системные понятия применяем к обществу. Всегда они имеют некоторый эквивалент.

Так значит, мы что-то можем сделать с помощью системного представления. Расширяя сферу таких возможностей, рассмотрим применение системного подхода к проблеме натуралистической ошибки, поставленной Дж. Муром. Логическая сущность этой ошибки заключается в невыводимости нравственных принципов из суждений, констатирующих

те или иные факты. Однако, такой вывод и не предполагается системной моделью объекта.

Тот или иной нравственный принцип, например, Бентама (максимальное благо максимального числа людей), является структурой системы, концепт которой представляет собой некоторый смысл жизни (благо людей). Субстратом же будет совокупность отдельных этических норм. Здесь нравственный принцип обосновывается концептом, хотя и не является его логическим следствием. Такое обоснование возможно, поскольку концепт так же имеет этический характер, как и структура, т. е. они относятся к сфере одной и той же – деонтической – логики, т. е. логики должностования, которая существенно отличается от логики алетической, т. е. логики истины.

Однако отдельные фрагменты алетической логики могут быть сделаны изоморфными фрагментам деонтической логики, благодаря чему последние могут быть логически обоснованными средствами алетической логики. Ниже будет дан пример такого обоснования.

Но, прежде чем говорить о нем, рассмотрим еще некоторые примеры этических утверждений. Очень интересен принцип, который был сформулирован Аристотелем, принцип противоположности. Аристотель в «Категориях»⁸⁹ говорит, что добру противоположно зло, но злу может быть противоположно не только добро, но и другое зло. Здесь нет простой симметрии добро – зло, где зло противоположно добру, а добро – злу. Злу может быть противоположно другое зло. Аристотель приводит примеры этого, и каждый может привести сам. Скажем, безрассудная храбрость – зло, а то что ей противоположно – трусость, это тоже зло.

Далее, существует еще очень интересная проблема. Фома Аквинский очень беспокоится в связи с вопросом о зле в мире, с учетом того, что Господь, который абсолютно добрый, это зло все-таки допускает. Как это можно понять? Бог всеблагой. А тут происходят землетрясения, кровавые войны, насилие, болезни. Наказание за грехи? Какие же грехи у только что родившегося младенца, который вынужден страдать! Я зачитаю подлинные слова Аквинского, он спрашивает: «Что было бы, если бы зла не было?» И дает такой ответ: «Коль скоро Бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он позволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла, то в мироздании не доставало бы многих благ. Так, без убийства животных, была бы невозможна жизнь львов. А без жестокости тиранов – стойкость мучеников»⁹⁰. В другом месте: «И вот подобно тому,

как совершенство вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бранные сущности, точно так же совершенство Вселенной требует, чтобы были некоторые вещи, которые могут отступить от своей благодати. Потому они и в самом деле время от времени делают это»⁹¹. Из сказанного выше следует, что нет единого первичного начала зла в том смысле, в котором есть единое первичное начало блага, ибо, во-первых, единое первичное начало блага есть благо по своей сущности, как было показано. Ничто, однако, не может быть по своей сущности злом. В самом деле, мы видели, что все сущее, в той мере, в которой оно есть сущее, есть благо, и что зло существует лишь в благе, как в своем субстрате⁹². Это идеи Фомы Аквинского, за что, конечно, церковь должна быть ему очень признательна.

Я думаю, что прояснению этих положений, во всяком случае формализации их и, далее, попыткам вывести некоторые следствия, может помочь использование формального аппарата, который мы здесь формулируем, т. е. языка тернарного описания (ЯТО). Причем, достаточно самой элементарной формы.

ЯТО развивался, начиная со слабых систем, а потом они усиливались.

Слабейшая система – это ЯТО-1. Там три исходных символа: «t» – определенная вещь, «t'» – вещь, отличная от «t», это уже неопределенная вещь, поскольку вещей, отличных от «t» может быть много. И «a» – это то, что может быть «t» или «t'», это просто неопределенная вещь, в том смысле, как это и сохранилось дальше. Мы можем построить логическую систему на базе этих трех понятий, сформулировать аксиомы и правила вывода.

И дальше применять ее в соответствии с интерпретациями. Вот интерпретация, которая представляется довольно естественной. Определенной вещи, т. е. t придадим смысл «добро». Тогда t' – это не добро, т. е. будет злом, а вот «a» – безразлично, т. е. может быть добром и злом.

А дальше, как и выше, используем круглые скобки. Символ в этих скобках обозначает вещь, символ справа от них – свойство. Например (t)a означает, что добро имеет какое-то свойство – a, которое может быть как добром, так и злом. Символ слева от круглых скобок означает отношение.

Так формула a(t') означает, что зло t' имеет некоторое отношение. Штрих означает отрицание. (t')' – это отрицание зла.

И, наконец, стрелка. Стрелка соответствует условной связи: если – то. Она вводилась как неопределяемое понятие. Очень простая система.

Тем не менее, она дает возможность формального выражения, по крайней мере, этих двух тезисов: аристотелевского и тезиса Аквинского.

Аристотелевский тезис:

$(t)' \rightarrow t'$

$(t)' \rightarrow a$

Тезис Фомы Аквинского:

$t' \rightarrow t$

К этому тезису мы добавим следующий:

$t \rightarrow t'$

Тезис Фомы Аквинского означает, что если есть какое-то зло, то значит есть добро. В нашем мире, который сотворен Господом, все зло, которое есть в мире, служит добру.

Этим вопросам посвящена моя статья, опубликованная в Венгрии⁹³. В этой статье в качестве аксиомы принимается положение $t \rightarrow t'$. Оно совершенно естественно в ЯТО-1. Если t – определенный объект, например, Одесса, то его наличие означает вместе с этим наличие чего-то отличного от Одессы, скажем, некоторой ее части, какой-то улицы. Но $t' \rightarrow t$ в этой системе неправомерно: если у нас есть какой-то предмет, отличный от автомобиля, это не означает, что у нас есть автомобиль.

В этической интерпретации это означает принципиальную асимметрию между добром и злом. Любое добро означает вместе с тем и наличие некоторого, хотя бы самого малого, зла. Скажем, пища – несомненное добро. Но в любой, самой доброкачественной пище содержатся и вредные для здоровья элементы. Любовь – добро, но она же и зло, хотя бы потому, что отвлекает от занятий. Значит, и в этике действует принцип $t \rightarrow t'$. Но обратное было бы неверным не только в ЯТО-1, но и в его этической интерпретации. Существует абсолютное зло, такое зло, из которого не следует никакого добра. Ну, это хотя бы гибель всего живого на Земле в результате термоядерной войны. Таким образом, наш формализм противостоит концепции Фомы Аквинского, признающей соотношение $t' \rightarrow t$.

В указанной статье доказано множество теорем, имеющих этическую интерпретацию. Рассмотрим некоторые из них.

$t (t') \rightarrow t$. Эта теорема означает, что вещь, сама по себе не являющаяся добром, благодаря установлению отношения добра в ней приводит к добру. Таким образом, честолюбие отдельных людей, как особенно подчеркивал Гельвеций («О человеке»), может быть поставлено на службу обществу.

Другой пример – «Басня о пчелах» Б. Мандевиля, на которую мы выше ссылались. Существование указанной теоремы дает теоретическое объяснение тому факту, что пороки ведут к благосостоянию общества.

Обратный случай отображен в другой теореме: $t' (t) \rightarrow t'$. Здесь в добре реализуется «злое» отношение, благодаря которому добро дает «злое» следствие. История человечества, к сожалению, изобилует примерами такого рода. Например, добрый судья, благоволя к преступнику, может породить много зла.

$t \rightarrow (t)a$. Эта теорема означает в этической области, что если есть добро, то есть добро, обладающее некоторым свойством – a . А это свойство, в свою очередь, может быть как добром, так и злом.

Таким образом, мы предполагаем важный тезис.

Абсолютно нейтральных вещей, которые никогда не могут быть ни добром, ни злом, в мире не существует.

Возможен вопрос: –

В чем же добро или зло, если человек потрогал себя за мочку уха?

Дело в том, что просто так он себя не потрогает. Сделает это, преследуя определенную цель, например, с целью доказательства своей свободной воли – захочу, потрогаю. Верно ли подобное доказательство? Если да, то подобное действие – добро, если нет, то – не является добром.

В заключение рассмотрения вопроса о добре и зле приведем еще один пример, доказывающий асимметрию этих понятий: очень малое зло становится добром. Удар превращается в ласку. Но очень малое добро все же остается добром и во зло не превращается.

Глава IX. О счастье

§1. Определение понятия счастья

О счастье в последние десятилетия у нас очень мало написано. Даже в таких фундаментальных изданиях как «Философский энциклопедический словарь» почти ничего нет о счастье. В «Философской энциклопедии», 5-томном издании, счастью уделено от силы 1,5 стр. Высказаны некоторые банальные вещи. И ничего более.

В новых учебниках по философии, в которых, вроде бы, центром является человек, в отличие от предыдущих наших учебников, о счастье тоже ничего не написано. Я листал и ничего не нашел. Может быть, вам больше повезет.

Что было о счастье в философии? Отдельные статьи. Очень редко. Ну, например, статья некоего Г. П. Сидорова⁹⁴. Высказаны довольно банальные положения. Но что интересно, этот сборник, в котором он написал о счастье, вышедший в Тбилиси, был разгромлен полностью в журнале «Коммунист»⁹⁵. Характерно, что про статью о счастье забыли. Всех разругали, а Сидорова не тронули. И не потому, что статья хорошая. Просто ее тематика не заинтересовала рецензентов.

Проблема счастья, казалось бы, должна быть центральной не только в философии, но и, скажем, в социальной психологии. И здесь есть монография, посвященная счастью. Но ее автор пишет: «Марксистская социальная психология еще не ставила перед собой задачи анализировать проблему счастья»⁹⁶.

Почему-то неинтересна для наших обществоведов проблема, которая максимально интересна для каждого отдельного человека. В чем дело? Можно строить разные гипотезы о причине этого. Но, возможно, причина связана с тем, что центром нашего внимания были глобальные проблемы. Значит, единственный субъект любых действий – это общество. Ради общества мы старались. Ради общества строили коммунизм, который по всем параметрам должен был превосходить капиталистический строй. А что касается отдельных винтиков, отдельных человек, то это, может быть, и не столь интересно. Можно высказать, выше я их уже высказывал, даже фантастические гипотезы по этому поводу, может быть, общество имеет свое сознание. То есть, наряду с нашим индивидуальным сознанием Иванова, Петрова, Сидорова, есть еще сознание общества. И оно заинтересовано в том, чтобы именно

общество было счастливо, чтобы общество могло развиваться и т.д., а что касается отдельных клеточек этого общества, то это даже вредно. Ну представьте себе, что у вас каждая клетка захотела бы стать счастливой, захотела бы быть мощной. Как бы мы это назвали? Рак. Когда клетки становятся чем-то самостоятельным, начинают размножаться, то мы это рассматриваем как некоторое заболевание. Может быть, если люди будут заботиться о своих собственных судьбах не в меру, то с точки зрения общества это будет некоторое заболевание.

Реплика:

Это ваша точка зрения?

Я сказал, что можно высказать некоторую фантастическую гипотезу. Это не значит, что я разделяю ее полностью и буду ее защищать как научное положение. Но без фантазии невозможно развитие науки.

Что же такое счастье? Естественно, вопрос должен начинаться с определения – какого-бы то ни было. Известный философ Карл Поппер говорил, что от определений толку мало, потому что мы всегда определяем одно понятие через другое, которое само по себе может быть еще более неясным. Но все же какую-то ориентировочную роль определения могут сыграть. Я считал своим долгом выписать некоторые из них, подвергнув соответствующей критике.

Первое. Философская энциклопедия, Т.5, стр.175: «Это переживание полноты бытия, связанное с самоосуществлением». Вы поняли, что есть счастье?

С точки зрения логической сразу же возникает вопрос: что есть полнота бытия? Что есть самоосуществление? Здесь прав Поппер. Каждое из этих слов значительно более непонятно, чем то, что мы хотим определить – счастье. В конечном счете, когда мы будем приставать к автору определения, то он должен будет сказать: – полнота бытия это и есть счастье. То есть, в конечном счете, это понятие можно определить только через определяемое. То есть будет круг в определении.

Философский энциклопедический словарь, М.,1983: «Счастье – это понятие морального сознания, означающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полнота и осмысленность жизни, осуществление своего человеческого предназначения». Ну, здесь вроде бы более понятные слова, но и это определение не выдерживает никакой критики, потому что понятие «наибольшее внутреннее удовлетворение» – это не обязательно счастье. Я, например, крайне удовлетворен своими поступками, но счастья нет. А увидел какую-то девицу и вдруг ощутил невероятное счастье.

А вот определение социального психолога: «В марксистской социальной психологии, по-видимому, счастье должно рассматриваться как удовлетворенность каждого человека своей жизнедеятельностью, обеспечивающей оптимальные условия для развития им своих задатков, самореализации, самосуществования, применения им своих способностей в условиях развитого социализма, способствующих его адекватному функционированию и дальнейшему прогрессу его личности»⁹⁷.

Это такое определение, которое даже критиковать не хочется. Думается, что каждый вдумчивый читатель способен это сделать самостоятельно.

Мне кажется лучшим определением то, которое известный русский философ, изгнанный Лениным из России, Николай Онуфриевич Лосский, привел в качестве обобщения точки зрения эвдемонистов, т. е. линии Эпикура и его последователей. Кстати, сам Лосский с эпикурейцами категорически не согласен. Определение такое: «Счастье – это система жизни, в которой совокупность удовольствий превышает страдания»⁹⁸. Все понятно. Конечно, тоже можно к чему-то придраться, но, все-таки, из всех определений, это мне представляется наиболее подходящим.

§2. Эпикур и эпикурейцы

Эпикур именно так понимает счастье. Но главное у Эпикура в том, что он не просто определяет, в чем назначение человека, а разрабатывает, будем говорить, первую нам известную теорию достижения счастья. То есть, что сделать для того, чтобы быть счастливым. Не только Эпикур говорил о том, что счастье – это цель жизни. Вот так называемая киренская школа, в г. Кирена, в Африке; теперь там есть ливийская провинция Киренаика. Представители этой школы Аристипп и др. говорили, что счастье в удовольствии. Давайте получать как можно больше удовольствия – вот мы и будем счастливы. А что такое удовольствие? Выпить, закусить, пообщаться с людьми. Вот это счастье. Эпикур гораздо более осторожен в этом плане, – далеко не всякое удовольствие ведет к длительному удовольствию, т. е. к счастью, говорит он в «Письме к Минкею»⁹⁹. Надо принять во внимание, – пишет Эпикур, – что желания бывают естественные и пустые. А из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные. А из числа необходимых одни необходимы для счастья, другие для спокойствия тела, а третьи – для самой жизни.

Дальше. Так как удовольствие есть первое приращенное нам благо, то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда мы обходим

некоторые удовольствия, когда за ними следуют большие неприятности. Также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда для нас приходит больше удовольствия после того, как мы вытерпим страдания в течение долгого времени. Таким образом, всякое удовольствие по естественному родству с нами есть благо, но не всякое удовольствие следует выбирать. Равно как и страдание всякое есть зло, но не всякого страдания следует избегать. Вот теория достижения счастья.

Простые кушанья доставляют такие же удовольствия, как и дорогая пища, когда все страдание от недостатка устранено. Хлеб и вода доставляют величайшее удовольствие, когда человек подносит их к устам, чувствуя потребность. Таким образом, привычка к простой, недорогой пище способствует улучшению здоровья, делает человека деятельным по отношению к насущным потребностям жизни, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы, после долгого промежутка, получаем доступ к предметам роскоши, делает нас неустрашимыми перед случайностью.

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель,

то мы понимаем не удовольствие распутника, и не удовольствие,

закрывающееся в чувственном наслаждении, как думают

некоторые, не знающие или неправильно понимающие, но мы

разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог. Нет,

не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и

женщинами, не наслаждение рыбою и всеми прочими яствами

(смотрите, на первое место ставится рыба, а мы рыбу

недооцениваем).

Далее Эпикур говорит о том, что величайшее благо есть благоразумие и т.д. Вот это исторически первая теория достижения счастья.

После Эпикура был Лукреций Кар с его гениальной поэмой «О природе вещей», а затем, спустя две тысячи лет после Эпикура, появилась поэма «Счастье» французского философа Гельвеция. Работа написана буквально в стиле Эпикура, которого Гельвеций хорошо знал и любил. В поэме четыре песни. В первой песне счастье ищется в трепетной любви. Однако конец любви печален: «Любowników меж тем похолодели ласки, прошел порыв любви, бледнее стали краски, не блещут пламенем восторга их глаза, в них холод мстительный, и горькая слеза. – О мудрость! Вижу я, что в мире наслажденья все счастье только миг летучий упоенья, Но их желанья исполнились и вот. Напрасно красота поклонников зовет»¹⁰⁰.

Далее рассматриваются иные вещи: властолюбие, честолюбие. Удовлетворение и этих стремлений не дает прочного счастья. «А честолюбец? Он хотя б единый миг желал бы удержать для радостей своих? Величья он достиг, но принесло отличие надежду жадную на новое величье. Исполнилась она – желанье вновь грызет; Но по пути надежд к могиле он идет»¹⁰¹. Человек хочет стать большим чиновником, потом зам министра, потом министром. «Сколь часто счастья нет у высшего сословья! И одиночество стоит у изголовья могучих королей, исполненных забот; Гнетущая тоска в постели их грызет»¹⁰².

Вторая песня – «Богатство». Это скорее способ приобретения реальных благ, чем сами эти последние. Стремиться к богатствам ради них самих – это значит не уметь ими пользоваться. Я цитирую не слова самой песни, а ее краткое изложение. Понятно, что нет толку и в богатстве. Значит, если хотите быть счастливыми, то не стремитесь к богатству.

Третья песня. Резюме. Счастливый человек – это тот, который в наименьшей мере ставит свое счастье в зависимость от других людей, и кто, в то же время, обладает разнообразными вкусами, которыми распоряжается по своему желанию. Это человек, любящий учение и науки.

В одно и то же время он и наиболее независим, и наиболее просвещен. Живые удовольствия приносит и философия, как изучающая природу, так и изучающая человека. Философ наслаждается, даже ошибаясь. Он любит историю, занимающуюся опытом изучения человека. Он вовсе не отказывается от чувственных удовольствий, но он

господствует над ними. Поэзия, музыка, живопись, скульптура, архитектура – новые источники его удовольствия.

Так что вот, вам ничего не останется после сегодняшней лекции, как основательно заняться философией. Только в этом случае вы будете счастливы. Никаких других путей Гельвеций не находит. Вы будете возражать, вы будете искать другие пути. Но поиски этих путей, – это уже и будет философия. Так что, опять-таки, Вы, возражая против роли философии, вынуждены будете заняться философией.

Говоря о роли философии в достижении счастья, Гельвеций повторяет Эпикура.

У читателей может сложиться мнение, что и мы идем по его стопам. В самом деле, нам понравилось эпикурейское определение счастья и мы, как кажется, сочувственно изложили взгляды Эпикура и Гельвеция. Во многом мы согласны с эпикурейцами.

Однако, мы усматриваем один, но очень важный, порок эпикурейской схемы. У Марка Твена есть юмористический рассказ, герой которого, учась ездить на велосипеде, постоянно наезжал на собак. Но когда он, научившись кататься, попытался наехать на собаку сознательно, поставив перед собой эту цель, ему это сделать не удалось. Собаки убежали от него. Так функционируют многие системы. В них цель может быть достигнута лишь в том случае, если она сознательно не ставится. От философии можно получить массу удовольствия. Но это произойдет лишь тогда, когда целью будет изучение процесса познания, приобщение к мудрости и т.д. Если же философией мы будем заниматься только с целью получения удовольствия, то, скорее всего, мы его и не получим. То же самое можно сказать и о других видах деятельности. На войне вы можете получить удовольствие, защищая родной город, но лишь тогда, когда целью будет именно защита родного города, а не получение удовольствий. Системы такого типа в честь Марка Твена были названы твеновыми¹⁰³. Твеновость, таким образом, – одно из значений некоторого атрибутивного системного параметра. Система эпикуреизма получение удовольствий ставит своей целью. Она – твенова. И в этом – ее недостаток. Но остается верным, что человека, у которого удовольствий больше, чем страданий, можно назвать счастливым. Другой вопрос – механизм получения этих удовольствий.

§3. Химическая и физико-информационная теории счастья

Перейдем от Эпикура к современности. В последнее время возникают очень интересные концепции счастья, на которых следует остановиться. Одна – химическая концепция, другая – физико-информационная.

Суть химической концепции заключается в следующем. Наша нервная система состоит из клеток-нейронов. Нейроны взаимодействуют друг с другом с помощью электрических импульсов и химических веществ, называемых трансмиттерами. К настоящему времени обнаружено около 60 различных видов трансмиттеров. Это серотонин, допамин, норадреналин, эндорфин и т.д.

Любая мысль или эмоция является результатом слабого электрического импульса и выделения малого количества нейротрансмиттеров в синапс (связь между нейронами). Таким образом, «счастье – главным образом продукт здоровых нервных путей, их надлежащего количества и равновесия нейротрансмиттеров. Различные приятные мысли и чувства могут быть вызваны неодинаковыми нейротрансмиттерами или их комбинацией. Например, радостно-игривое настроение может быть вызвано химическим аналогом амфетамина норадреналином. Состояние безмятежного счастья может быть частично вызвано серотонином, успокаивающим определенные части мозга. Комбинация фенилэтиламина и норадреналина вызывает романтическое настроение¹⁰⁴.

В частности, можно чисто химически объяснить типы любви. Одни трансмиттеры быстро синтезируются и быстро разлагаются. Они обуславливают пылкую, но быстро кончающуюся любовь. Другие образуются медленно и не разлагаются. Это – супружеская прочная любовь.

В химической теории счастья пугает аналогия с наркотиками. Человек может испытать ощущение счастья, потому что он принял какой-то наркотик. Ну, что происходит потом – это уже другой вопрос. После приема сильных наркотиков: опиум, гашиш и пр.– начинается ломка. Человек дико мучается, он вынужден искать еще большую дозу наркотиков, опять еще больше мучается и т.д.

Однако, тот факт, что эти вещества выделяются сами, отличает их от наркотиков, потому что наркотик вносится извне, а эти вещества могут выделяться сами по себе. И вот их выделение будет означать такое счастье. Действительно, если верить химикам, то всегда происходит выделение этих веществ. И в будущем окажется возможным стимулировать это выделение. Принимать какие-то другие вещества, или находиться в каких-то определенных условиях и при этом испытывать ощущение счастья. Как будто бы Вы влюбились. И вместо Эрота, который стреляет стрелами, в Вас будут стрелять вот этими веществами.

Что можно об этом сказать? Конечно, картина получается невероятно тяжелой. Оказывается, что все дело не в нашей деятельности, и, в конечном счете, счастье будет сводиться к инъекции некоторых веществ.

Здесь возможны весьма негативные социальные последствия. Но я хотел бы сказать несколько слов по поводу чисто логической стороны дела. Правы ли те химики, которые считают, что ощущение счастья (а ощущение счастья можно отождествить с самим счастьем, потому что, если вы постоянно ощущаете счастье, то вы и счастливы) вызывается химическими веществами? Оба процесса одновременны.. У вас выделяются вещества, и вы счастливы. Но если оба процесса одновременны, то как определить, какой из этих процессов является причиной, а какой – следствием? Обычно говорят, что причина предшествует действию. Я считаю, что это неверно. Это историческое заблуждение. Далеко не все философы так мыслили. В частности, Аристотель так не думал. Я полагаю, что причина и действие одновременны.¹⁰⁵ Возьмем, к примеру, какой-то физический процесс. Скажем, капля уменьшает свой объем. Почему, спрашивается? Испаряется капля. Следствием испарения является уменьшение объема капли. Оба процесса строго одновременны.

Говорят, что если причина и следствие одновременны, то нельзя отличить причину и действие. Это не так. Пример с каплей воды показывает, что мы можем отличить. Сила и ускорение, по второму закону Ньютона, тоже одновременны. Там, где действует сила, есть и ускорение. Мы можем отличить причину и следствие.

А в данном случае мы, опять-таки, можем найти такие контексты, которые ясно показывают, на что мы воздействуем. Скажем, будет какая-то ситуация, будет соответствующий объект, который вызывает эмоции. Вызываются эмоции, и одновременно выделяется вещество. Но это вещество не заставит появиться прекрасную даму. Прекрасная дама может вызвать поток этого вещества, а не наоборот. Вот поэтому возможно различать причину и действия.

Здесь оба процесса одновременны, но ведущим процессом является человеческая деятельность, а не выделение вещества. А выделение вещества – это одно из побочных следствий. Может быть, потом будут определены какие-то другие следствия.

Иной характер имеет физико-информационная концепция счастья. В качестве ее представителя может быть назван поляк Ежи Леховский¹⁰⁶. Эту концепцию он изложил в докладе на междунациональной конференции общества универсалистов «Современные проблемы универсализма в Центральной и Восточной Европе». Опубликованы реферат и более подробные материалы этого доклада.

В реферате дана формула счастья на основе теории информационно-эмоционального поля, разработанной автором с помощью теории электромагнитного поля. Счастье Q определяется так:

$$Q = \omega L/R = 1 / \omega RC = S$$

Леховский приравнивает счастье еще к двум другим, более сложным формулам, но мы их опускаем. Здесь:

ω – частота информационно-эмоциональных перемен;

L – эмоциональная инертность;

R – сопротивление действию;

C – информационная емкость;

S – число дорог ведущих к цели.

В материалах он ссылается на Папу римского Иоанна Павла II. Папа говорит: «Счастлив тот, который понял, что большее счастье заключается в том, чтобы давать, чем брать, и служить другим, чем быть обслуживаемым». По мнению Ежи Леховского, это можно выразить более подробно следующим образом. Он формулирует 7 пунктов, которые показывают, когда человек счастлив.

1. Тот, кто делает то дело, которое доставляет ему удовольствие, либо ему доставляет удовольствие то, что он делает.

2. Знает много дорог, ведущих к цели, т. е. не одну, а много.

3. Умеет решать проблемы, которые возникают в нашей повседневной жизни.

4. Умеет довольствоваться тем, что есть, ничего не желает лишнего и в возможно более быстрое время реализует то, что у него есть.

5. Не огорчается заранее тем, что может произойти.

6. Никогда не спешит чрезмерно, но

7. В возможно короткое время реализует поставленную перед собой цель.

Далее Леховский возвращается к обоснованию аналогии между физическими и информационно-эмоциональными законами. Всюду есть три основные величины: само явление, вызывающий это явление стимул и сопротивление. Здесь он повторяет М. Петровича, о котором мы уже говорили. Леховский дальше приходит к выводу о том, что проблема счастья может быть решена теоретически таким образом, чтобы будущее было лучшим. Для этого требуется три вещи: знание, как это сделать, то есть информация, дальше, вера в то, что это можно сделать, и третий момент – труд. И вот если мы будем исходить из этой троицы, мы можем добиться того, что будущее для нас будет лучше. Для этого нужен «Союз реализаторов лучших времен». Это всемирный союз. Каждый может войти в этот союз, если он обладает следующими чертами, например: ценить доброту, любить мир между людьми, исключать всякую ненависть между людьми, не обращать внимания на цвет кожи, помогать людям по мере своих возможностей и поступать всегда так, чтобы других людей не обижать. Если вы согласны с этим и хотите вступить во «Всемирный союз реализаторов лучших времен», пишите Ежи Леховскому: 02 – 360, Варшава, ул. Свирская 16 а/23.

Мы занимаемся решением глобальных проблем, хотим перестроить общество, но можно же не решать такую глобальную проблему, а выяснять условия индивидуального счастья. И помогать друг другу достигать этого счастья. То есть организовать такой союз. Это не будет политическая партия, это не будет религиозная организация. Скорее, это будет научное сообщество. Я думаю, что эта задумка вполне ценная, но, тем не менее, физико-информационная концепция счастья меня не устраивает. Здесь я выдвигаю свои возражения. Я думаю, что нельзя буквально переносить закономерности и соотношения физические на область более тонкую, потому что в этой более тонкой области, такой как человеческое счастье, на первый план могут выступать не

количественные соотношения, как в законе Ома или законе Ньютона, а некоторые качественные отношения, которые выражаются, скажем, в системных моделях.

§4. Теоретико-системная теория счастья

Итак, мы отвергли химический и физический варианты. Тогда что же взять за основу? Путь, естественно, остается теоретико-системный. Будем исходить из эпикурейского определения: «Счастье – это система жизни, в которой совокупность удовольствий превышает страдания». Система с определенным ограничением. Вот и будем рассматривать счастье как систему.

Можно выделить три типа систем. Одна – система самого человека. Что это означает? Каждый человек – это совокупность каких-то ощущений, переживаний и прочих психических элементов.

Вторая система. Человек находится в определенном социальном окружении, социуме. Социумы имеются двух типов: узкие и широкие. Узкие – это общение с одним, двумя, тремя, четырьмя людьми. Ну, скажем, с возлюбленной, с матерью, с отцом и т.д. И затем – общество в широком смысле, скажем, государство, медицина, педагогика, армия, т.е. макросоциумы. Значит, микросоциумы и макросоциумы. Ну и, наконец, есть окружающая среда в широком смысле слова, природа, т.е. леса, звери, море, горы и пр. И во всех этих трех или четырех случаях необходимо использовать системный подход.

Каждый человек сам по себе может быть представлен как система своих психических качеств: он добрый, злой, неуравновешенный, умный, дурак, так себе, влюбчивый и т.д. Это совокупность разных свойств. Но они объединяются каким-то отношением. Это не просто неупорядоченный набор. Он соответствует определенной цели. Значит, он должен функционировать так, чтобы обеспечить самовыживаемость, по крайней мере, или в более сильном смысле – самоорганизацию. Мы говорили на предыдущих лекциях, что людей можно классифицировать в зависимости от аспектов системной модели, которые называются системными дескрипторами. Это концепт, структура, субстрат. Есть люди, которые стремятся занять концептуальное место. Они любят ставить цели перед другими людьми. Их обычно называют честолюбцами, или гениальными людьми, скажем. В зависимости от того, имеют они успех или не имеют. Они стремятся занять максимально

высокое место и с него указывать путь. Ну, это один случай. Есть менее масштабные люди, но такого же типа.

Есть структурные люди, которые любят получать от кого-то общее направление деятельности, но затем уже его реализовывать на конкретном субстрате. Говорят, что идеальным человеком в этом отношении был Гиммлер. Он без Гитлера ничего не мог сделать, но Гитлер дает установку: уничтожить такое-то количество евреев. Гиммлер готов: будет сделано, партия велела. Партия должна велеть.

И есть люди, которые любят быть субстратами. Товарищ Сталин любил таких людей, говорил, что хочет выпить за них, за маленьких-маленьких винтиков. Некоторые хотят быть винтиками. Им нравится ходить строем, например, чтобы ими командовали: кру-гом, нале-во! Как это проявляется в сельском хозяйстве? Фермеры любят сами себе цели ставить. А другие любят быть в кол хозе или крепостными. Кстати, не только сейчас бывшие колхозники не хотят быть фермерами, но и многие крепостные не хотели освободиться. Они привыкли, что барин о них заботится, барин их кормит и т.д. Дети тоже часто делятся на самостоятельных и таких, которые любят, чтобы их наказывали, и тогда они будут заниматься. Если есть папа с ремнем. Когда они попадают в университет, где нет этой ситуации, когда преподаватель приходит без ремня, то они перестают учиться. Нет стимула.

Значит, основная идея: проблему счастья нельзя решать вне классификации людей. Для одних одно будет счастьем, для других – другое.

Конечно, можно развивать эту классификацию до бесконечности, вводя дескрипторы второго, третьего порядка и т.д.

Значит, когда человек будет счастлив? В зависимости от указанного типа. Когда у него будет хорошая структура, хорошая подчиненность, он будет наслаждаться – это первый тип. Второй тип будет счастлив, когда у него будет четкий концепт и субстрат, на котором он будет реализовывать эту структуру. Ну и субстратник – когда у него будут хорошие господа, строгие, но справедливые (барин строг, но отходчив). Ну и так далее. Аристотель пишет об этих людях: рабы по природе. Обычно нападают на Аристотеля, что вот Аристотель – рабовладелец. Это недоразумение. Аристотель не говорит, что все рабы – рабы по природе. Но есть рабы по природе. И он абсолютно прав. И он очень четко среди 12 своих рабов отобрал: «рабы по случаю» – он их освободил всех, написав завещание, а «рабы по природе» должны оставаться еще в этом состоянии некоторое время.

Это один подход. Перейду к другому варианту. Людей можно классифицировать не только по системным дескрипторам, но и по системным параметрам. Значения параметров выделяют классы систем. Например, по линейному параметру простота – сложность. Есть простой человек, был простой советский человек. Начальству очень хотелось бы, чтобы люди были простыми. В чем отличие? Простой человек – человек, у которого, в общем, ограниченный круг реакций, ограниченные возможности восприятия. Это, в основном, черно-белая картина, черно-белый телевизор. Ему нужно знать, что хорошо, а что плохо. Скажем, картошка: хорошо или плохо. Мясо: хорошо или плохо. И удивляются, почему в одном случае мясо хорошо, а в другом – плохо. Вот алкоголь – плохо. Тогда он не будет пить никак. Другой считает, что алкоголь – хорошо, и пьет его без меры. Вот в таком плане у меня происходила дискуссия в Венгрии. Я был среди лакатошей – слесарей, в больнице. Я знал всего два венгерских слова, и этого было достаточно, чтобы вести политическую дискуссию. «Ё» – хорошо, «нем ё» – нехорошо. Я говорил слово «Гитлер» – и мне говорили «нем ё», т. е. нехорошо. «Ракоши» – мне говорили «нем ё» – нехорошо. Сталин – «нем ё». Ленин – «ё». Вот таким образом мы беседовали, потому что очень четко все разделялось направо и налево.

Реплика:

Есть еще более откровенная формулировка, выраженная в свое время древне китайским философом Шан Яном, что идеальный для управления – грубый народ.

Простоту и сложность можно измерять. Существует очень много работ по этому поводу, они изложены в книге «Принцип простоты и меры сложности»¹⁰⁷. Используя критерии, рассмотренные в этой книге, можно показать, что режим делает жизнь более простой. И вот простой человек любит режим. Он должен знать, когда встать, когда чистить зубы, когда завтракать и т.д. Идеальное место для простого человека.

Реплика:

Тюрьма.

Нет, не обязательно тюрьма, но это может быть и санаторий, казарма, больница. И он легко перемещается между этими местами. Поэтому вся система наказаний, которая у нас есть – нелепа. Она не учитывает тип личности. Потому что человек привыкает к определенной ситуации, и ему нравится это. И он стремится вернуться. У нас огромное число рецидивистов. Рецидивист выходит из тюрьмы и делает все, чтобы тут же попасть обратно. Да, он там адаптировался. А здесь – сложная ситуация. Встаешь – а что есть? Нет еды. Вот как ситуация у волка.

Встает – еды нет. А у собаки – есть. Собака – упрощенный волк. Вот у нас был секретарь парткома – он шел к своему дому, на него напало несколько человек, и его зверски избили. Так как он – дока, он тут же в милицию, там дали ему альбом с фотографиями, он всех назвал. На второй день все были арестованы и посажены в те места, из которых они пришли. То есть они его избили с целью опять попасть туда же. Очень здорово там было. Конечно, то, что я говорю – крайние случаи, упрощения. Есть промежуточные варианты. Вот в известной оперетте «Летучая мышь» героя сажают в тюрьму все го-навсего на одну ночь. Как он переживает! Одному это невероятно тяжело, а другому – очень легко.

Значит, счастье для одних и счастье для других – это совершенно разные вещи. Дикое несчастье, если очень сложный человек попадает в суперпростую среду. Например, в тюрьму, или даже в армию. Он там невероятно переживает. Он не хочет быть в армии и любой ценой уходит из нее. Вот сейчас у нас большая проблема – альтернативная служба. Простой человек не теряется в армии, а сложный – теряется. И наоборот, простому очень опасно попасть в сложную ситуацию. Он ее избегает. И как предельный случай – самоубийство. Я специально интересовался этой проблемой. Читал несколько книжек о самоубийствах. Потрясающие вещи. Распространено представление, что это страшно несчастные, обездоленные. Однако, количество самоубийств на душу населения – показатель уровня развития страны. Первое место по этому показателю занимают такие страны как Германия, Скандинавия, то есть те люди, которые лучше всего живут.

Реплика:

На первом месте идет Венгрия.

Правильно, это другая гипотеза. Не только Венгрия, а также страна более крупная – Германия. Венгрия – страна, территорию которой когда-то прошел народ с очень высоким уровнем самоубийств. Ну, я не буду говорить о крайностях, я приведу только несколько примеров. Вот австро-венгерская армия. Офицеры и солдаты. Солдаты находятся в положении невероятно более тяжелом, чем офицеры-аристократы. Кто чаще кончает самоубийством? Аристократы. Потому что аристократы более сложные, условия их развития способствовали их сложности, а солдаты были простые, поэтому они не кончали самоубийством. Они простые и находятся в простой армейской ситуации. Зачем кончать? Возьмем Нью-Йорк. Белые и несчастные негры. Кто кончает больше самоубийством? Счастливые белые. За всю историю Нью-Йорка, правда, до того времени, когда была написана эта книга, один негр покончил самоубийством, а остальные все – белые. Сравним мужчин и женщин.

Возьмите художественную литературу. Кто в литературе кончает больше всего самоубийством? Женщины. А в реальности? Мужчины. Я ничего не хочу сказать плохого про женщин. Наоборот, меньше самоубийств происходит от того, что женщина – главный, основной пол, который дух человечества бережет. Мужчины не столь важны для выживания. Даже всех их уничтожь, ну кроме, скажем, сотни, и человечество не погибнет. Есть очень интересное исследование Геодакяна, зачем два пола? Ведь можно было бы размножаться делением. Было бы очень просто. В одно прекрасное мгновение – «раз» – и одна сторона пошла в одну сторону, а другая в другую. А вот зачем-то эволюция изобрела два пола? Он это объясняет тем, что мужской пол более вариантный. Женщины всегда мало отклоняются от среднего. В свое время, когда я работал в Иваново, меня поразила одна вещь: каждый раз кто-то органически не мог сдать логики. Иваново – город невест, но каждый раз это был мужчина. Ну никак. Он был настолько туп, что не мог одолеть логику. А с женщинами такого не происходило. Но и лучшие результаты в логике получены мужчинами. Если женщина выбирает лучшего мужчину, то таким образом обеспечивается прогресс, чего не было бы при размножении делением.

Я не буду говорить про значимость других параметров. Я остановлюсь на изменении сложности в течение жизни. Я уже не буду говорить о классификации людей, а о развитии, индивидуальном развитии человека. Нельзя утверждать, что человек уже рождается в пленках каким-то из этих типов. Вовсе нет. Вначале он идет на нуле. Потом растет очень быстро. Сложность коррелирует с развитием интеллекта. Где-то примерно к 11-12 лет быстрый рост, к 15 годам – максимум, потом начинается спуск, потом в возрасте около 40-50 лет он увеличивается. Я говорю о средней картине.

Реплика:

40 лет – это акме.

Да, действительно, это акме. Достигается какая-то точка перед спуском. Греки правильно заметили, выделили это.

Эти данные приводятся у Айзенка¹⁰⁸, который всю жизнь измерял КИ – коэффициент интеллекта. После 40-50 лет кривая медленно спадает. И, наконец, к старости идет деградация. Человек становится как ребенок. Я сказал о средней картине. Возможны всякого рода отклонения. Ну, например, для Иммануила Канта, по-видимому, было иначе. У него максимум интеллекта к 60-ти годам.

Вопрос заключается в том, как сделать этих людей счастливыми? Ребенок, сложность которого растет, должен быть в сложной среде.

Тогда ему хорошо. Он должен ломать игрушки, рвать одежду, устраивать хаос в квартире. Все это будет говорить о сложности его природы. А вот если он не будет этого делать, то он – больной. Бывают такие дети, которые этого не делают. Ну, и особен но, конечно, под воздействием более простой публики. Эта публика будет давить ребенка: не вертись, не ломай игрушку, не ... и т.д. Возникает конфликт между детьми и родителями. Режим всякий детям противопоказан. Но он показан взрослым, которые хотят отдохнуть. После обеда пропустил рюмочку или две. Надо отдохнуть. А ребенок этого не понимает. Вот, кстати, по поводу режима. В моей книжке «Системный подход и общая теория систем» было выступление против режима. Там об этом несколько страниц. Там не совсем так, как я сейчас это излагаю. Ну и, естественно, редактор не хотел пропустить, говоря, что врачи будут демонстрации устраивать. Меня спасла статья К. Амосова, излагающая сходные идеи.

В разных нациях различные возрастные группы доминируют. У американцев доминируют дети. А у китайцев – старики. И, соответственно, американцы – нация ультралиберальная, все там кипит, преобразуется и т.д., консервативная – китайская. На Востоке имеется большая разница между китайцами и японцами.

Итак, человек растет, становится взрослым, наступает половое созревание, должна быть любовь и т.д., тогда он будет счастлив. Значит, есть общее убеждение, что счастье есть, когда он влюбляется и испытывает ответную любовь, взаимную. А если он влюбится в кого-то, кто любит другого? Тогда что?

Реплика:

Это зависит от того, насколько в человеке развит инстинкт собственности.

Вы уже немного испорчены и плохо изучаете русскую литературу. В русской литературе абсолютно четко: треугольник и один элемент несчастен. Эти классические треугольники все трагичны: у Лермонтова, у Пушкина, у Куприна, скажем, «Гранатовый браслет» и проч. А так ли оно на самом деле? Действительно ли трагедия в данном случае? Надо ли стреляться или вешаться?

Реплика:

Вы рассуждаете как простой человек: стреляться или вешаться.

Нет, я-то как раз так не рассуждаю, но литература учит так рассуждать. А я против литературы. Я говорю, что несчастная любовь – это самая счастливая любовь. Есть такая шутка, но в ней много смысла. Как называется человек, чья любовь была счастливой? Холостяком.

В западной литературе это не совсем так. Там больше свободы. У Куприна герой кончает самоубийством. Неудачники должны кончать самоубийством. А на самом деле? Куприн имел прототип, реального человека. А он что? – А ничего. Ничего страшного. Он женился спокойно. У него это очень приятное воспоминание, такая романтическая любовь, гранатовый браслет. А дальше он стал хорошим семьянином. Я летел как-то в самолете из Красноярска, с конференции. Моей соседкой была одна дама, которая слышала доклад одной датчанки. И в Дании развелась масса вот таких групп, где по 3, 4, 5 человек. У нас третий лишний, а там – нет. Третьего берут.

Реплика:

В качестве запасного.

Нет, все сложнее. Потому что человеческие отношения невероятно многообразны, и можно даже высказать гипотезу, что чем больше людей туда будут входить, тем лучше для каждого. Т.е. эта проблема разрешима. Считалось, что вероятность того, что будет хорошо, – очень мала, а больше вероятность того, что будет очень плохо. На самом деле это не так. Это может быть очень хорошо, лишь бы эта группа была целостной. Тут другой системный параметр. О нем мы будем говорить сейчас. Его тоже можно измерять, так же как и простоту и сложность, если группа будет целостной – это великолепно. Не обязательно типа мужского или женского гарема, вовсе нет. Но там есть какие-то механизмы целостности.

Дальше, человек растет, у него появляются дети, потом он сам становится стариком. И вот здесь две проблемы. Действительно страшные проблемы. Но их не замечают. Хотя от этих проблем гибнет людей больше, чем от всех мировых войн. Первая – это убийство детей взрослыми. Вторая – убийство взрослых и стариков детьми. И то и другое существует. Вот медики любят ссылаться на то, что им удалось сократить детскую смертность, в несколько раз. Что это значит? Вот раньше рождалось 12-14 человек в крестьянской семье, из них 8 умирало, а сейчас вот двое рождаются, и двое живут. Ну, конечно, не всегда двое. Вот скажите, Вы в качестве матери, у Вас 12 человек. Вы их можете вырастить? Нет. Поэтому придумывали все, что угодно, чтобы детей было меньше. Как? Вот есть поверье: два ребенка с одним именем не вырастут. Поэтому одну – Мари, вторая – Мария. Машка большая, Машка малая. Нам известны дикие случаи, о которых печатается в газетах. Это вершина айсберга. Но кроме явных убийств матери имеют много возможностей ликвидировать своего ребенка. Подзатыльник. Посмотрит не так. Вот и регулируется, таким образом, численность.

Понятно, что сейчас, когда изобрели презервативы и другие способы, нет необходимости иметь 12-14 детей. Ведь раньше много рождалось из-за чего? – из-за эмоциональной голодухи. Телевизора нет, газеты нет. Придет мужик с работы, ему хочется развлечься. Это был единственный способ развлечения. Поэтому женщине приходилось рожать.

Реплика:

Кроме того, что еще выпить.

Ситуация меняется, дети становятся стариками, что с ними делать? Кормить их без конца? Они уже ни на что не способны. В Новой Зеландии решали вопрос просто: берут удавку и душат. В Японии уносили на гору, как в японском фильме «Легенда о Нараяме». А сейчас, в условиях цивилизованной Одессы? Квартира. Вот когда-то были маленькие детки, они вырастают и занимают эту квартиру. Рядом купить нет возможности. Раньше строили рядом дом. Начинаются конфликты. И масса примеров, когда родные дети стараются выжить стариков. Причем, чаще всего это случается с мужчинами. Потому что от женщины все-таки есть прок, в старости, она может быть и нянькой, и кухаркой, и проч., а от мужика никакого проку нет. Вот одно из объяснений того, почему мужчины умирают раньше, в Украине – на много лет. Можно с этим как-то справиться? Я думаю, что можно. В Америке эти проблемы давно подняты. Там запросто ребенок может позвонить в полицию и сказать, что его родители обижают. Тут же приходит полицейский и беседует с родителями.

Реплика:

Это не решение проблемы.

Да, это не решение проблемы, но, тем не менее, какой-то выход. Далее, в Польше сейчас движение против абортот. Но, во-первых, их нужно не делать, защитные средства должны быть, а во-вторых, если уже делать, то на самых ранних стадиях, когда ребенку неделя. Ребенок должен быть любимым, желанным. Современная наука что-то делает в этом плане. Скажем, можно придать пол ребенку.

Ну, и последняя проблема тоже решается. Она связана непосредственно с экономикой. Старики должны иметь отдельное жилье, тогда они смогут чувствовать себя в безопасности.

Дальше. Макросистемы. Макросистемы – это государство, тоталитаризм или демократия; я не буду на этом останавливаться, по моему, это совершенно очевидно, что в тоталитарном государстве может развернуться только определенный тип людей, а в целом, конечно, тоталитаризм это ужасно. Я хотел бы обратить внимание на то, что и в нашем государстве, которое пока еще далеко от тоталитаризма,

существуют такие подсистемы, которые представляют собой серьезную угрозу для счастья. Это полиция (милиция), это суд, это все прочие чиновники. Газеты переполнены сообщениями об их злоупотреблениях, способных сделать несчастными любого, кто попадает в их сферу воздействия. И это несмотря на то, что во всех этих организациях есть честные люди, способные делать добро.

Я хотел бы обратить внимание на еще две системы, опасные для счастья. Это – школа и медицина.

Поймите меня правильно. Я вовсе не хочу бросить камень в тех честных тружеников, которые отдают все свои силы на то, чтобы учить и лечить нас. Но, несмотря на их усилия, а может быть, в известной мере и благодаря им, школа и медицина могут стать препятствиями для счастья.

Горе, с которым сталкивается ребенок, чаще всего связано с воспитывающими его родителями, со сверстниками и, не в последнюю очередь, со школой. Школа должна сообщить ученикам определенную сумму знаний, а способен ли он ее воспринять, не способен, хочется ему или не хочется, никого не интересует. Он должен знать устройство кишок таракана, он должен уметь приводить многочлены к одночлену и т.д. Ну, и вы знаете, сколько слез и горя приносит школа! Может быть по-другому? Может. Та же Америка. Вот наши учителя доказывают, что наши ученики больше знают, чем американские. Ну, я в это не очень верю, но допускаю. Однако, главное в том, что любая педагогическая система должна делать ребенка счастливым. Знающий (кстати, люди все равно мало знают) не значит счастливый.

Зато там с них стружку снимают, когда они попадают в университет. Тут уже берегись, никакой поблажки. А в школе – пожалуйста, Вы должны быть счастливы. Поступили в университет – от Вас ждут отдачи, а для этого Вы должны много знать.

Реплика:

А у нас наоборот.

А у нас в университете расслабляются.

Далее, возьмем медицину. Причем, я имею в виду не только официальную медицину – ее все клянут, быть может, не всегда справедливо, но и нетрадиционную: знахарей, экстрасенсов и т.д.

Что они делают? Они переключают болезнь с одного органа на другой. Вы приходите к ним с больным органом, ах, у Вас почка болит, принимайте то-то, то-то; в результате у Вас заболит сердце или что-то еще, и Вы опять придете, и быстро скончаетесь. Несколько лет назад были опубликованы английские материалы. Английские ученые

утверждают, что от лечения с 1981 г. погибло 4 миллиона человек, т. е. в 100 раз больше, чем от СПИДа¹⁰⁹. Причем, не только от неправильного лечения, но и от правильного лечения.

Более точно – от того, что считается правильным в настоящее время. Всей медицине, вплоть до самого последнего времени был присущ один существенный недостаток. Диагноз обнаруживал недостаток в организме тех или иных веществ. И эти вещества, в виде микстур, или таблеток, или инъекций прописывали больному. Здесь не учитывался один важный теоретико-системный закон.

Системы могут самостоятельно восстанавливать свои элементы, т. е. быть авторегенеративными. Другие системы могут это делать под воздействием внешней среды. Это внешнерегенеративные системы. Третьи системы вообще не могут восстанавливать свои элементы. Оказалось, что механизмы внешней и внутренней регенерации, как правило, исключают друг друга, т. е. система внешнерегенеративная не является авторегенеративной и наоборот¹¹⁰. Внешняя регенерация, таким образом, подрывает механизм авторегенерации. Вещества, которые попадают в организм в виде микстур и таблеток, наш организм перестает вырабатывать самостоятельно, и это ведет к очень тяжелым последствиям. Наиболее яркий пример – лечение диабета с помощью инъекций инсулина. Организм под воздействием той или иной причины стал мало вырабатывать инсулина. Внутреннюю регенерацию заменяют внешней, вводя инсулин уколами. В результате организм полностью утрачивает способность к авторегенерации, т. е. к выработке инсулина. Заболевание становится гораздо более серьезным и зачастую влечет летальный исход.

Конечно, сказанное нельзя абсолютизировать. Бывают случаи, когда организм полностью утратил способность к авторегенерации. Тогда внешняя регенерация становится необходимой. Но пока способность к авторегенерации утрачена не полностью, лечение может быть опасным. Есть некоторый смысл в шутке: «Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше он уйдет, тем лучше» (Фонтан-клуб. Одесское телевидение. Апрель 1999).

Кстати, в США очень мало врачей на душу населения. Поначалу я

был этим поражен. Я встретил американца, который удивлялся:

почему у вас постоянно ходят к врачам, у нас ходят к священнику.

Потому что вы ходите к врачам лечить душу. Бесплатная медицина вас развратила. В США медицина платная, и они держаться за эту платную медицину. Рядом, в Канаде, она бесплатная. Но американцы считают, что им лучше. Дальше. Возьмем места, где почти совсем нет медицины. Где такие места? Кавказские горы. И что? А там максимальное количество долгожителей. Почему? Вполне возможно, потому, что они не могут добраться до врачей, и наоборот. Хотя говорят так, на Кавказе чистый воздух, полезно. Во-первых, там выше радиация. А во-вторых, берем аналогичную ситуацию: Альпы. Не ниже, чем Кавказ, а там все то же самое, что на равнине. Что писал человек, который страшно интересовался долголетием и хотел жить долго, Илья Мечников? Он писал, удивляясь, что в Швейцарии, несмотря на горный климат, столетние люди встречаются очень редко.¹¹¹ А почему? Возможно, потому, что там до врача можно доехать запросто, всюду дороги, горы проткнуты тоннелями, и мы получаем не Кавказ, а получаем Францию, Италию, Германию.

А в более отсталых странах, где гораздо меньше врачей, таких как Сербия, Болгария, Румыния, в 1896 г. было 5545 столетних стариков¹¹².

Какой же выход? Указанные выше дефекты не являются особенностями тех или иных врачей. Это особенности современной медицины в целом. Отменить современную медицину нельзя. Однако можно смягчить ее недостатки. В нашей стране это прежде всего изменение организации медицинского обслуживания таким образом, чтобы было обеспечено право выбора врача. До сих пор мы все приписаны по участкам к определенным поликлиникам и должны посещать определенных врачей, независимо от их квалификации и успехов в лечении. Таким образом, каждый медик обеспечивается работой. При выборе же врачей очередь будет лишь у самых способных. Далее, успехи могут быть получены с помощью семейных врачей

и того, против чего медики отчаянно воюют, т. е. самолечения. Я в Москве слушал выступление одного врача, который пропагандировал семейных врачей. Только семейный врач способен не перегнать болезнь из одного угла в другой, а действительно Вам помочь. Потому что он Вас знает. Я задал ему вопрос: извините, но больше всего знаю себя я сам, почему я не могу себя лечить, допустим, с помощью консультаций, книжек, лекций по телевизору? Он сделал вид, что меня не понял. Он говорит, что люди необразованны и прочее. А все врачи образованны? Почему я, заболев какой-нибудь болезнью, которая меня очень интересует, прочитав десятки книг по этой болезни (врач может не читать,

потому что для него это не так важно), почему я сам не имею право выписывать себе рецепты, получать какие-то другие процедуры? В конце-концов, можно получить гарантию от необразованности больного, приняв у него достаточно строгий экзамен на знание себя и своих болезней. В конце концов, я думаю, что мы к этому придем.

Но главной все же остается надежда на прогресс медицины, на проникновение в нее теоретико-системных идей. Когда человека будут рассматривать не просто как машину, а как сложную самоорганизующуюся систему, тогда можно будет надеяться на то, что медицина всегда будет оказывать нам помощь в деле сохранения здоровья, столь необходимого для счастья.

Кое-какие признаки такого прогресса наблюдаются уже сейчас. Я заметил, что сейчас иногда наблюдается стремление к отказу от лечения, только таким образом мы можем остановить грипп. Раньше, допустим, Вы заболели, гриппом и Вам сразу – стрептоцид, норсульфазол и прочее. А теперь к Вам приходит врач и говорит: «Вы знаете, ничего не принимайте, жаропонижающего тоже, вот когда у Вас будет 39°C, ну, тогда чего-нибудь примете. А до 39°C – ничего не принимайте». То есть, та ситуация, которая была в любой русской деревне: жар – ну лезь в печку, пусть тебе еще жарче будет. А потом – чай с малиной. Сейчас это можно объяснить: при температуре 38°-39°C образуется интерферон, а это – самый мощный препарат, он естественно образуется в организме человека. Вы просто не вмешивайтесь. Организм – умнейшая система. Господь-бог или мать-природа делали этот организм.

Далее, мы коротко остановимся на проблеме теоретико-системного анализа брака, используя классификацию людей по системным дескрипторам. Очень плохо, если муж и жена относятся к одному и тому же дескрипторному типу: оба концептники, оба структурники или оба субстратники. Хуже всего первое. Тогда оба будут стремиться

командовать, и брак развалится. Структурники будут тоже стремиться все организовать, беря концепт со стороны. Хорошо еще, если он окажется одним и тем же, например, заданный тещей. Двум субстратникам тоже будет плохо. Они будут нуждаться в концепте и структуре, беря то и другое вне семьи. Вероятнее всего, эта структура и концепт окажутся разными. И тогда раскол неминуем.

Хорошо, когда муж и жена относятся к разным дескрипторам. Лучше всего, когда один – концептник, а другой – структурник. Несколько хуже, когда один – концептник, а другой – субстратник. Тогда будет чувствоваться отсутствие структурного элемента. Лучше, когда один относится к структурному, а другой – к субстратному типу. Недостающий концепт может быть взят со стороны. Очень важна возможность восполнить недостающий дескриптор с помощью детей. Тогда семья будет представлять собой идеальную систему – со всеми дескрипторами.

Далее – простые и сложные люди. Хуже всего, когда соединяются два сложных. Найти взаимопонимание в этом случае трудно. Два простых его найдут легче. Но лучше всего, когда один – сложный, а другой – простой.

Последний вопрос, который мы рассмотрим, относится ко времени.

Аристотель полагал, что «время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным»¹¹³, на том основании, что «одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени»¹¹⁴.

Возможно, что Аристотель и прав, если время взять в абстракции от всех происходящих в нем процессов. Однако в реальности мы этого не ощущаем. Для нас будущее и прошлое, по крайней мере в некоторых своих элементах, существуют столь же реально, как и настоящее. То, что мы сейчас делаем, определено и будущим и

прошедшим. Например, мы сейчас собираемся пойти на лекцию. Лекция – в будущем, но от нее зависит наше поведение сейчас. С другой стороны, мы продолжаем свое прошлое, поскольку сборы на лекцию определены тем, что когда-то мы были зачислены в число студентов. Таким образом, мы живем не только в настоящем времени, а одновременно – в настоящем, прошедшем и будущем.

При этом роль этих времен разная в разные периоды нашей жизни. Маленький ребенок живет, главным образом, настоящим. Обещанная через час конфета для него мало значит. Ему она нужна только сейчас. Далее, по мере взросления все большую роль приобретает будущее. Именно оно концентрирует на себе большую часть наших мыслей. И, наконец, пожилой человек все чаще вспоминает прошлое.

Сказанное имеет существенное значение для проблемы счастья. Не откладывайте на будущее ту радость, которую вы можете доставить своему ребенку! Больше думайте о будущем, когда вы становитесь взрослыми. Мечтайте о нем! Фантазируйте! Пусть ваши мечты, ваши фантазии доставят вам радость, много радости, которая останется с вами и в том случае, если мечты не сбудутся.

То, что было мечтой, может стать той целью, которую вы поставите перед собой в своей жизни. И чем ярче мечта, тем будет больше настойчивости в достижении этой цели.

Нужно учиться и учить мечтать. Помечтаем о том, что когда-нибудь это станет одной из задач нашей школы!

Наконец, вы достигнете того времени, когда на первый план выступят воспоминания о прошлом. Вспоминайте как можно чаще все то хорошее, что было с вами в течение вашей жизни! Для того, чтобы обеспечить себе возможность таких воспоминаний, старайтесь получить в жизни хотя бы раз что-то яркое, запоминающееся. Например, для этой цели хороши путешествия. Даже одно путешествие вы можете тиражировать в своем сознании бесчисленное число раз и каждый раз получать удовольствие. И это будет гораздо более целесообразно, чем если бы

вы деньги, потраченные на путешествие, распределили равномерно и несколько лучше какое-то время ели и пили. Но что бы потом вспомнили?!

Для того, чтобы увеличить удовольствия от воспоминаний можно посоветовать завести специальные записные книжки, в которых отмечать все то, что когда-то доставило вам радость. Потом можно будет их перечитывать и каждый раз эту радость в какой-то мере повторять!

Заключение

Мы рассмотрели далеко не все о счастье. В круг наших интересов попало только то, что связано с теоретико-системным подходом. За всем прочим можно обратиться к книге Рэя Саелиана «Как стать счастливым». (М., Гранд. 1997). Но нужно иметь в виду, что книга написана для достаточно богатых американцев, и в наших условиях некоторые его советы неприменимы.

Сноски

- ¹ Метафизика, XI гл.1. 1059 а 18-20.
- ² Философский словарь. Сокращенный перевод с немецкого. М., Изд. иностр. лит. М.,1961, с.534.
- ³ Там же.
- ⁴ История всесоюзной коммунистической партии (большевиков) ОГИЗ, 1946, с.99.
- ⁵ Философский словарь, под ред. И.Т. Фролова. М., 1991, с.263.
- ⁶ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, гл.1.
- ⁷ Уемов А.И. Гелиоцентрическая система Коперника и теория относительности. //Философские вопросы современной физики. М., Изд. АН СССР, 1952, с.299-331.
- ⁸ Уйомов А.І. Методологічний аспект проблеми нееквівалентності систем Коперника і Птолемея.//Система світу Коперника та сучасна астрономія. Київ, Наукова думка, 1973, с.38-48.
- ⁹ Трахтенберг О.В. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М.,Госполитиздат, 1957,с.95.
- ¹⁰ Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. М., Изд. Соц-экономической литературы, 1959, с.60.
- ¹¹ Шестов Л.И. Признавал ли хоть один философ Бога?// Философия и мировоззрение. М.,Госполитиздат,1990,с.371.
- ¹² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии.1.
- ¹³ Там же
- ¹⁴ Бакрадзе К.С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, Изд. гос. Ун-та, 1958.
- ¹⁵ Кант И. Критика чистого разума. Соч., том 3, М., 1964, с. 176.
- ¹⁶ Музыченко В.Ф. Проблема принципов систематизации категорий диалектики. Канд. дисс. Одесса, ОГУ, 1972.
- ¹⁷ Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., Изд. АН СССР, 1963, с. 38.
- ¹⁸ Карнап Р. Значение и необходимость. М.,1959, с.171-176.
- ¹⁹ Беркли Э. Символическая логика и разумные машины. М., Изд. иностр. лит., 1961, с.34-35.
- ²⁰ Черч Алонзо. Введение в математическую логику. М., Изд. иностр. лит., 1960, с.35.
- ²¹ Баранов М.Т., Костяева Т.А., Прудникова А.В. Русский язык. Справочные материалы. М., Просвещение,1987, с.139-140.
- ²² Рассел Б. История западной философии. М., ил., 1959, с.487.

- ²³ Гегель Г.Ф. Наука логики, Соч., т V, М., 1937, с.581.
- ²⁴ Бурбаки Н. Архитектура математики. Математическое просвещение. №5.М., 1960, с.105-106.
- ²⁵ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М.,Изд. полит. лит.,1956, с.310
- ²⁶ Бергаланфи Л.фон Общая теория систем - критический обзор.// Исследования по общей теории систем. М., 1969, с.28.
- ²⁷ Бергаланфи Л.фон. История и статус общей теории систем.//Системные исследования. Ежегодник, 1973, М., 1973, стр.25.
- ²⁸ Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем. (В связи с общей теорией систем Л.Бергаланфи) «Вопросы философии» 1960, №8, с. 67 - 79.
- ²⁹ Бергаланфи Л.фон Общая теория систем - обзор проблем и результатов //Системные исследования. Ежегодник 1969, М., Наука, 1969. с.30
- ³⁰ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., Наука,1974, с.93-99
- ³¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., Мысль, 1978. с.103-125
- ³² Бергаланфи Л.фон История и статус общей теории систем //Системные исследования. Ежегодник 1973, М, Наука,1973, с.29.
- ³³ Комарчев В.А., Кошарский Б.Д., Поликарпов Г.А., Уемов А.И. Дополнительность. Концепция, отношение, принцип? // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., Наука, 1976. с. 92-101.
- ³⁴ Уемов А.И. Теоретические основания и прикладное значение системного подхода.//Проблемы методологии и современная наука. Кишинев, Штиинца,1988, стр. 73-74.
- ³⁵ Уемов А.И. Системы и системные параметры.//Проблемы формального анализа систем. М., Высшая школа, 1968, стр.15-35.
- ³⁶ Мамчур Е.А., Овчиников Н.Ф., Уемов А.И. Принцип простоты и меры сложности. М., Наука, 1989, гл. III.
- ³⁷ Уемов А.И.Жариков Ю.В. К проблеме системной типологии личности. Философские науки.1977 №3,стр.133-137.
- ³⁸ Антология мировой философии, томI, часть1 М, Мысль,1969, стр.265.
- ³⁹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., Высшая школа, 1981,стр.109-110.
- ⁴⁰ Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли. М.,Прогресс, 1988, с.142.
- ⁴¹ Антология мировой философии. Том I, часть1,М.,Мысль 1969,с.266
- ⁴² Там же, с.267
- ⁴³ Энгельс ф. Диалектика природы. М., Изд. полит. лит.,1982,с.249.

- ⁴⁴ Изложение идей И.Пригожина было дано по книге Пригожин И.,Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.,Прогресс,1986.
- ⁴⁵ Бакунин М.А. Письмо к Нечаеву.//Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М.,Изд. «Правда»,1989,с.548.
- ⁴⁶ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Там же, с.484
- ⁴⁷ Там же, с.503-504
- ⁴⁸ Письмо к С.Г. Нечаеву.// Там же.
- ⁴⁹ Ferracini A., Panichelli E., Benassi M., Di Nallo, A. Steindler, C. Self-organizing ability and living systems// Biosystems.10(1978) p.307-317
- ⁵⁰ Бир С. Мифология систем под сводом сумерек. //Бир С. Кибернетика и управление производством. М.,1965. С.275-290.
- ⁵¹ Sabelli H. Entropy as Symmetry: Theory and Empirical Support// New Systems Thinking and Action for a New Century. International Society for the Systems Sciences. Proceedings of the 38 Annual Meeting. California,Pacific Grove, 1994 vol II , p.1483-1494.
- ⁵² Климонтович Ю.Л. Динамический и статистический хаос. Критерии степени упорядоченности в процессах самоорганизации.// Самоорганизация и наука. Опыт философского осмысления. М., Арго, 1994, с.98-126.
- ⁵³ Климонтович Ю.Л. Критерии относительной степени упорядоченности открытых систем. Успехи физических наук, том 166, №11, ноябрь 1996, стр.1239.
- ⁵⁴ Петров И.Б. К проблеме определения понятий хаоса и порядка в современных естественных науках. Мироздание №2 май 1998.
- ⁵⁵ Гольбах П.А. Система природы. М.,1940, с.40.
- ⁵⁶ Ильенков Э.В. Проблема идеального. Вопросы философии.1979, № 6. Ильенков Э.В. Проблема идеального (окончание). Вопросы философии, 1979, №7
- ⁵⁷ Винер Н., Кибернетика и общество. М., Ил., 1958, с.104
- ⁵⁸ Аристотель. Физика 194 в 23-35.Соч.т.IV, М., 1981,с.87-88
- ⁵⁹ Аристотель. Метафизика 982 в 6. Соч. Т.I М.,1976, с.68-69
- ⁶⁰ Бергаланфи, Людвиг фон, Общая теория систем - критический обзор.//Исследования по общей теории систем. М., Прогресс. 1969, с.32.
- ⁶¹ Аристотель, Метафизика, 983 а 26-32, соч, т.I, с.70
- ⁶² Философский словарь.Київ, УРЕ, 1986, с.599
- ⁶³ Философский энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия,1983,с.622
- ⁶⁴ Философский словарь. М.,Политиздат,1991,с.416
- ⁶⁵ Радлов Э.Л. Философский словарь. М., 1913, с.578.
- ⁶⁶ Рассел Б., Человеческое познание, М., ИЛ, 1957, с.516.
- ⁶⁷ Фрейд З. Я и оно.// психология бессознательного. М., Просвещение, 1990, с. 429.
- ⁶⁸ Юнг К.Г., Проблемы души нашего времени. М., Универс, 1994, с.125.
- ⁶⁹ Гольбах П., Система природы. М., Соцгиз, 1940. С.25.
- ⁷⁰ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М., Изд. полит. лит. 1986, с.282.
- ⁷¹ Гольбах П., там же, с.26.
- ⁷² Дидро Д., Философские основания материи и движения. Избр. Произв. 1941, с.138.
- ⁷³ Ленин В.И., Материализм и эмпириокритицизм, с.280-281
- ⁷⁴ Прабхупада Ш.Ш.А.Ч.Б.С. Наука самоосознания. Бхактиведанта Бук Траст. М., 1992, с.49.
- ⁷⁵ Чаттерджи С. и Датта Д.Введение в индийскую философию, М., Ил.,1955, с.202.
- ⁷⁶ Грассе. Ж., Физиологическое введение в изучение философии. М., Мир, 1909, с.146.
- ⁷⁷ Там же, с.106.
- ⁷⁸ Диалектика природы, М.,1982, с.33-43.
- ⁷⁹ Бердников В.Ф., Валенчик Р.В., Ганін Е.В.,Леонова Г.В., Николенко О.В.,Оганесян М.С.,ПереймерС.І.,Петунін А.Р.,ПлесьскийБ.В.,Портнов Г.Я.,Сараева І.М.,Уйомов А.І.,Цофнас А.Ю. До проблемі чіткості та унікальності систем. Філософські проблеми сучасного природознавства, Випуск 34, Київ 1974, с.17-25.
- ⁸⁰ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., Изд. полит. лит. 1991. С.60.
- ⁸¹ Там же, с.62.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Антология мировой философии Том I, часть 1, М., 1969, с.276.
- ⁸⁴ Маркс К., Ницше философии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. Т.4, с.143
- ⁸⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Ф. Ницше, Соч. в двух томах, т.2, М., Мысль, 1990, с.301.
- ⁸⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Там же, с.28.
- ⁸⁷ Ницше Ф. К генеалогии морали. Там же, с.435.
- ⁸⁸ Ницше Ф. Злая мудрость, там же, т.1, с.112.
- ⁸⁹ 13 в 35-14 а3, Соч., т. II стр.85.
- ⁹⁰ Антология мировой философии, т. I, 42, с.838.
- ⁹¹ Там же, с.840.
- ⁹² Там же, с.841.
- ⁹³ Уемов А.И. Применение языка тернарного описания к построению логики оценок (на венгерском языке) // Filozofia, XX Szeged, 1977 с.21-32.

⁹⁴ Сидоров Г.П., К вопросу о содержании категории счастья.// Актуальные проблемы марксистской этики, Тбилиси, Изд.ТГУ, 1967, с.216-235.

⁹⁵ Колбановский В., Ефимов В, Путаница под видом разработки теории, Коммунист, 1968, № 14, 23.

⁹⁶ Зацепин В.И. Счастье как проблема социальной психологии Львов, Вища школа, 1981, с.34.

⁹⁷ Зацепин В.И. Там же, с.33.

⁹⁸ Лосский Н.О., Условия абсолютного добра, М., Изд. полит, лит., 1991, с.26-27.

⁹⁹ Антология мировой философии, М., Мысль, 1969, с.354-358.

¹⁰⁰ Гельвеций К.А., Счастье. М., Худ. лит., 1936. С.37.

¹⁰¹ Там же, с.39.

¹⁰² Там же, с.42-43.

¹⁰³ Уемов А.И. Общая теория систем и логика в анализе перспектив социального развития.// *Materialy miedzynarodwej Konferencji Wspolczesne problemy Uniwersalizmu w Europie Srodkowej i Wschodniej – Wspolnotowosc, Regionalism, Globalizm/ Warszawa? 1996, S.115.*

¹⁰⁴ Саелиан Рэй, Как стать счастливым, перевод с английского М., Гранд, 1997, с.23.

¹⁰⁵ Уемов А.И. О временном соотношении между причиной и действием, Иваново, 1960.

¹⁰⁶ Lechowski J/ *Szczescie czlowieka pojeciem globalnym we Wspolnotowosci.*//Konferencija “ *Wspolnotowosc, Regionalism, Globalism*” Warszawa, 23-25 Wzzesnia 1996 r. Abstracty referatow, // *Materialy Miedzynarodowej Konferencij. Wspolczesne Problemy Universalizmu w Europie srodkowej i wschodniej – Wspolnotowosc, Regionalism, Globalism. Warszawa 1996,s.106 – 108.*

¹⁰⁷ Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И. М., Наука, 1989.

¹⁰⁸ Айзенк Г.Дж., Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. Н.Новгород 1994, с.12-13.

¹⁰⁹ Антонова Е. Восточные традиции – западной цивилизации. Одесский вестник 25/VII 1996.

¹¹⁰ Уемов А.И., Системный подход и общая теория систем. М., Мысль 1978, с.182-183.

¹¹¹ Мечников И.И., Этюды оптимизма. М., Наука, 1964, с.93

¹¹² Там же, с.92.

¹¹³ Физика 217 в 33, соч.,т.III, М 1981, с.145.

¹¹⁴ Там же, 218 а.